Дэвид Митчелл

ГОЛОДНЫЙ ДОМ

18+

Annotation

Впервые на русском – новейший роман прославленного Дэвида Митчелла, дважды финалиста Букеровской премии, автора таких интеллектуальных бестселлеров, как «Сон № 9», «Облачный атлас» (недавно экранизированный Томом Тыквером и братьями Вачовски) и многих других. Стивен Кинг назвал «Голодный дом» «редкостной, великолепной вещью», а Энтони Дорр – «„Дракулой“ нового тысячелетия». Начало «Голодному дому» положила история, которую Митчелл начал публиковать в своем «Твиттере» в канун Хеллоуина; история, примыкающая к его прошлому роману «Костяные часы» («Простые смертные»). Итак, добро пожаловать в проулок Слейд. Его не так-то легко отыскать в лабиринте улочек лондонской окраины. Найдите в стене маленькую черную железную дверь. Ни ручки, ни замочной скважины; но дотроньтесь до двери – и она откроется. Вас встретит залитый солнцем старый сад и внушительный особняк – слишком роскошный для этого района, слишком большой для этого квартала. Вас пригласят зайти, и вы не сможете отказаться…

- Дэвид Митчелл
  -
  -
  - Приличные люди
  - Без страха и упрека
  - Хрю-хрю
  - Проказник эдакий
  - Астронавты
  - Благодарности
  - Примечания
- notes
  - Сноски
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6

    - 7
    - 8
- Комментарии
    - 1
    - 2
    - 3
    - 4
    - 5
    - 6
    - 7
    - 8
    - 9
    - 10
    - 11
    - 12
    - 13
    - 14
    - 15
    - 16
    - 17
    - 18
    - 19
    - 20
    - 21
    - 22
    - 23
    - 24
    - 25
    - 26
    - 27
    - 28
    - 29
    - 30
    - 31
    - 32
    - 33
    - 34
    - 35
    - 36

- 37
- 38
- 39
- 40
- 41
- 42
- 43
- 44
- 45
- 46
- 47
- 48
- 49
- 50
- 51
- 52
- 53
- 54

Дэвид Митчелл
Голодный дом

David Mitchell
SLADE HOUSE
Copyright © 2015 by David Mitchell
All rights reserved
Th is edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and Th e Van Lear Agency

© А. Питчер, перевод, примечания, 2016
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство Иностранка®

* * *

Трудно вообразить более жуткую историю о сверхъестественном и более изощренного рассказчика. Редкостная, великолепная вещь.

Стивен Кинг

Цветы в горшках засохли, молоко скисло, дети одичали, но я ничего не замечала, погрузившись в изощренную магию повествования. Весьма изобретательный, жуткий и, несмотря на сверхъестественность, очень человечный рассказ о доме с привидениями. Я буду его часто перечитывать.

Гиллиан Флинн

Книгу я проглотил за вечер. Она тесно связана с предыдущими романами Дэвида Митчелла и, несмотря на скромный размер, написана со свойственным автору размахом и энергией. Тщательно продуманный мир сверкает и искрится необузданной фантазией. Это «Дракула» нового тысячелетия,

сказка о Гензеле и Гретель для взрослых, напоминание о том, что литература – вещь увлекательная.

Энтони Дорр

Дэвид Митчелл не столько нарушает все правила повествования, сколько доказывает, что они сковывают живость писательского ума. «Голодный дом» – часть фрактального узора, начатого в предыдущем романе «Простые смертные», ужасающий рассказ о доме с привидениями, основанный и на традиционном фольклоре, и на квантовой механике, завораживающая история о неуемной жажде жизни и о самонадеянности бесконтрольной власти.

Дин Кунц

Дэвиду Митчеллу подвластно все. Назвать его увлекательнейший, завораживающий, временами ужасающий роман книгой о доме с привидениями – все равно что назвать повесть Генри Джеймса «Поворот винта» книгой о призраках. Незабываемый, замысловатый и яркий стиль Митчелла очаровывает и пугает до дрожи. Книга захватывает так же, как хозяева Слейд-хауса не выпускают из дома ничего не подозревающих гостей. Добро пожаловать в Слейд-хаус: входите, бояться вам нечего.

Адам Джонсон

(лауреат Пулицеровской премии)

«Голодный дом» – обезумевший сад, замысловатый лабиринт запутанных тропок, где все цветы ядовиты, а путь к спасению преграждают шипы и колючки. Дэвид Митчелл давно и по праву считается одним из лучших – если не самым лучшим современным писателем, который способен держать читателя в напряжении каждой строчкой и каждым словом, что и подтверждается его новой, головокружительной книгой. Местами она читается, как если бы Уэс Крэйвен попросил Умберто Эко написать новый сценарий по мотивам «Кошмара на улице Вязов», но даже это сравнение не отражает внутренней напряженности

повествования. Фредди Крюгер не выдержал бы в Слейд-хаусе и пяти минут и с криком бросился бы наутек. Я читал книгу с ужасом и восторгом, лихорадочно листая страницы и с трудом сдерживая невольную дрожь.

Джо Хилл

Живое, красочное и до жути пугающее повествование завораживает настолько, что рискуешь пропустить свою остановку в метро. Я вот пропустил.

Дэниел Хэндлер

(он же Лемони Сникет)

Как перевозбужденный Стивен Кинг… маниакально изобретательный… Новый роман, созданный неуемным воображением Митчелла, одновременно скрывает в себе отголоски его предыдущих произведений и намеки на будущие шедевры.

Guardian

Околдовывает и пугает… истинное мастерство рассказчика заключается в том, что Митчелл пробуждает в читателе неподдельный интерес к судьбе каждого из героев.

Scotland on Sunday

Полный глубоких мыслей, искрящийся мрачной энергией роман… невообразимо изобретательный и захватывающий…

Financial Times

Утонченный, элегантно рассказанный ужастик… Митчелл мастерски и с тонким юмором объединяет традиционные компоненты страшных историй – старый особняк, темные аллеи, пропавшие люди – с глубоко реалистичными описаниями жизни героев. Смешно, страшно и правдиво.

The Times

Увлекательная жуткая история, которую интересно читать и ради сюжета, и просто для удовольствия, с замирающим сердцем. Хочется побыстрее добраться до следующей главы, чтобы узнать, что происходит.

Sunday Times

Написано по-настоящему здорово и по-настоящему страшно.

Daily Mail

Митчелл умело сплавляет элементы несопоставимых параллельных реальностей в головокружительную историю, подчиняющуюся своим непостижимым законам.

Metro

Самая увлекательная книга Митчелла, написанная неподражаемым стилем.

Literary Review

На этот раз Дэвид Митчелл обратил свой незаурядный талант рассказчика к описанию соблазнов бессмертия – и его рискованных последствий. Источником его воображения служат знакомые сцены повседневной жизни, воссозданные с необычайной точностью и мастерством. Бессмертие – не привилегия, а проклятие, утверждает он, призывая любить время, обрекающее нас на смерть. Жуткое, головокружительное и безмерно увлекательное повествование – еще одна жемчужина в творчестве великолепного писателя.

Independent

Захватывающая, невероятная книга. Дэвид Митчелл – настоящий волшебник.

The Washington Post

Увлекательно и пугающе… Дэвида Митчелла стоит читать ради замысловатой интеллектуальной игры, ради тщательно выписанных героев и ради великолепного стиля.

Chicago Tribune

Захватывающая история… Как дом на холме в книге Ширли Джексон или отель «Оверлук» в «Сиянии» Стивена Кинга, Слейд-хаус – уголок ада, созданный для того, чтобы заманивать неосторожных путников… Вселенная Митчелла растет и ширится, и этот небольшой, но впечатляющий роман содержит загадочные намеки на будущее.

San Francisco Chronicle

Новое изощренное творение Дэвида Митчелла – рассказ о доме с привидениями, напоминающий романы Диккенса, Стивена Кинга, Дж. К. Роулинг и Лавкрафта, но обладающий куда большим психовольтажом.

Pittsburgh Post-Gazette

Увлекательная, тщательно выписанная история, полная теплоты и человечности… великолепная сказка для взрослых.

The Huffington Post

Прелесть «Голодного дома» заключается в нескончаемых открытиях на каждой странице. Раз за разом гости совершают одни и те же ошибки, – разумеется, читатель их не допустит, читатель умнее и проницательнее, его не обманешь дешевыми трюками ужастиков – всеми этими ожившими портретами, унылыми призраками и лестницами, ведущими в никуда. Читатель найдет потайную дверцу, ускользнет… и попадет в очередную ловушку.

NPR

Чертовски увлекательно… страшно, жутко и весело… Для того чтобы оценить этот роман, необязательно читать

предыдущие. Читателя ожидает восхитительная, захватывающая история, полная интеллектуальной игры, внезапных поворотов сюжета и даже комических эпизодов.

The Daily Beast

Умная, увлекательная и жуткая история. Тем, кто еще не знаком с творчеством Митчелла, возможно, следует начать именно с этой книги.

Milwaukee Journal Sentinel

Митчелл – один из лучших писателей современности. «Голодный дом» станет неотвязно преследовать вас днями – и ночами.

San Antonio Express-News

Великолепная история о доме с привидениями… неожиданно, свежо и жутко… Книга читается залпом – только не забудьте включить свет поярче.

BookPage

Еще один триумф неподражаемого воображения Дэвида Митчелла.

The Daily Telegraph

Захватывающая история в стиле викторианского романа ужасов, ей по праву гордился бы Эдгар Аллан По… Паранормально-мистическое фэнтези с элементами хоррора – и очень увлекательное.

Esquire

Вызывает невероятное восхищение.

Tatler

Сложный, замысловатый роман, которым наверняка насладятся многочисленные поклонники Митчелла. «Голодный дом» неопровержимо доказывает, что Дэвид Митчелл – единственный в своем роде.

Shelf Awareness

Превосходно… Пожалуй, самая доступная книга Митчелла – история о доме с привидениями, подобная классическим романам «Поворот винта» и «Призрак дома на холме», – наверняка придется по душе поклонникам Одри Ниффенеггер, Карен Расселл и Стивена Миллхаузера. Великолепная книга для чтения в Хеллоуин.

Booklist

Приличные люди
1979

Мамины слова тонут в копотном рыке отъезжающего автобуса. За автобусом оказывается паб «Лиса и гончие». На вывеске паба три бигля окружили лису, вот-вот набросятся и разорвут в клочья. Под вывеской табличка: ВЕСТВУД-РОУД. Лорды и леди живут в роскоши, поэтому я ожидал увидеть особняки с бассейнами и «ламборгини» у обочины, но Вествуд-роуд выглядит вполне обычной улицей. Обычные кирпичные дома, сдвоенные или отдельно стоящие, с обычными палисадниками и обычными машинами. Волглое небо цвета застиранных носовых платков. Мимо пролетают семь сорóк. Семь – хорошее число. Мамино лицо совсем рядом, только непонятно, сердитое оно или взволнованное.

– Нэйтан! Слышишь?

Мама сегодня губы накрасила. Помада цвета «утренняя сирень» пахнет клеем «Притт».

Мамино лицо не отодвигается, поэтому я спрашиваю:

– Что?

– Простите или извините, а не что.

– Ладно, – говорю я, что обычно срабатывает.

Но не сегодня.

– Ты слышал, что я сказала?

– «Простите или извините, а не что».

– Что я сказала перед этим? Если у леди Грэйер тебя спросят, как мы приехали, отвечай, что на такси.

– Лгать нехорошо.

– Лгать нехорошо, – говорит мама, вытаскивая из сумки конверт, на котором записан адрес. – А производить приличное впечатление необходимо. Если бы твой отец платил как положено, то мы действительно приехали бы на такси. Так… – Мама прищуривается, разбирая собственный почерк. – Проулок Слейд примерно в середине Вествуд-роуд… – Она глядит на часы. – Без десяти три, а нас ждут к трем. Давай-ка быстрее, не копайся и не ротозейничай.

Мама шагает вперед.

Иду за ней, не наступая на трещины в асфальте[{1}]. Иногда приходится угадывать, где они, потому что тротуар покрыт кашицей палой листвы.

Уступаю дорогу бегуну с огромными кулаками, одетому в черно-оранжевый тренировочный костюм. У футбольной команды «Вулверхэмптон уондерерс» форма черно-оранжевая. С веток рябины свисают кисти блестящих ягод. Хочется их пересчитать, но стук маминых каблуков – цок-цок, цок-цок! – зовет за собой. Туфли она купила на распродаже в универмаге «Джон Льюис», на последние деньги, оставшиеся от гонорара Королевского музыкального колледжа, хотя «Бритиш телеком» прислал последнее уведомление о неоплаченном телефонном счете. Мама надела темно-синий концертный костюм и заколола волосы серебряной шпилькой с наконечником в форме лисьей головы. Шпильку привез из Гонконга мамин отец после Второй мировой войны. Когда к маме приходит ученик, я, чтобы им не мешать, сажусь к маминому туалетному столику и вытаскиваю ли́са из шкатулки. У него нефритовые глаза. Иногда он улыбается, а иногда нет. Я сегодня не в лучшей форме, но скоро валиум подействует. Валиум – отличная вещь. Я две таблетки принял. На следующей неделе обойдусь меньшим числом, а то мама заметит, что они слишком быстро кончаются. Твидовый пиджак колется. Мама купила его в «Оксфаме»[{2}], специально для сегодняшнего визита. Галстук-бабочка тоже из «Оксфама». По понедельникам мама туда ходит помогать, отбирает лучшее из того, что в субботу приносят. Если Гэс Ингрем или кто-то из его приятелей увидит меня в этом наряде, то мне в школьный шкафчик обязательно какашек подкинут. Мама говорит, что я должен научиться Вписываться В Коллектив, но уроков вписывания никто не дает, даже в муниципальной библиотеке таких объявлений нет. Зато есть клуб любителей «Подземелий и драконов». Я хочу записаться, но мама не позволяет, говорит, что «Подземелья и драконы» заигрывают с темными силами. В одном окне по телевизору показывают скачки – по первому каналу Би-би-си идет «Грандстэнд». Следующие три окна закрыты тюлевыми занавесками, сквозь них виден телевизор – рестлинг на канале Ай-ти-ви. Гигант Хэйстекс[{3}], волосатый плохиш, против лысого добряка Биг-Дэдди. Еще через восемь домов на втором канале Би-би-си показывают «Годзиллу». Годзилла натыкается на опору линии электропередачи и валит ее на землю. Японский пожарный с мокрым от пота лицом что-то кричит в рацию. Годзилла хватает поезд, хотя так не бывает, потому что у земноводных нет больших пальцев. Наверное, большой палец Годзиллы – будто так называемый большой палец у панды, то есть не палец, а видоизмененный коготь. Может быть…

– Нэйтан! – Мама хватает меня за руку. – Что я говорила про

ротозейство?

Я задумываюсь, вспоминаю:

– «Живее. Не копайся и не ротозейничай».

– А ты чем занимаешься?

– Размышляю о больших пальцах Годзиллы.

Мама закрывает глаза.

– Леди Грэйер пригласила меня – нас – на музыкальную вечеринку. На суаре для ценителей музыки. Там будут важные особы из Совета по искусствам, те, кто распределяет гранты и организует концерты…

Мамины веки покрыты сеткой крошечных красных прожилок, похожих на фотографии рек, сделанные с большой высоты.

– Я бы с удовольствием оставила тебя дома, играл бы в свою бурскую битву, но леди Грэйер очень настаивала, так что… Веди себя нормально. Сможешь? Я тебя очень прошу. Представь самого нормального одноклассника и изобрази нормальное поведение.

Нормальное Поведение похоже на Вписывание В Коллектив.

– Я постараюсь. Только не бурская битва, а Бурская война. Твое кольцо мне в руку впивается.

Мама разжимает пальцы. Так гораздо лучше.

Я не понимаю, что именно выражает ее лицо.

Проулок Слейд очень узкий. Это проход между двумя домами, который шагов через тридцать оканчивается поворотом влево. В таком месте впору бродягам в картонной коробке ночевать, а не лордам жить.

– Наверное, парадный вход с противоположной стороны, – говорит мама. – Слейд-хаус – городской особняк Грэйеров, а их поместье находится в Кембриджшире.

Если бы каждый раз, когда мама произносит эти слова, мне давали пятьдесят пенсов, то у меня уже набралось бы три с половиной фунта. В проулке холодно и промозгло, как в пещере Белый Шрам в Йоркширских долинах. Мы с отцом туда ездили, когда мне было десять лет. На первом же углу в проулке лежит дохлая кошка. Серая, как пыль на Луне. Я точно знаю, что кошка дохлая, потому что она валяется, как оброненный мешок, а глаза облепили здоровенные мухи. Отчего она сдохла? Ни пулевых отверстий, ни ран от клыков или когтей, только голова неловко свешивается набок. Наверное, какой-то котоманьяк ей шею свернул. Для меня она сразу превращается в одно из пяти прекраснейших зрелищ на свете. Может быть, в Папуа – Новой Гвинее есть племя, которое считает музыкой жужжание мух. Я бы туда вписался.

– Нэйтан, не отставай! – Мама дергает меня за рукав.

– А ее похоронят? Как бабушку?

– Нет. Кошки – не люди. Пойдем.

– Так ведь хозяина надо предупредить, что кошка домой не вернется.

– Каким образом? Подобрать дохлую кошку и носить по Веставуд-роуд? Спрашивать в каждом доме, кто хозяин?

Иногда маме приходят в голову дельные мысли.

– Ну, придется время потратить, но…

– Нэйтан, прекрати! Нас ждут у леди Грэйер.

– Но ведь вороны ей глаза выклюют. Надо похоронить.

– Здесь нет ни сада, ни лопаты.

– А у леди Грэйер найдется и сад, и лопата.

Мама снова закрывает глаза. Наверное, у нее голова разболелась.

– Все, этот разговор окончен.

Она тащит меня за собой, к середине проулка Слейд. В проулке всего пять домов, но кирпичные ограды с обеих сторон такие высокие, что за ними ничего не видно, только небо.

– Смотри не пропусти маленькую черную железную дверь с правой стороны, – говорит мама.

Мы доходим до следующего угла – ровно девяносто шесть шагов, трещины в асфальте заросли одуванчиками и чертополохом, но двери нет. Мы сворачиваем направо, проходим еще двадцать шагов и оказываемся на улице, параллельной Веставуд-роуд. На табличке надпись: КРЭНБЕРИ-АВЕНЮ. Напротив стоит машина Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна. На замызганной панели над задним колесом кто-то написал: ВЫМОЙ МЕНЯ. Водитель со сломанным носом разговаривает по рации. Мимо нас на скутере проезжает мод, как в «Квадрофении»[{4}], без шлема.

– Ездить без шлема запрещено, – говорю я.

– Странно все это, – говорит мама, глядя на конверт.

– А вот сикха в тюрбане полицейские…

– «Маленькая черная железная дверь»… Как мы ее пропустили?

Я знаю. На меня валиум действует, как волшебное зелье на Астерикса[{5}], а вот мама от него соловеет. Вчера она меня Фрэнком назвала, как папу, и не заметила. Рецепты на валиум выписывают два доктора, потому что таблеток по одному рецепту не хватает, но…

…рядом лает собака. Я вскрикиваю, в страхе отшатываюсь и писаю в штаны – совсем чуть-чуть. Нет, все в порядке, там забор, а собака – крошечная тявка, а не бульмастиф, и уж точно не тот самый бульмастиф, а

описался я всего капельку. Сердце стучит как сумасшедшее, меня мутит. Мама вышла на Крэнбери-авеню, ищет ворота и особняк за воротами, тявканья даже не услышала. Мимо проходит лысый тип в комбинезоне – в руках ведро, на плече стремянка, – насвистывает «Я научу всех в мире петь»[{6}].

– Простите, вы не знаете, где здесь Слейд-хаус? – спрашивает его мама.

Свист прекращается. Лысый тип останавливается:

– Где здесь что?

– Слейд-хаус. Резиденция леди Норы Грэйер.

– Понятия не имею. Но коли вы ее найдете, передайте этой самой леди, что если ей угодно кого попроще, то я мастер дам ублажать. Классный у тебя галстучек, сынок, – говорит он мне, сворачивает в проулок Слейд и продолжает насвистывать с того самого места, на котором прервался.

Мама глядит ему в спину, бормочет:

– Вот уж спасибо, помощничек хренов.

– «Хренов» – нехорошее слово.

– Нэйтан, не… Ох, не начинай.

По-моему, лицо у мамы сердитое.

– Хорошо.

Песик больше не тявкает, лижет пипиську.

– Вернемся, – решает мама. – Может быть, леди Грэйер имела в виду соседний переулок.

Она идет к проулку Слейд, я за ней. Мы подходим к середине проулка как раз тогда, когда тип со стремянкой на плече сворачивает за угол, там, где лежит дохлая лунно-серая кошка.

– Если здесь кого убьют, то никто и не увидит, – говорю я.

Мама не обращает на меня внимания. Может, мое замечание не совсем нормальное. На середине проулка мама останавливается:

– Ох, ну надо же!

В кирпичной стене виднеется черная железная дверь. И правда маленькая. Во мне четыре фута одиннадцать дюймов росту, а дверь вровень с моими глазами. Толстяку в нее не протиснуться. На двери нет ни ручки, ни замочной скважины, ни щелей в дверном косяке. Она черная-черная, как пустота, как провалы между звездами.

– И как мы ее пропустили? – говорит мама. – Тоже мне, бойскаут.

– Я больше не бойскаут, – напоминаю я.

Мистер Муди, глава скаутского отряда, велел мне валить куда

подальше, я и свалил. А потом бригада спасателей Сноудонии[7] меня два дня искала. В новостях показывали, и все такое. Все почему-то очень рассердились, но я ведь просто делал что сказано.

Мама толкает дверь – не открывается.

– И как эту проклятую дверь открыть? Может, постучать?

Дверь притягивает мою ладонь. Поверхность теплая.

Дверь распахивается внутрь, петли визжат, как тормоза…

…и перед нами сад – жужжащий летний сад. Там растут розы, зубатые подсолнухи, россыпи маков, кустики наперстянки и еще какие-то цветы, названий которых я не знаю. Там есть каменная горка и пруд, повсюду снуют пчелы и порхают бабочки. Потрясающе.

– Великолепно! – говорит мама.

Слейд-хаус стоит на вершине холма – старый, приземистый, суровый, серый и наполовину облепленный огневым плющом, совершенно непохожий на дома вдоль Вествуд-роуд и Крэнбери-авеню. Если бы он принадлежал Национальному обществу охраны исторических памятников, то его посещение стоило бы два фунта, а детям до шестнадцати – семьдесят пять пенсов. Мы с мамой проходим в черную железную дверь, ее закрывает ветер, будто дворецкий-невидимка, порывы подталкивают нас в сад, вдоль стены.

– У Грэйеров наверняка садовник есть, – говорит мама. – И не один.

Валиум наконец-то подействовал. Красные тона становятся глубже, синие – яснее, зеленые – влажнее, а белые делаются прозрачными, как папиросная бумага. Я хочу спросить маму, как такой огромный дом и сад умещаются в пространство между проулком Слейд и Крэнбери-авеню, но вопрос проваливается в глубокий бездонный колодец, и я забываю, что забыл.

– Вы, должно быть, миссис Бишоп с сыном, – произносит невидимый мальчик.

Мама отшатывается, совсем как я от тявки, а мое изумление смягчает валиум.

– Я тут, наверху, – слышится голос.

Мы с мамой глядим вверх. На стене, футах в пятнадцати от нас, сидит мальчик, мой ровесник. У него волнистые темные волосы, пухлые губы, молочно-белая кожа, джинсы, кеды на босу ногу и белая футболка. Никакого твида и галстуков-бабочек. Мама не говорила, что на музыкальное суаре пригласили моих сверстников. Значит, сейчас начнутся

выяснения, кто самый клевый, самый крутой, самый умный… Нормальным мальчишкам это всегда почему-то важно, а такие, как Гэс Ингрем, из-за этого даже дерутся.

– Здравствуй, – говорит мама. – Да, я – миссис Бишоп, а это Нэйтан. Послушай, может быть, ты спустишься? Стена уж очень высокая.

– Приятно познакомиться, Нэйтан, – говорит мальчик.

– Почему? – спрашиваю я подошвы кедов.

Мама шипит что-то про манеры, а мальчик отвечает:

– Потому что. Кстати, меня зовут Иона. Мне поручили вас встретить.

Я не знаю ни одного Ионы. Бордовое имя.

– Иона, ты сын леди Норы? – спрашивает мама.

Иона, поразмыслив, отвечает:

– В общем-то, да.

– То есть… – говорит мама. – Ах да, понятно. А…

– О, Рита, вы нас нашли!

Из решетчатой штуковины, похожей на туннель, увитый лозой с висячими гроздьями белых и лиловых цветов, выходит женщина. Она мамина ровесница, но стройная, не изможденная, одетая в наряд под стать ее саду.

– Мы вчера с вами поговорили, я трубку положила и только тогда сообразила, что со стороны проулка Слейд нас отыскать сложно будет… Надо было, конечно, к парадному подъезду вас отправить, но мне очень хотелось, чтобы вы Слейд-хаус из сада увидели, во всем его великолепии.

– Добрый день, леди Грэйер, – отвечает мама, подражая знатным дамам. – Что вы, мы…

– Прошу вас, Рита, зовите меня Норой – все эти титулы такую скуку навевают. Я вижу, вы уже познакомились с Ионой, нашим местным человеком-пауком.

У леди Грэйер черные, как у Ионы, волосы и рентгеновский взгляд. Я отвожу глаза.

– А этот юноша, должно быть, Нэйтан, – говорит она, пожимая мне руку (пальцы пухлые, но сильные). – Твоя мама мне о тебе рассказывала.

– Приятно познакомиться, Нора, – отвечаю я, как взрослый в фильме.

– Нэйтан! – чересчур громко восклицает мама. – Леди Грэйер тебе пока не предлагала называть ее по имени.

– Ничего страшного, – говорит Нора Грэйер. – Пусть называет.

Яркий день плывет перед глазами.

– Ваше платье очень подходит к саду, – говорю я.

– Какой тонкий комплимент, – говорит леди Грэйер. – Спасибо. Ты

тоже прекрасно выглядишь. Галстук-бабочка – изящный аксессуар.

Я высвобождаю руку.

– Нора, а у вас была лунно-серая кошка?

– Была ли у меня кошка? Когда? Недавно или в детстве?

– Сегодня. Она там, в проулке, – показываю я. – У самого угла. Она сдохла.

– Нэйтану свойственна непосредственность, – говорит мама странным, напряженным голосом. – Нора, если это и вправду ваша кошка, позвольте…

– Не волнуйтесь, в Слейд-хаусе кошек уже много лет не держат. Я позвоню нашему дворнику, попрошу, чтобы бедное животное похоронили честь по чести. Очень любезно с твоей стороны, Нэйтан. Доброту ты наверняка от матери унаследовал. Надеюсь, и музыкальный талант тоже.

– Нэйтан недостаточно занимается, – говорит мама.

– По часу в день, – говорю я.

– Лучше бы по два, – резко отвечает мама.

– А еще домашнюю работу делать, – напоминаю я.

– Ну, как известно, одаренность – девять частей потения, – говорит Иона у меня за спиной.

Мама ахает от неожиданности, а я с должным уважением спрашиваю:

– Как тебе удалось так быстро спуститься?

Он постукивает себя по виску:

– Телепортационный контур имплантирован прямо в мозг.

Разумеется, я знаю, что он просто спрыгнул, но ответ мне нравится. Иона выше меня, и все мои ровесники меня выше. На прошлой неделе Гэс Ингрем заявил, что теперь будет звать меня Гадский Гном, а не Пиндюк Жирноморд.

– Неисправимый фантазер, – вздыхает Нора Грэйер. – Рита, надеюсь, вы не обидитесь. Я рассказала Иегуди Менухину о вашем исполнении Дебюсси, и теперь он жаждет с вами познакомиться.

Лицо у мамы принимает ошарашенное выражение, как у героя комикса «Мелочь пузатая».

– Иегуди Менухин у вас в гостях? Сейчас?!

Леди Грэйер равнодушно кивает:

– Да, он вчера концерт давал в Ройял-фестивал-холле, а потом попросил у меня приюта в Слейд-хаусе. Так вы на меня не обижаетесь?

– Я? Обижаюсь? Из-за того, что вы хотите представить меня сэру Иегуди? Просто… просто не верится, что я не сплю.

– Брависсимо! – Леди Грэйер берет маму под руку и ведет к особняку. – Не смущайтесь, Иегуди совсем не страшный, он мягкий и

пушистый, как плюшевый медвежонок. А вы, мальчики, – оборачивается она к нам с Ионой, – поиграйте пока на солнышке, нагуляйте аппетит. Миссис Полански эклеров к чаю напекла.

– Нэйтан, съешь сливу. – Иона протягивает мне плод, садится на землю под деревом.

Я усаживаюсь к соседнему дереву.

– Спасибо. – У теплой мякоти чернослива вкус августовского утра. – А правда, что Иегуди Менухин у вас в гостях?

Иона окидывает меня странным взглядом:

– Думаешь, Нора врет?

Я и не подозревал, что маму можно называть по имени. Папа сказал бы, что это новомодное веяние.

– Я не говорил, что она врет. Просто Менухин – всемирно знаменитый скрипач.

Иона выплевывает сливовую косточку в заросли персидских ромашек.

– Даже у всемирно знаменитых скрипачей есть друзья. Тебе сколько лет, Нэйтан? Тринадцать?

– Точно. – Я выплевываю косточку дальше, чем Иона. – А тебе?

– Тоже тринадцать, – отвечает он. – Мой день рождения в октябре.

– А мой – в феврале. – Я старше, хоть и меньше ростом. – А ты в какой школе учишься?

– Я со школой не в ладах, – говорит Иона. – Если так можно выразиться.

Я ничего не понимаю.

– Но дети должны ходить в школу. Так по закону положено.

– С законом я тоже не в ладах. Хочешь еще сливу?

– Спасибо. А как же школьные инспекторы?

Выражение лица Ионы, наверное, называется озадаченным. Миссис Маркони недавно объясняла мне, что такое «озадаченный».

– Какие инспекторы?

Непонятно, почему он этого не знает.

– Ты меня надуваешь, да?

– Зачем мне тебя надувать, – говорит Иона. – Ты же не воздушный шарик.

По-моему, это остроумно, но если бы я такое Гэсу Ингрему заявил, он бы меня на регбийных воротах распял.

– Нет, правда, меня дома учат.

– Ух ты, здóрово! А кто тебя учит? Мама?

– Наш мэтр, – отвечает Иона и смотрит на меня.

У него болючий взгляд, и я отвожу глаза. Мэтр – в приличном обществе так называют учителя.

– А он хороший?

Иона без хвастовства отвечает:

– Чистый гений.

– Ого. Мне прямо завидно, – признаюсь я. – Я школу ненавижу. Ненавижу.

– Да, если не вписаться в систему, жизнь превращается в ад. А твой отец тоже пианист, как мама?

Я с одинаковой силой ненавижу школу и люблю говорить о папе.

– Нет, он в Солсбери живет. Только не в Уилтшире, а в Родезии. Он оттуда родом, из Родезии. Теперь в родезийской армии бойцов обучает. Мальчишки часто про своих родителей байки рассказывают, а я говорю чистую правду: мой папа – снайпер. За сто метров может человеку пулю между глаз всадить. Он мне однажды показывал.

– Он при тебе кому-то пулю между глаз всадил?

– Не кому-то, а манекену. На стрельбище в Олдершоте. У манекена был радужный парик и усики как у Адольфа Гитлера.

В сливовых деревьях воркуют дикие или домашние голуби, по звуку не определишь. И вообще не ясно, это один вид птиц или нет.

– Трудно, наверное, когда отца рядом нет, – говорит Иона.

Я пожимаю плечами. Мама велела про развод не говорить.

– А ты в Африке был? – спрашивает Иона.

– Нет. Папа обещал, что на следующее Рождество я смогу к нему приехать. Я в прошлое Рождество собирался, но папе пришлось срочно обучать солдат. Когда у нас зима, там лето. – Я хочу рассказать Ионе, что мы с папой должны поехать на сафари, но вспоминаю объяснение миссис Маркони: беседа – как пинг-понг, говорить надо по очереди. – А твой отец где работает?

Вот сейчас Иона скажет, что отец у него адмирал, или судья, или еще кто-нибудь важный, но нет.

– Отец умер. Его застрелили. Несчастный случай на охоте. Это очень давно было.

«Вряд ли *очень* давно», – думаю я, а вслух говорю:

– Ага.

Высокие стебли наперстянки с пурпурными соцветиями колышутся, будто в них кто-то прячется…

…но там никого нет.

– Нэйтан, расскажи о своих кошмарах, – просит Иона.

Мы сидим у пруда на теплых плитах дорожки. Пруд – длинный прямоугольник, с кувшинками и бронзовой статуей Нептуна, сине-зеленой от времени. Пруд больше нашего сада – на самом деле у нас не сад, а вытоптанный двор с сушилкой для белья и мусорными баками. Папино поместье в Родезии спускается к реке, где живут бегемоты. Миссис Маркони всегда напоминает мне: «Сосредоточься на предмете разговора».

– Откуда ты знаешь про кошмары?

– У тебя вид такой… затравленный, – отвечает Иона.

Я швыряю камешек высоко над водой. Он летит по математической дуге.

– А кошмары у тебя из-за шрамов?

Рука машинально тянется к волосам, прикрывает бело-розовые полосы за правым ухом, там, где они больше всего заметны. Камешек с бульком уходит под воду, но брызг не видно. Не буду думать о том, как на меня прыгнул мастиф, как клыки содрали кожу со щеки, будто с жареной курицы, как он таращил глаза и тряс меня, словно куклу, вцепившись зубами мне в челюсть; не буду думать о неделях в больнице, об уколах, о лекарствах, об операциях, о выражениях лиц окружающих; не буду думать, что мастиф поджидает меня всякий раз, когда я засыпаю.

На камышинку перед самым носом садится стрекоза. Крылышки у нее целлофановые.

– Крылышки у нее целлофановые, – говорит Иона.

– Я только что то же самое подумал, – говорю я.

– Что ты подумал? – спрашивает Иона.

Наверное, мне показалось, что он это сказал. От валиума речь стирается, пузыри мыслей лопаются. Я давно это заметил.

В особняке мама играет арпеджио, разминается.

Стрекоза улетела.

– А у тебя кошмары бывают? – спрашиваю я.

– Бывают, – говорит Иона. – Про то, что еда кончится.

– Ложись спать с пачкой печенья, – советую я.

У Ионы зубы прекрасные, ни одной пломбы, как у улыбчивого мальчишки в рекламе зубной пасты «Колгейт».

– Я о другой еде, Нэйтан.

– О какой другой еде? – спрашиваю я.

Морзянка жаворонка слетает с дальних-дальних-дальних звезд.

– О той, которую чем больше ешь, тем больше хочется, – отвечает

Иона.

Кусты смазанно колышутся, будто их заштриховывают.

– Понятно, почему ты в нормальную школу не ходишь, – говорю я.

Иона накручивает травинку на большой палец…

…и резко обрывает ее. Пруд исчез, теперь мы сидим под деревом, так что это другая травинка, другой обрывок. Валиум бьется и подрагивает в кончиках пальцев, а солнечный свет – арфист. Листья на подстриженном газоне похожи на крошечные веера.

– Это дерево гинкго, – говорит Иона. – Его полвека назад тогдашние хозяева Слейд-хауса посадили.

Я выкладываю из листьев гинкго очертания африканского континента; от Каира до Йоханнесбурга – фут. Иона лежит на спине, то ли спит, то ли просто глаза закрыл. Он ни разу не спросил меня про футбол, не назвал меня геем, потому что мне нравится классическая музыка. Может быть, все друзья себя так ведут. Наверное, прошло какое-то время, потому что моя Африка закончена. Я не знаю, который час, потому что в прошлое воскресенье разобрал наручные часы, чтобы их улучшить, а когда стал собирать заново, то не смог – почти как Шалтая-Болтая, – какие-то части потерялись. Мама увидела разобранные часы, расплакалась и заперлась у себя в спальне, так что ужинать опять пришлось кукурузными хлопьями. Не знаю, почему она так расстроилась. Часы были старые-престарые, их сделали задолго до моего рождения. Я снимаю листья с того места, где находится озеро Виктория, выкладываю из них Мадагаскар.

– Ух ты! – говорит Иона, подперев голову рукой.

Я не знаю, надо ли благодарить того, кто говорит «ух ты!», и, чтобы не попасть впросак, спрашиваю:

– А тебе не кажется иногда, что ты – совсем другой вид людей, что тебя из особой ДНК в лаборатории слепили, как в «Острове доктора Моро», а потом выпустили, чтобы проверить, получится у тебя притвориться нормальным, как все остальные, или нет?

Из особняка доносятся негромкие аплодисменты.

– Мы с сестрой и так другой вид, – говорит Иона. – Но проверять это незачем. Нас всегда принимают за нормальных людей, мы притворяемся кем вздумается. Хочешь поиграть в «лису и гончих»?

– А мы прошли мимо паба под названием «Лиса и гончие».

– Он там с тридцатых годов существует. И пахнет соответственно. Мы с сестрой игру в его честь назвали. Давай поиграем? Это как догонялки.

– Я и не знал, что у тебя сестра есть.

– Не волнуйся, ты с ней еще встретишься. Так вот, «лиса и гончие» – догонялки. Начинаем с противоположных концов дома, выкрикиваем: «Лиса и гончие, раз-два-три!» – и на счет «три» бежим против часовой стрелки, пока один другого не поймает. Тот, кто поймает, – гончая, а тот, кого поймают, – лиса. Ничего сложного. Ну, побежали?

Если отказаться, Иона назовет меня слабаком или дебилом.

– Ладно. Только правильнее называть игру «лиса и гончая», ведь гончая будет только одна.

Лицо Ионы поочередно принимает два или три выражения, которые мне совершенно непонятны.

– Что ж, Нэйтан, назовем игру «лиса и гончая».

Слейд-хаус высится мрачной громадой. Багряный плющ багрянее обычного. Окна первого этажа высоко над землей, из сада в них не заглянешь. В них отражаются облака и небо.

– Ты оставайся здесь, – говорит Иона у переднего правого угла, – а я сзади дом обойду. А как начнем, беги против часовой стрелки, вон туда.

Иона трусцой пускается вдоль изгороди остролиста у боковой стены. Я жду, пока он доберется до угла, и замечаю, что в ближайшем окне кто-то движется. Я подхожу поближе, всматриваюсь. Какая-то женщина. Наверное, еще одна гостья суаре леди Норы Грэйер или служанка. У нее прическа высоким валиком, как у певиц на старых папиных пластинках; она морщит лоб, медленно открывает и закрывает рот, как аквариумная рыбка, – похоже, раз за разом повторяет какое-то слово. Я не слышу, что она говорит, потому что окно закрыто.

– Я вас не слышу, – говорю я и делаю шаг к окну.

Она исчезает. В стеклах отражается небо. Я снова отступаю, и она появляется – как картинка на коробке хлопьев для завтрака: наклонишь коробку, и кажется, что изображение движется. Женщина с валиком говорит то ли «са-а-ад», то ли «а-а-ад», то ли просто «а-а-а-а-а». Пока я пытаюсь сообразить, что именно, Иона кричит с дальнего конца остролистовой изгороди:

– Нэйтан, ты готов?

– Готов! – отвечаю я, снова оборачиваюсь к окну, но женщина уже исчезла: вернуть ее не получается, сколько ни верти головой.

Я занимаю место на углу.

– Лиса и гончая! – выкрикивает Иона, и я тоже. – Раз-два…

– …три! – кричу я и бегу вдоль остролистовой изгороди.

«Шлеп-шлеп-шлеп!» – шлепают подошвы моих ботинок, им вторит эхо «хлоп-хлоп-хлоп». Иона выше меня; наверное, он меня на сотню метров обогнал, но все равно я могу стать гончей, а не лисой, потому что на длинных дистанциях важна выносливость. Я выбегаю на боковую тропинку, но вместо Крэнбери-авеню вижу только длинную кирпичную стену, и высокие ели, и узкую полоску газона, которая смутно проносится мимо. Топочу по тропе, огибаю водосточную трубу, пробегаю еще по одной зябкой тропке, рассеченной лучами света, что проникают сквозь щели высокого забора, увитого колючими плетьми ежевики, снова оказываюсь перед парадным крыльцом, врезаюсь в куст с него срываются бабочки кружат оранжевым и черным и красным и белым бураном одна попадает мне в рот и я ее выплевываю и перепрыгиваю через каменную горку спотыкаюсь но не падаю. Пробегаю мимо ступенек ведущих к парадному входу мимо окна с исчезнувшей женщиной сворачиваю за угол и снова топочу по гулкой тропке вдоль остролистовой изгороди в боку колет но я не обращаю внимания, а остролист царапает мне руку будто подталкивает, а мне интересно, кто кого догоняет – я Иону или Иона меня – но думать об этом некогда потому что я возвращаюсь на зады Слейд-хауса, где ели выше и гуще а стена расплывчатее а я все бегу и бегу и бегу за угол туда где ежевика совсем заплела ограду колючки царапают лодыжки и шею и я боюсь что я лиса а не гончая и выбегаю на лужайку перед домом где солнце зашло или село или пропало а цветы завяли и на кусте нет ни одной бабочки только растоптанные крылышки на дорожке пудреные следы а одна полумертвая чуть подергивается…

Я остановился, потому что дальний конец сада, стена с маленькой черной дверью – все блекнет и расплывается. Не потому, что смеркается. Еще четырех часов нет. И тумана тоже нет. Задираю голову – небо голубеет, как и прежде. Все дело в саде. Сад блекнет.

Оборачиваюсь, хочу сказать Ионе, что пора заканчивать игру, что-то случилось, надо позвать взрослых. Жду, что он вот-вот выбежит из-за дальнего угла. Плети ежевики колышутся, как щупальца под водой. Снова гляжу на сад. Там были солнечные часы, но они куда-то пропали, и сливовые деревья тоже. Может, я слепну? Папа бы меня успокоил, сказал бы, что со зрением у меня все в порядке, но папа в Родезии. Надо маму позвать. А где Иона? Может быть, он тоже пропал? Вот стирается решетчатая штуковина, похожая на туннель. Что делать, если пришел в гости, а хозяйский сад начинает исчезать? Пустота надвигается грозовой тучей. В конце тропинки, среди зарослей ежевики, появляется Иона, и я на миг успокаиваюсь, потому что он наверняка знает, что делать, но фигура

бегущего мальчика становится расплывчатой, превращается в рычащий мрак с мглистыми глазами, устремленными на меня, и клыками, которые вот-вот довершат свое дело, и мрак топочет за мной медленно, но верно, огромный, как конь на полном скаку и я бы завопил но не могу в груди плещется удушливый тошнотворный ужас я задыхаюсь волки зима кости хрящи кожа печень легкие голод Голод ГОЛОД и – «беги!». Я бегу к ступеням Слейд-хауса ноги оскальзываются на гравии как во сне и если упаду то мрак меня поймает еще миг и я карабкаюсь на ступеньки и хватаю дверную ручку «лишь бы повернулась!» она не поддается ох не может быть царапины на ребристом золоте заело поворачивается нет не поворачивается тяну толкаю тяну толкаю поворачиваю выкручиваю падаю ничком на колючий коврик в прихожей на черную и белую плитку визжу как будто в картонную коробку глухо сдавленно…

– Нэйтан, что случилось?

Стою на ободранных коленях на ковре в прихожей, сердце трепыхается хлоп-хлоп-хлоп-хлоп-хлоп все медленнее и медленнее, опасность миновала, леди Грэйер стоит с подносом в руках, из носика железного чайничка змеится пар.

– Тебе плохо? Позвать маму?

Ошалело встаю:

– Нора, там, снаружи, что-то есть…

– Погоди, я не пойму. Что там, снаружи?

– Ну такое… похоже на… – («На что оно похоже?») – На собаку.

– А, это Иззи, соседская собачонка. Безмозглый клочок шерсти, вечно к нам в огород забирается. Прогонять жалко, она безобидная.

– Нет, это большая… и сад исчезает.

Леди Нора Грэйер улыбается, только я не понимаю почему.

– Ах, у детей такое богатое воображение! Двоюродные братья Ионы целыми днями сидят перед телевизором со своими видеоприставками «Атари», или как их там, космических захватчиков из лазерных пушек расстреливают. Я им говорю, что на улице погода замечательная, предлагаю погулять, а они только отмахиваются: «Да-да, тетя Нора, хорошо».

Пол в прихожей выложен черной и белой плиткой, как шахматная доска. Пахнет кофе, полиролем, сигарным дымом и лилиями. Сквозь ромбики дверного оконца виден сад – никуда он не исчез, в дальнем конце все так же чернеет маленькая железная дверца, выходящая в проулок Слейд. Наверное, у меня воображение разыгралось. Из гостиной на втором

этаже слышны звуки «Песни жаворонка». Чайковский. Мама исполняет.

– Нэйтан, тебе плохо? – спрашивает Нора Грэйер.

Из библиотечной медицинской энциклопедии мне известно, что в редких случаях от валиума начинаются галлюцинации. Об этом необходимо немедленно уведомить врача. Похоже, я – редкий случай.

– Нет, со мной все в порядке, – отвечаю я. – Мы с Ионой играли в «лису и гончую», и я заигрался.

– Я так и знала, что вы с Ионой подружитесь. Вот как твоя мама с Иегуди. Кстати, поднимайся в гостиную, по лестнице, два пролета. А я позову Иону, и мы эклеры с кухни принесем. Ступай же, не стесняйся.

Я снимаю ботинки, аккуратно ставлю их в прихожей и поднимаюсь по ступенькам. Стены обиты деревянными панелями, а ковер на лестнице пушистый, как снег, и кремовый, как нуга. На лестничной площадке стоят высокие напольные часы, натужно покряхтывают «хрип-храп, хрип-храп…». На стене висит портрет девочки младше меня, веснушчатой, в викторианском наряде. Прямо как живая. Перила скользят под пальцами. Затихает последняя нота «Песни жаворонка», раздаются аплодисменты. Аплодисменты маму радуют. А когда ей грустно, то ужинать приходится бананами и печеньем. На следующем портрете – густобровый военный в мундире Королевского фузилерного полка. В мундирах я разбираюсь, потому что папа подарил мне книгу о полках британской армии и я ее наизусть выучил. «Хрип-храп, хрип-храп», – кряхтят часы. У самой лестничной площадки висит портрет изможденной дамы в шляпке. Дама похожа на миссис Стоун, нашу преподавательницу религиозного просвещения. По выражению ее лица даже мне ясно, что ей здесь не нравится, я бы так миссис Маркони и сказал, если б она спросила. С лестничной площадки еще один пролет уходит вверх и направо, к светлой двери. Напольные часы очень высокие. Я прикладываю ухо к деревянному корпусу, как к груди, вслушиваюсь в стук механического сердца: «Хрип-храп, хрип-храп». Циферблат цвета старой кости, без стрелок, вместо них выведены слова: ВРЕМЯ ЕСТЬ а под ними ВРЕМЯ БЫЛО а под ними ВРЕМЕНИ НЕТ. Поднимаюсь по второму лестничному пролету. На стене портрет парня лет двадцати, с прилизанными черными волосами и сощуренными глазами; на лице такое выражение, будто он только что содрал обертку с подарка и не понимает, что это за штука. Я узнаю женщину с предпоследнего портрета – у нее прическа валиком. Эту даму я видел в окне. Та же прическа, те же болтающиеся серьги, а вместо теней, размазанных вокруг глаз, – мечтательная улыбка. Наверное, эта дама –

знакомая Грэйеров. На шее у нее бьется лиловая жилка, а мне на ухо кто-то нашептывает: «Беги быстрее, уходи тем же путем, как пришел…»

– Что? – переспрашиваю я вслух.

Шепот прекращается. Да и был ли шепот? Это все валиум. Может, не надо его больше принимать… До светлой двери остается несколько шагов. Из гостиной слышен мамин голос:

– Нет-нет, Иегуди, это будет чересчур. Здесь есть кому блистать, кроме меня.

Негромкий ответ сквозь дверь не разобрать, зато слышен смех гостей. И мама тоже смеется. Она давно так не смеялась.

– Вы меня балуете. Вашей просьбе отказать невозможно, – говорит она и начинает играть «Дельфийских танцовщиц» Дебюсси.

Сделав два шага, я оказываюсь вровень с последним портретом.

На портрете – я.

Нэйтан Бишоп.

В той же одежде, которая сейчас на мне. Твидовый пиджачок. Галстук-бабочка. Только глаз на портрете нет. Большой нос – мой, прыщ на подбородке – тоже мой, он там уже неделю, шрамы под ухом от клыков мастифа – мои. А глаз нет. Это шутка? Надо смеяться? Не знаю. Наверное, мама послала Норе Грэйер мою школьную фотографию и фотографии моей одежды, а художник все это нарисовал. Другого объяснения у меня нет. Вряд ли валиум в этом виноват. Или все же виноват? Я промаргиваюсь, гляжу на портрет, пинаю деревянную панель на стене – не сильно, но большой палец на ноге болит. Раз я не просыпаюсь, значит я не сплю. Часы тикают «хрип-храп, хрип-храп», а я дрожу от злости. Я сразу понимаю, что злюсь. Злобу определить легко. Злоба – это когда внутри все кипит, как вода в чайнике. Почему мама решила надо мной подшутить в тот самый день, когда велела мне вести себя нормально? Обычно я дождался бы, пока мама доиграет Дебюсси, но сейчас мне не до приличных манер. Я дотрагиваюсь до ручки светлой двери.

Я сижу в кровати. Что за кровать? Это явно не моя крошечная спальня дома, в Англии: комната в три раза больше, в занавешенные окна пробивается яркое солнце, а на постельном белье Люк Скайуокер. Голова гудит. Во рту пересохло. Письменный стол у окна; книжные полки с журналами «Нэшнл джиографик»; дверь со шторкой из бусин; жужжание миллионов насекомых за окнами; зулусский щит и копье, обвитое блестящей мишурой, – ответ все ближе и ближе…

Это папино поместье в Бушвельде. Я с облегчением выдыхаю, и вся

моя злость из сна улетучивается – фррр! Сегодня ночь перед Рождеством, я в Родезии! Я прилетел вчера, рейсом «Бритиш эйруэйз», самостоятельно – на самолете я летел впервые и на обед попросил рыбную запеканку, потому что не знал, что такое беф-бургиньон. Папа и Джой на своем джипе приехали встречать меня в аэропорт. По дороге домой мы видели зебр и жирафов. Никаких пугающих портретов, никакого Слейд-хауса, никакого мастифа. Миссис Тоддс, учительница литературы, всегда ставит двойки тем, кто заканчивает сочинение фразой: «А потом я проснулся, и оказалось, что все это мне приснилось». Она говорит, что это нарушает соглашение между читателем и автором, что это удобная отговорка, пастушок и волки. Но ведь мы на самом деле каждое утро просыпаемся, и оказывается, что все это нам приснилось. Хотя жалко, что Иона не настоящий. Я отодвигаю занавеску у окна рядом с постелью, вижу лесистые холмы и бескрайние луга. Склон сбегает к бурой реке, где живут бегемоты. Папа прислал мне поляроидную фотографию этого места, она висит дома, в Англии, на стене в изголовье моей кровати. А здесь все настоящее. Африканские птицы, африканское утро, африканский птичий щебет. Пахнет беконом. Я встаю. Пижама из каталога «Кэй». Сосновые половицы под ногами теплые и шершавые, нити бусин касаются лица, будто кончики пальцев…

Папа, в рубашке хаки с короткими рукавами, сидит за столом и читает газету «Родезийский вестник».

– Кракен пробуждается. – Он всегда так говорит мне по утрам. Это название книги Джона Уиндема про монстров, которым удалось растопить полярные льды и устроить всемирный потоп.

Я сажусь за стол:

– Доброе утро, папа.

Папа откладывает газету:

– Я хотел тебя разбудить, чтобы ты встретил свой первый африканский рассвет, но Джой велела тебя не трогать, мол, пусть бедолага отоспится после двенадцатичасового перелета. Так что рассвет завтра встретим. Есть хочешь?

Я киваю – проголодался, наверное. Папа поворачивает голову к кухне:

– Джой? Виолетта? Юноше нужно подкрепиться!

В дверях появляется Джой:

– Нэйтан!

Про Джой я все знаю, мама называет ее папиной дурехой, но все равно странно видеть, как папа милуется с другой женщиной. В июне у них родится ребенок, так что очевидно, что у папы с Джой были половые

сношения. Младенец будет моим сводным братом или сводной сестрой, но имя ему еще не придумали. Интересно, что он делает целыми днями.

– Выспался? – спрашивает Джой.

У нее сильный родезийский акцент, как у папы.

– Да. Только странные сны видел.

– После долгого перелета всегда странное снится. Будешь апельсиний сок и сэндвич с беконом? – предлагает Джой.

Мне нравится, как она говорит «апельсиний сок». Мама бы поморщилась.

– Да, спасибо.

– И кофе тоже, – добавляет папа.

– Мама говорит, что мне еще рано употреблять напитки с кофеином, – объясняю я.

– Вздор, – улыбается папа. – Кофе – эликсир жизни, а родезийский кофе – самый лучший на свете. Выпьешь кофе.

– Апельсиний сок, сэндвич с беконом и кофе, – повторяет Джой. – Так Виолетте и скажем.

Дверь закрывается. Виолетта – прислуга. Мама часто кричала папе: «Фрэнк, я к тебе в прислуги не нанималась!» Папа раскуривает трубку, запах табака напоминает о том времени, когда они с мамой были женаты.

– Рассказывай, дружок, что за странный сон тебе приснился, – говорит он уголком рта.

Я с любопытством разглядываю газелью голову, мушкеты папиного дедушки времен Бурской войны, потолочный вентилятор.

– Мы с мамой пошли в гости к одной даме, настоящей леди, из знатных господ. А дом куда-то запропастился, и мы спросили какого-то мойщика окон, но он не знал… а потом дом нашелся, большой такой особняк, как в «Рожденных в поместье»[{8}]. А там был мальчик, его Иона звали, но он превратился в огромную собаку. И Иегуди Менухин там был, мама с ним в гостиной играла…

Папа фыркает от смеха.

– …а потом я увидел свой портрет, без глаз, а… – Тут я замечаю в углу черную железную дверцу. – И дверь эта там тоже была.

Папа оглядывается:

– Да, во сне такое бывает – все перемешивается, правда и вымысел. Вчера ты меня расспрашивал, что за этой дверью, – там оружейная, помнишь?

Раз папа говорит, наверное, так оно и есть.

– А во сне все казалось настоящим.

– Да, во сне все казалось настоящим, но ты же видишь, что это не так, верно?

Рассматриваю папины карие глаза, морщинки, загорелую кожу, седые пряди в русых волосах, нос, похожий на мой. Часы кряхтят «хрип-храп, хрип-храп», а где-то совсем рядом раздается трубный рев. Я гляжу на папу, надеюсь, что не ослышался.

– Верно, дружок, вчера вечером стадо через реку перебралось. Мы к ним обязательно пойдем, но сначала поешь.

– Вот, угощайся, – говорит Джой, ставя передо мной поднос. – Твой первый завтрак в Африке.

Огромный сэндвич, ломтики бекона в три слоя, щедро залитые кетчупом.

– Сам Господь Бог от такого не откажется, – говорю я.

Эту фразу я услышал в какой-то комедии по телевизору, все смеялись.

– Надо же, какой обходительный, – говорит Джой. – Интересно, откуда это у тебя…

Папа обнимает Джой за талию.

– Сначала попробуй кофе. Сразу возмужаешь.

Я поднимаю кружку, смотрю внутрь. Чернота – как нефть, как дыра в пространстве, как Библия.

– Виолетта только что кофе смолола, – говорит Джой.

– Сам Господь Бог от такого не откажется, – говорит папа. – Пей, дружок.

Что-то внутри меня противится: «Не пей, не надо!»

– Не бойся, мы маме не скажем, – говорит папа. – Это наш с тобой секрет.

Широкая кружка накрывает нос, будто газовая маска.

Широкая кружка накрывает глаза, всю голову.

А потом то, что там, внутри, начинает меня глотать.

Прошло какое-то время. Не знаю, долго или нет. Щелочка света открывает глаз, превращается в длинное пламя. Холодное яркое белое звездное. Свеча в подсвечнике на выщербленных половицах. Подсвечник серебряный, или оловянный, или певтерный, на нем какие-то знаки или буквы мертвого языка. Пламя не движется, словно бы бобина времени, размотавшись, застопорилась. В полумраке реют три лица. Слева леди Грэйер, но теперь она молодая, гораздо моложе мамы. Иона Грэйер справа, старше Ионы в саду. По-моему, они с Норой близнецы. Оба в серых плащах с приспущенными капюшонами. У Ионы волосы короткие, а у Норы

длинные, золотистые, а не черные, как раньше. Они стоят на коленях, будто молятся или медитируют. Неподвижные, как восковые фигуры. Даже не видно, что дышат. А напротив меня – лицо Нэйтана Бишопа. Отражение в высоком прямоугольнике зеркала, что стоит на полу. Твидовый пиджак из «Оксфама», галстук-бабочка. Хочу шевельнуться, но не получается. Не могу. Не могу повернуть голову, не могу поднять руку, не могу рта раскрыть, не могу моргнуть. Как будто парализованный. Мне очень страшно, но не получается даже замычать «мммм!», как испуганный пленник с кляпом во рту. В общем, я понимаю, что это не рай, не ад и уж конечно не Родезия. Папино поместье мне привиделось. Надо бы молить Бога, чтобы это оказалось валиумной галлюцинацией, только я в Бога не верю. Судя по стропилам и скату потолка, я на чердаке. А Грэйеры тоже пленники? Они похожи на мидвичских кукушат.[{9}] А где Иегуди Менухин и остальные гости? Где мама?

Пламя оживает, знаки на подсвечнике сменяют друг друга, как будто подсвечник думает, а знаки – его мысли. Голова Ионы Грэйера поворачивается, шуршит одежда.

– Мама просила тебе передать, что ей пришлось уйти. – Он касается своего лица, будто проверяя, плотно ли оно прилегает.

Я хочу спросить, куда и зачем она ушла, но ни челюсти, ни язык, ни губы не слушаются. Почему мама ушла без меня? На меня глядит зеркальный я. Ни он, ни я двинуться не можем. Нора Грэйер разминает пальцы, словно только что проснулась. Может быть, мне что-то вкололи?

– Всякий раз, когда я возвращаюсь в свое тело, оно мне кажется чужим. Слабым. Знаешь, от него хочется отделаться.

– Поосторожней с желаниями, – говорит Иона. – Если с твоим перворожденным телом что-то произойдет, душа твоя растворится, как кусок сахара и…

– Мне известно, что с ней будет. – Голос Норы Грэйер звучит холодно, гортанно. – В этот раз парикмахерша возникла.

– Какая парикмахерша? – спрашивает Иона.

– Наша предыдущая гостья. Сладенькая твоя. В окне появилась, а потом на лестнице, у своего портрета. Мальчишку предупредить пыталась.

– А, ты имеешь в виду, что ее образ в окне возник. Бывает. Девчонка исчезла, развеялась, как колечко дыма под порывом ветра на Роколле[{10}]. Вреда от нее никакого.

Над пламенем свечи вьется бурый мотылек.

– Они чересчур осмелели, – говорит Нора Грэйер. – А что, если такой вот безвредный образ устроит диверсию в День открытых дверей?

– Если – вот именно что если! – в Театре разума устроят диверсию и какому-нибудь гостю удастся сбежать, пригласим наших друзей-контрактников из «Блэкуотер», вернем беглеца на место. Даром, что ли, мы им платим? Кстати, весьма щедро.

– Иона, ты недооцениваешь нормальных людей. Как обычно.

– Сестрица, ну что тебе стоит хотя бы один раз меня похвалить: «Отличная работа, прекрасный оризон. Ты заполучил великолепную, сочную душу, энергии которой хватит еще на девять лет. Приятного аппетита!»

– Африканское имение – грубая, пошлая поделка, шаблонный образ, братец. Для полного счастья не хватало только Тарзана на лиане.

– Так ведь изысканности и не требовалось! Главное – что видение полностью совпадало с картинкой в воображении гостя. Вдобавок мальчишка психически недоразвит. Он даже не заметил, что легкие у него не работают. – Иона смотрит на меня, как Гэс Ингрем.

Я и вправду не дышу. Отключенное тело это не беспокоит. Не хочу умирать. Не хочу умирать!

– Ох, вот только не ной! Терпеть не могу нытиков, – вздыхает Иона. – Постыдился бы! Я в твоем возрасте не ныл.

– Не ныл? – фыркает Нора. – А когда мама умерла, кто…

– Сестрица, воспоминаниям будем предаваться позже. Кушать подано. Блюдо так и пышет жаром, сочное, на ужасе настоянное, обалдином пропитанное, самое время разделывать. Приятного аппетита!

Близнецы Грэйеры руками выписывают какие-то буквы в воздухе. Сумрак медленно сгущается над пламенем свечи, чуть выше голов. Сгусток превращается в нечто осязаемое, размером с кулак, повисает в воздухе, пульсирует все быстрее, вспыхивает все ярче, то кроваво-красным, то багрово-красным, то ли кровь, то ли вино, вырастает до размеров головы, но больше похоже на сердце, огромное, как футбольный мяч. Из него щупальцами медузы вылезают жилки, извиваются, как плети плюща. Тянутся ко мне. Я не могу повернуть голову, не могу даже закрыть глаза. Жилки пробираются мне в рот, в уши, в ноздри. Гляжу на свое отражение, хочу закричать, но не могу, и даже сознание потерять не могу. Посреди лба вспыхивает боль.

В зеркале видно, что там черная точка. Что-то…

…сочится оттуда, нависает над глазами, гляди: облачко звезд, маленькое, в горсти поместится.

Моя душа.

Гляди.

Гляди.

Прекрасная, как…

Прекрасная.

Близнецы Грэйеры склоняются ко мне, лица сияют рождественским восторгом, и я понимаю, чего они жаждут. Они выпячивают губы и присасываются. Облачный шарик растягивается, как тесто, образует два облачка поменьше… и разрывается пополам. Половина моей души попадает в рот Ионы, а половина – в рот Норы. Они закрывают глаза, как мама на концерте Владимира Ашкенази в Альберт-холле. Блаженство. *Блаженство*. Я вою внутри, эхо звучит и звучит и звучит и звучит в черепе, но вечно ничто продолжаться не может… Громадная пульсирующая штуковина-сердце исчезла, близнецы Грэйеры стоят на коленях, где стояли. Время замедлилось, превратилось в ничто. Пламя больше не трепещет. Над ним застыл бурый мотылек. Холодная яркая звездная белизна. Нэйтан в зеркале исчез, а если он исчез, значит и я…

Без страха и упрека
1988

«Добрый вечер. Начинаем очередной выпуск новостей в субботу, двадцать второго октября. Сегодня, на пресс-конференции на Даунинг-стрит, министр внутренних дел Дуглас Херд еще раз обосновал необходимость правительственного запрета на трансляцию выступлений ирландских националистов, лоялистов и республиканцев, а также сторонников партии Шинн Фейн. Мистер Херд сказал…»

Я выключил радио, вылез из машины и посмотрел на паб. «Лиса и гончие». Вспомнилось, как мы с Джулией однажды сюда заглянули. Мы тогда собирались дом покупать, риелтор присоветовал недвижимость на Крэнбери-авеню, но там оказалась та еще халабуда – сырая и мрачная, с крошечным садом, где даже труп не зароешь. От расстройства мы решили успокоить нервы выпивкой. Пять лет назад, подумать только. Пять лет, одна свадьба, один несчастный медовый месяц в Венеции, четыре Рождества с родственничками Джулии, древолюбами и либералами хреновыми, полторы тысячи завтраков – пшеничных хлопьев, двести пятьдесят бутылок вина, тридцать стрижек, три тостера, три кота, два повышения по службе, один автомобиль «воксхолл-астра», пара коробок презервативов «Дюрекс», два незапланированных визита к зубному врачу, десятки скандалов и ссор и одно выдуманное обвинение в нанесении телесных повреждений. И после всего этого Джулия до сих пор живет в нашем доме с видом на лес и луг, где пасутся кони, а я перебрался в квартирку за многоуровневой автостоянкой. Мистер Джонс, мировой судья, сказал, что мне еще повезло – с работы не выгнали. Слава богу, у нас с Джулией детей нет, иначе она бы выжала из меня еще и алименты, в придачу к компенсации за подпорченную физиономию. Сквалыжная стерва. Глазом моргнуть не успел, а уж пять лет прошло.

Ну, разул глаза, пошел по Вествуд-роуд. Спросил какую-то бабенку в мини-юбке и в облезлой шубейке искусственного меха – сразу видно, шлюха, тут и думать нечего, – где тут проулок Слейд, а она головой помотала и дальше пошла, даже не остановилась. Мимо трусцой пробежал какой-то задрот в черно-оранжевом тренировочном костюме – тоже мне, спортсмен выискался. Трое мальцов восточного вида на скейтбордах

катались, но я с ними связываться не стал – с нашими азиатскими братьями и так уже наобщался по самое не могу. Защитники культурного многообразия чего-то там вещают о расизме среди полицейских… Сами бы попробовали поддерживать закон и порядок в городе, полном всяких там чуркестанцев, которые по-английски знают два слова – «полиция» и «притеснения», – а своих женщин с головы до ног укутывают в черные бурнусы, хрен поймешь, баба или мужик. Одними умильными песенками про черное и белое порядка не добьешься.{11}

Загорелись фонари, хмарь надвинулась, того и гляди дождь пойдет: в такую погоду у Джулии всегда начиналась загадочная мигрень. После муторной смены хотелось побыстрее уйти домой. Если бы не наш старший инспектор, Тревор Дулан, я б уже давно слинял, поужинал остатками вчерашней курицы-тандури, посмеялся бы над придурками на «Свидании вслепую», а потом приговорил бы пинту в пабе с Гонзо и приятелями. К сожалению, Тревор Дулан, старший полицейский инспектор, – ходячий детектор лжи и в понедельник достал бы меня вопросами не хуже ректального зонда, а ответить на них я смог бы, только если бы досконально проверил показания Фреда Пинка. А то ведь пристанет, как липучка, мол, опиши этот проулок, Эдмондс, или еще какую хренотень начнет выяснять. Нет уж, в ноябре мне очередную аттестацию проходить, а через две недели представят отчет по делу Малика, так что до тех пор надо Дулану жопу лизать, тут уж ничего не поделаешь. Так вот, шел я по Вествуд-роуд, налево глядел, направо глядел, все искал этот клятый проулок Слейд. Может, его давным-давно упразднили, а землю домовладельцам раздали: муниципалитет иногда так делает, на радость полицейским – в проулках всякое отребье ошивается. За рулем машины Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна сидел водитель с перебитым носом – я хотел было спросить, не знает ли он, где тут проулок Слейд, но послал все к чертям и направился назад, к своей машине. Мелькнула мысль принять по-быстрому пивка в «Лисе и гончих», отделаться от призрака Джулии.

На середине Вествуд-роуд крохотный, метр с кепкой, инспектор дорожного движения разбирался с двумя амбалами на две головы выше, в ярко-желтых сигнальных куртках. Я даже со спины понял, что парни – строители. Никто из троицы не заметил моего приближения.

– И в блокнотике у вас неверно записано, – заявил Первый строитель, тыча пальцем в галстучный узел коротышки-инспектора. – Мы сюда только после четырех приехали!

– Я здесь все время был, – просипел дорожный инспектор, как две капли воды похожий на этого польского политика, как его там… А, Леха Валенсу, только с усами подлиннее. – И часы мои…

– И часы ваши тоже врут, – сказал Второй строитель.

Дорожный инспектор побагровел:

– Часы у меня правильные.

– Надеюсь, в суде вы убедительнее выскажетесь, – сказал Первый строитель. – Потому что присяжные ненавидят дорожных инспекторов, особенно заносчивых коротышек, возомнивших себя наполеонами.

– А вот мой рост не имеет никакого отношения к вашей долбаной незаконной парковке!

– Ах к долбаной? – переспросил Второй строитель. – Словесные оскорбления наносим? И кстати, «сэр» ни разу не прозвучало. Вы ущемляете мое чувство собственного достоинства. Позор на ваш пристежной галстук!

Дорожный инспектор накорябал что-то на отрывном штрафном талоне и, сунув его под дворник грязного белого фургона на обочине, заявил:

– Оплата в течение четырнадцати дней или повестка в суд.

Первый строитель схватил штрафной талон, демонстративно подтер им задницу и скомкал бумажку.

– Круто! – сказал Лех Валенса. – Но платить все равно придется.

– Да неужели? Мы оба своими ушами слышали, как ты с нас взятку требовал.

Второй строитель скрестил руки на груди:

– Точно, пятьдесят фунтов просил. Наглость какая, даже не верится. Нет, ну ты веришь, а?

Дорожный инспектор скрипнул зубами:

– Ничего подобного!

– Нас двое против одного. Так грязью обольем, что не отмоешься, дурашка. О пенсии бы подумал. Ну, не ерепенься, включай голову и вали отсюда…

– А вот я только что своими ушами слышал, как вы вдвоем сговаривались лжесвидетельствовать, то есть совершить противозаконное деяние, – сказал я.

Оба строителя обернулись. У старшего, бритоголового, был сломан нос. Строитель помоложе – рыжий, веснушчатый, с близко посаженными изюминками глаз – выплюнул на тротуар комок жевательной резинки.

– И мусорить в общественных местах запрещено, – добавил я.

Тот, что со сломанным носом, сделал шаг ко мне и набычился:

– А ты кто такой?

Хвастать я не люблю, но запугать меня не просто: я участвовал в подавлении Брикстонских беспорядков и получил грамоту за храбрость, проявленную в Оргривском сражении{12}, так что никакие патлатые штукатуры мне не страшны.

– Инспектор уголовной полиции Гордон Эдмондс из департамента уголовных расследований, полицейское управление долины Темзы. – Я предъявил свое удостоверение. – А теперь предлагаю подобрать с тротуара и штрафной талон, и жевательную резинку, по-быстрому залезть в свой драндулет и уехать, а в понедельник штраф заплатить. Иначе во вторник я к вам налоговых инспекторов пришлю. Чего это у тебя рожу перекосило? Что, не нравится, как я с тобой разговариваю, засранец? Сэр?

Мы с дорожным инспектором смотрели вслед удалявшемуся фургону. Я закурил, предложил сигарету Леху Валенсе.

Он помотал головой:

– Нет, спасибо. Жена убьет. Я вроде как бросил.

Подкаблучник, я так и знал.

– Неблагодарная это работа.

– Ваша, моя или супружеская жизнь? – спросил он, пряча книжечку отрывных талонов.

– Наша, – ответил я, имея в виду его. – Служба на благо британского общества.

Он пожал плечами:

– Вам иногда хоть силу можно применить.

– *Moi?*[1] Да я образцовый полицейский, одним своим видом внушаю доверие общественности.

Прямо на нас пер какой-то тип, точь-в-точь Боб Марли. Дорожный инспектор уступил ему дорогу, но я остался стоять где стоял. Чудик в дредах вызывающе близко прошествовал мимо. Лех Валенса взглянул на часы:

– Вы здесь по делу, инспектор?

– И да и нет, – ответил я. – Ищу проулок под названием Слейд. Вы, случайно, такого не знаете?

Лех Валенса как-то удивленно взглянул на меня, потом с улыбкой сделал шаг в сторону и с напускной торжественностью, будто неумелый фокусник, взмахнул рукой: между двумя домами виднелся узкий проход, ярдах в двадцати сворачивая за угол влево, под тусклым светом фонаря,

высоко привинченного к стене.

– Это проулок Слейд? – уточнил я.

– Ага. Вон и табличка висит, – ответил дорожный инспектор.

На доме справа действительно висела замызганная табличка: ПРОУЛОК СЛЕЙД.

– Твою мать, – сказал я. – Это ж я мимо прошел.

– Ну, как говорят, на добрые дела тем же отвечают. Ладно, я пойду. Покой нам только снится, и все такое. До встречи, инспектор.

В проулке было холоднее, чем на улице. Я дошел до первого угла, откуда тропка сворачивала влево, тянулась еще ярдов пятьдесят, а потом уходила направо. В плане проулок Слейд выглядел как половина свастики. С обеих сторон высились каменные стены, без окон – рай для грабителей. Я дошел до середины, чтобы потом честно взглянуть старшему инспектору Дулану в его подлые глаза и сказать, что осмотрел каждую щелочку в проулке Слейд и ни фига не обнаружил, сэр. И тут посреди стены справа я увидел черную железную дверцу. Издалека она была совершенно незаметна: маленькая, мне до ключицы доходила и фута два шириной. У меня, как и у всех остальных, есть много разных личин: болельщик «Вест-Хэма»[{13}], бочажник с острова Шеппи, свежеразведенный холостяк, владелец кредитной карты, гибкой подруги, которой я уже задолжал две штуки, но прежде всего я – коп, а ни один коп не пройдет мимо двери в проходном дворе, не проверив, заперта ли она. Особенно вечером. Ручки на двери не было, но едва я приложил ладонь к железу, как проклятая дверца распахнулась. Согнувшись, я заглянул внутрь и…

…вместо задрипанного дворика за дверью оказался огромный сад с террасами, ступенями и тенистыми аллеями, уходящими к внушительному особняку. Сад зарос сорняками, ежевикой и прочей дрянью, пруд затянуло ряской, кусты давно не стригли, но даже в таком виде от красоты дух захватывало. Розы еще не отцвели, высокая стена оберегала от холодов фруктовые деревья, до сих пор покрытые листвой. А дом, наполовину увитый алым плющом… Нет, это был именно особняк, не то что дома по соседству: огромные высокие окна, широкая лестница, ведущая к парадному входу, все как полагается. Окна были зашторены, но дом лучился изнутри мягким теплым светом, будто ванильная карамель. Великолепно. И сто́ит, наверное, целое состояние, особенно сейчас, когда цены на недвижимость взлетели до небес. Вот только кто бы мне объяснил, зачем тупые хозяева оставляют дверь в сад нараспашку – чтобы грабителям

удобнее было в дом забраться и обчистить его до нитки? Вконец офонарели. И охранной сигнализации тоже нигде не видно. Я разозлился не на шутку – кому придется дело расследовать, если дом и впрямь грабанут? Полиции, вот кому. В общем, я решительно зашагал по тропинке, вымощенной каменными плитами, чтобы разъяснить владельцам особняка их ошибку.

Едва я коснулся дверного молотка, как послышался тихий голос:

– Что вам угодно?

Я обернулся. У подножья лестницы стояла женщина – моя ровесница, белокурая, фигуристая, это было заметно даже под мужской рубахой и мешковатыми штанами. Резиновые сапоги ее ничуть не портили.

– Эдмондс, инспектор департамента уголовных расследований, полицейское управление долины Темзы. – Я спустился по ступеням. – Добрый вечер, мадам. Вы хозяйка дома?

– Да. Я… Хлоя Четвинд. – Она подала мне руку – ладонью вниз, на сгибе костяшки торчат, очень неудобно пожимать.

На безымянном пальце – обручальное кольцо.

– Что вам угодно, инспектор?.. Ох, боже мой, простите, имени я вашего не запомнила – в одно ухо влетело, в другое вылетело.

– Эдмондс, миссис Четвинд. Инспектор уголовной полиции.

– Да-да, конечно. Я… – Хлоя Четвинд поднесла дрожащую руку к голове, а потом, как водится, спросила: – Что-то случилось?

– Пока нет, миссис Четвинд, но обязательно случится, если вы не обзаведетесь замком для садовой калитки. К вам кто угодно может забраться.

– Ах да, калитка! – Хлоя Четвинд отбросила со лба бледно-золотистую, будто восковую, прядь. – Она на проволочный крючочек закрывалась, только он проржавел, я собиралась заменить, но муж в июне умер, и как-то не до того было…

А, вот в чем дело.

– Что ж, примите мои искренние соболезнования, и все такое. Боюсь, грабители вам сочувствовать не станут, что осложнит вашу жизнь еще больше. С вами кто-нибудь живет, миссис Четвинд?

– Нет, инспектор. После смерти Стюарта у меня сестра две недели гостила, но потом вернулась домой, в Кингс-Линн. У нее семья… Да, уборщица два раза в неделю приходит. Так что здесь только я, мыши и страхи ночные. – Она нервно дернула уголками губ, изображая улыбку.

Заколыхались высокие стебли пурпурных цветов.

– А собака у вас есть?

– Нет. Собаки очень уж… угодливые.

– Собака будет дом охранять лучше проволочного крючочка. Я бы на вашем месте поставил врезной замок с ригелем и шпингалеты вверху и внизу. А вместо деревянного косяка рекомендую установить стальную раму, для надежности, тогда дверь не вышибут. Дороговато обойдется, конечно, но все лучше, чем ограбление.

– Врезной замок с ригелем… – Хлоя Четвинд закусила губу.

О господи, ну почему все богачи такие беспомощные!

– Послушайте, мы в полицейском управлении пользуемся услугами слесаря. Он, правда, родом из Ньюкасла, так что понимаешь его через слово на пятое, но, если хотите, я попрошу, чтобы он завтра с утра к вам заглянул. Ну что, позвонить ему?

Хлоя Четвинд трагически вздохнула:

– Вы серьезно? Ох, я вам буду так благодарна… Да-да, позвоните ему, пожалуйста. Увы, сама я с этим не справлюсь.

Внезапно откуда-то из-за дома послышался топот. На веранду явно вот-вот выбегут двое мальчишек, и я спустился на нижнюю ступеньку, чтобы не мешать их игре…

…но топот попросту затих вдали. Наверное, в догонялки играли дети в соседнем доме, а слышно было здесь, в саду.

Хлоя Четвинд, странно посмотрев на меня, спросила:

– Вы слышали?

– Соседских детей? Слышал, конечно.

По ее лицу скользнуло неуверенное выражение. Я на секунду растерялся, но потом сообразил, что от горя она разнервничалась, совсем голову потеряла, а тут еще этот древний мавзолей в наследство достался… Надо бы с ней поласковее обходиться, решил я и вручил ей свою визитную карточку:

– Миссис Четвинд, вот, возьмите. Тут мой прямой номер телефона. Звоните, не стесняйтесь, если вдруг что…

Она поглядела на визитную карточку, сунула ее в карман широких штанов. Поближе к крутому бедру.

– Очень мило с вашей стороны. Мне уже совсем не страшно.

Алый плющ затрепетал.

– Горе – оно такое дерьмо, уж простите за грубость. Из-за него вся жизнь дерьмом кажется.

Я не мог разобрать, какого цвета глаза у Хлои Четвинд. Серые. Голубые. Цвета одиночества.

– Кого вы потеряли, инспектор?

– Маму. Она от лейкемии умерла. Давно уже.

– Давно не бывает.

Я почувствовал себя объектом исследования.

– А ваш муж в аварии погиб?

– Нет, от рака поджелудочной железы. Стюарт прожил много дольше, чем сулили врачи, но… под конец, знаете…

Нежный пушок над ее верхней губой золотился в лучах вечернего солнца. Она тяжело сглотнула и посмотрела на запястье, как будто там были часы.

– Ох, время-то уже позднее. Простите, что задержала, инспектор. Давайте я вас провожу до преступной двери.

Мы прошли под деревом, с которого слетали крошечные листья-веера. Я сорвал с края газона высокий стебель какого-то сорняка.

– Ох, стыдоба, – вздохнула миссис Четвинд. – Сад я совсем забросила.

– Ничего страшного. Конечно, попотеть придется…

– Пока эти джунгли расчистишь, реки пота прольешь.

– А садовника у вас нет? – спросил я.

– Был один поляк, но после смерти Стюарта ушел в других краях счастье пытать. Вместе с новехонькой газонокосилкой «Флаймо».

– Надеюсь, вы о краже в полицию сообщили?

– Нет, не было сил этим заниматься, – призналась она, разглядывая ногти. – Столько всего навалилось. И вообще, я такая бестолковая…

– Жаль. Я бы вам помог.

– Очень мило с вашей стороны.

Мы прошли под трельяжной аркой, увитой лозой с висячими гроздьями лиловых и белых цветов.

– Позвольте полюбопытствовать, вы в проулке Слейд в связи с полицейским расследованием оказались? Ну, когда дверь заметили. Или случайно заглянули?

Надо же, Фред Пинк и его показания у меня из головы вылетели, как только я в сад вошел.

– В связи с расследованием.

– Надо же! Надеюсь, ничего ужасного?

– По-моему, дело глухое. Кстати, вам, случайно, имя Нора Грэйер ни о чем не говорит? Или Рита и Нэйтан Бишоп?

– Нора Грэйер? Нет… Странное имя. А Бишопы – это та супружеская пара, которая на Ай-ти-ви утреннюю программу ведет?{14}

– Нет, не они, – ответил я. – Тут совсем другая история.

Мы дошли до конца садовой дорожки, но Хлоя Четвинд не стала со мной прощаться, а присела на бортик у солнечных часов.

– В моей бурной светской жизни случился свободный вечер, – лукаво сказала она, – поэтому, если у вас есть время, я бы с удовольствием выслушала эту историю.

Возвращаться домой, в унылую квартиру, совсем не хотелось. Я достал из кармана кожанки пачку сигарет:

– Вы позволите? Кстати, не желаете ли?

– Позволю. И угощусь с удовольствием. Благодарю вас.

Я присел на бортик рядом с ней, прикурил сигареты – одну для нее, одну для себя.

– Итак, часть первая. Рита и Нэйтан Бишоп, мать с сыном, жили неподалеку от полицейского участка, а в семьдесят девятом пропали. Ну, начали расследование, выяснили, что Рита Бишоп по уши в долгах и что у нее есть родственники в Ванкувере. Решили, что она сбежала, и дело закрыли…

Дымок ее сигареты струился мне в лицо.

– Так вот, часть вторая. Шесть недель тому назад в Королевской больнице Беркшира некий Фред Пинк вышел из комы.

– А, вот о нем я слыхала, – сказала Хлоя Четвинд. – Про него в «Мейл он сандей» писали, мол, мойщик окон вернулся с того света.

– Он самый. – Я стряхнул пепел на муравьев, копошившихся на бортике. – А в перерывах между купаниями в лучах славы Фред Пинк изучал старые газеты в городской библиотеке, наверстывал упущенные события. Там-то он и обнаружил заметку об исчезновении Бишопов. И что вы думаете? Он якобы их узнал. Утверждает, что лично с Ритой Бишоп разговаривал, как раз вон там, – я кивнул на черную железную дверцу, – в проулке Слейд, около трех часов пополудни в субботу, двадцать седьмого октября тысяча девятьсот семьдесят девятого года.

Хлоя Четвинд с вежливым недоумением поглядела на меня:

– Какая невероятная точность!

– Видите ли, для Фреда Пинка этот день стал незабываемым. После того как Рита Бишоп спросила у него, где здесь резиденция леди Норы Грэйер, Фред поволок свою стремянку по проулку Слейд на Вествуд-роуд, а там его сбило такси, и он на девять лет погрузился в кому.

– Ну и дела! – удивилась Хлоя Четвинд, сбрасывая резиновые сапоги, чтобы ноги не прели. – Но если эта Нора Грэйер и в самом деле из родовитой семьи, то ее легко отыскать.

– Вот и мы так решили, – киваю я. – Только поиски пока ни к чему не привели. Если она, конечно, вообще существует.

Хлоя Четвинд затягивается, набирает дыма в легкие, выдыхает.

– Ну, если бы она существовала, то наверняка жила бы здесь, в Слейд-хаусе – в нашем доме. То есть теперь в моем. Вот только мы со Стюартом дом купили у Питтов, а не у Грэйеров. Питты здесь долго жили.

– До семьдесят девятого?

– По-моему, еще до войны. А я в семьдесят девятом историю искусства изучала, аспирантуру оканчивала, в Люксембурге, писала докторскую по Рёскину[{15}]. Разумеется, инспектор, если у вас возникнут какие-то подозрения, приводите ищеек или осушите пруд. Я возражать не стану…

По кочковатому газону шмыгнула белка, скрылась в грядках ревеня. «А Рёскин что еще за хер?» – подумал я и сказал:

– Нет, миссис Четвинд, мы вас беспокоить не собираемся. Мой начальник, старший инспектор, из сочувствия к мистеру Пинку решил проверить его сведения, но, честно говоря, строго между нами, на успех мы не надеемся.

Хлоя Четвинд кивнула:

– Разумеется, мистеру Пинку приятно, что к его словам прислушались. А с Бишопами, надеюсь, все в порядке.

– Да они наверняка живут себе припеваючи где-нибудь в Британской Колумбии, горя не знают.

Над каминными трубами и телевизионными антеннами сияла луна. Воображение распахнуло свой засаленный плащ и явило Хлою Четвинд, распростертую подо мной…

– Ну, мне пора. А слесарю я завтра скажу, чтобы к парадному входу подъехал.

– Да-да, конечно.

Она встала, провела меня до самой черной железной дверцы. Я коснулся створки, раздумывая, не попросить ли номер телефона, но тут Хлоя Четвинд сказала:

– Миссис Эдмондс повезло с мужем, инспектор.

Ого! Дамочка-то интересуется…

– Миссис Четвинд, моя супружеская жизнь окончилась полным крахом. Я брошен и одинок. Могу продемонстрировать душевные раны.

– Что ж, у детективов в телесериалах всегда сложная личная жизнь. И прошу вас, зовите меня Хлоей. Если вам позволено, конечно.

– Если не при исполнении служебных обязанностей, то позволено. А

не при исполнении меня зовут Гордон.

Хлоя дернула пуговицу на манжете старой рубахи:

– Что ж, договорились. Оревуар, Гордон.

Пригнувшись, я просунулся в дверцу, как конверт в щель почтового ящика. Мы пожали руки через порог. За плечом Хлои я заметил какое-то движение, в окне на втором этаже Слейд-хауса мелькнул огонек. Нет, показалось. Вспомнилась моя холостяцкая квартира, грязная посуда в раковине, протекающая батарея, экземпляр «Плейбоя» за туалетным ершиком. Ужасно захотелось остаться в Слейд-хаусе, глядеть из окна на сумеречный сад, дожидаться возвращения Хлои, нежной, белокожей…

– Заведите кота, – неожиданно сказал я.

Она улыбнулась, недоуменно сморщила лоб:

– Кота?

На Вествуд-роуд машины ехали с зажженными фарами и включенными дворниками, капли дождя падали за шиворот и на намечающуюся лысину. Беседа с Хлоей Четвинд прошла не совсем так, как предписывает протокол: я расслабился, ответил на заигрывания, а Тревор Дулан наверняка разозлился бы, узнав, что я рассказал ей о Фреде Пинке, – но иногда встречаются женщины, перед которыми не устоять. Ничего страшного, Хлоя Четвинд попусту болтать не станет, не то что Джулия. Вот кто редкое трепло – с виду напористая, а на самом деле только нюни распускает. А Хлоя, наоборот, с виду надломленная, а закалка у нее – о-го-го! Сильная женщина, умеет держать себя в руках. А в конце, когда она мне улыбнулась… ну, вроде как улыбнулась… Как будто с электричеством перебои, а потом вдруг раз – слава богу! – и свет дали. И сидели мы с ней по-простецки, бок о бок, курили, словно ничего особенного в этом нет. Ну да, у Хлои Четвинд деньжат хватает, и особняк ее стоит целое состояние, а у меня дуля в кармане и дырявый ночной горшок. Зато ей достались только пауки, мыши и воспоминания о болезном муже. В чем в чем, а в женщинах я разбираюсь основательно, получше некоторых. У меня их двадцать две было: от Энджи Баррат по прозвищу Ширнесский Самокат до скучающей жены биржевого трейдера, с которой я в прошлом месяце перепихнулся, она от наручников тащилась. В общем, я точно знал, что Хлоя Четвинд думает обо мне то же самое, что я думаю о ней. Я шел к машине – сильный, стройный и обаятельный, твердо уверенный в том, что меня ждет.

«Добрый вечер! Предлагаем вниманию радиослушателей выпуск новостей в шесть часов вечера, в субботу, двадцать девятого октября.

Сегодня Джордж Шульц, государственный секретарь США, на пресс-конференции в Белом доме объявил о предстоящей полной реконструкции американского посольства в Москве в связи с обнаружением в здании подслушивающих устройств. Президент Рейган выразил…»

Тьфу, кому все это интересно?! Я выключил радио, вышел и закрыл машину. Припарковался я в том же месте, что и неделю назад, как раз напротив паба «Лиса и гончие». Денек выдался тот еще. С утра какой-то ссыкун, накачанный спидами, напал на дежурного по отделению, а я как раз мимо проходил. В общем, вчетвером мы этого придурка в камеру отволокли, а он через час и откинулся. Нет, по результатам токсикологической экспертизы нас, конечно же, оправдают, но мы и так под колпаком из-за проклятого дела Малика, а в обед выяснилось, что кто-то слил в «Гардиан» выдержки из отчета следственного комитета. Тут-то дерьмо и полилось рекой. Дулан пообещал, что «постарается выгородить». Постарается он, как же. Говнюк. Ну а к этой смазочке для полного счастья добавилась еще горсть песочку: пришло требование об оплате просроченного счета за пребывание папаши в доме престарелых и требование об оплате просроченного счета за кредитку. В понедельник придется в банк тащиться, в очередной раз перерасход согласовывать. Если получится. Единственным лучом света в этом темном царстве был звонок Хлои Четвинд. Начала она робко, видно, нервничала, но я ей сказал, что с прошлой субботы о ней думал, а она и говорит: «А я тоже». Тут я и сделал стойку. И стояк. После работы зашел в пидорскую цирюльню, постригся – двадцать фунтов содрали, гады! – потом проехал через заправку «Тексако», там в ларьке гвоздики прикупил и упаковку презервативов. Сами понимаете, будь готов и все такое прочее. В общем, иду себе по тротуару, насвистываю «Если упадет звезда, ты желанье загадай…»[{16}], уворачиваюсь от прохожих: сначала от бегуна в черно-оранжевом тренировочном костюме, а потом от какого-то типа с детской коляской. По виду – мой ровесник, а на роже у него вот такущими буквами написано: «И какого хрена я без гондона эту течную суку трахнул!» Поздно спохватился, приятель.

Дорожный инспектор сегодня у проулка Слейд не околачивается. Захожу в холодный проулок, поворачиваю налево, и через двадцать шагов – та самая черная дверца. Толкаю, но сегодня она не поддается, даже не дрогнет: новая рама вставлена, цементом прочно обмазана, кирпичный порожек аккуратно выложен. На совесть сработано, даже ломиком не подцепишь. Делать нечего, надо в конец проулка двигать, к Крэнбери-авеню, искать парадный вход. Только повернулся – в лилипутской дверце

замок щелкает. А за дверью – она, в каком-то ацтекском пончо и черных джинсах в облипку. Что-то к груди прижимает. Я подхожу, вгляделся – а на руках у нее рыжий кот.

– Але-але, – говорю. – Это кто такой?

– Гордон, знакомьтесь, это Бержерак. Бержерак, это Гордон.

– Бержерак? Как Джим Бержерак, детектив из телесериала?

– Вот только не притворяйтесь, что вас это удивляет. Вы же сами посоветовали мне котом обзавестись. А как его еще назвать? Коломбо не такой импозантный, Коджак лысый, Кегни и Лейси женского пола. По-моему, Бержерак – самое подходящее имя для кота[{17}]. Правда очаровательный?

Я смотрю на мохнатую тушку, гляжу в глаза Хлои:

– Совершенно верно.

– А как вам моя новая дверь, Гордон? Как вы думаете, теперь незваные гости в сад не заберутся?

– Ну, тут без миниатюрной гаубицы не обойтись. Можете спать спокойно.

Шею Хлои обвивает черный шнурок, на нем покачивается подвеска – серебряная ракушка.

– Знаете, а хорошо, что вы ко мне зашли. Очень любезно с вашей стороны. Я вам позвонила, а потом весь день терзалась, что напрасно отнимаю драгоценное рабочее время у сотрудника полиции.

– Я сейчас не на службе, а на отдыхе. И в свободное время делаю что хочу.

Хлоя Четвинд прижимает Бержерака к нежной шее. От нее пахнет лавандой и табачным дымом, и я шалею от мысли, что произойдет дальше. Видно, что прическу ей сегодня в парикмахерской делали.

– В таком случае, Гордон, окажите мне еще одну любезность. Осмотрите дверь с внутренней стороны – на всякий случай. Проверите, соответствует ли врезной замок требованиям техники безопасности…

Хлоя опускает на кухонный стол противень с запеченной грудинкой. Я вдыхаю густой солоноватый аромат говядины. Стол огромный, солидный, как все в кухне. Джули обожала разглядывать фотографии таких кухонь в своем любимом журнале «Кантри ливинг»[{18}]. Дубовые балки на потолке, терракотовая плитка на полу, точечное освещение, из окон с изящными шторками открывается вид на сад, на буфетных полках – коллекция чайников, в громадной духовке можно ребенка зажарить, шведский

холодильник, массивный, как в американском кино; встроенный посудомоечный комбайн. А еще – камин с медным колпаком вытяжки.

– Нарезайте мясо, – говорит Хлоя. – Это мужское дело.

Я берусь за нож:

– Пахнет изумительно.

Она приносит глубокое блюдо с запеченными овощами:

– По маминому рецепту: красное вино, розмарин, мята, мускатный орех, корица, соевый соус и еще кое-какие ингредиенты. Нет, секрета я вам не выдам, и не просите – иначе мне придется вас убить.

Хлоя снимает крышку с блюда: репа, картофель, морковь, тыква кубиками.

– К мясу со специями нужно особенное вино, с характером. Напористое. Как по-вашему, риоха подойдет?

Со знанием дела киваю, мол, если вас устраивает, то и меня вполне.

– Значит, риоха. Была у меня припрятана бутылочка темпранильи восемьдесят первого года.

Джули, подражая знатокам-дегустаторам, вещала о винах восторженным тоном малограмотной маникюрши. Хлоя говорит прозаично, без малейшего притворства. Возвращается, вручает мне бутылку и штопор. А глаза-то поблескивают. Я вкручиваю штопор в пробку, думаю понятно о чем, мысленно ухмыляюсь. Чпок! – пробка выскакивает из бутылки.

– Восхитительный звук, – говорит Хлоя. – Истинные ценители утверждают, что красному вину надо четверть часа подышать, но, по-моему, жизнь и так коротка. Вот вам бокалы…

Хрустальные донышки скользят по деревянной столешнице.

– Наливайте, Дживс.[{19}]

Я повинуюсь. Вино льется буль-буль-бульбульбульбульбуль.

Тирамису – зашибись, о чем я и говорю. Хлоя аккуратно вытирает салфеткой капельку сливок в уголке рта.

– Не приторно? Не слишком сладко?

– Само совершенство, как и весь остальной ужин. Вы еще и кулинарную академию окончили?

Хлоя с довольным видом подносит бокал к губам, делает глоток, промокает салфеткой багровое пятнышко.

– Вы мне льстите.

– Я? А зачем мне вам льстить? Незачем. Так что ваше обвинение безосновательно.

Хлоя наливает кофе из кофейника в форме дракона.

– В следующий раз – ну, если вы, конечно, захотите ко мне заглянуть – угощу вас водочным сорбе. Сегодня мне было не…

Рядом со мной раздается девичий голос:

– Иона!

Звонко-звонко. Вот только, кроме нас, здесь никого нет. И все же…

…я ее слышал. Девчонка явственно окликнула кого-то: «Иона!»

У входной двери что-то дребезжит, хлопает.

Я вскакиваю, ножки стула скрежещут по терракотовым плиткам, стул наклоняется, с грохотом падает.

Кошачья дверца, чуть поскрипывая, качается раз-другой, замирает. Все тихо.

А потом снова девичий голос:

– Иона?!

Нет, мне не послышалось.

И опять, громче, протяжнее:

– И-о-на-а-а!

Я весь напрягся, а Хлоя нисколечко не встревожена. И на меня смотрит невозмутимо, не как на психа. Спокойно. А меня дрожь пробирает.

– Вы слышали? – спрашиваю, не то чтобы с испугом, но все-таки.

– Да, – отвечает она, вроде как с облегчением. – Конечно слышала.

– Девичий голос, да? – уточняю я. – Здесь, в кухне.

Хлоя закрывает глаза, медленно кивает.

– Но… вы же сами говорили, у вас детей нет.

Она вздыхает, глубоко-глубоко:

– Это не мои дети.

Не ее дети. Тоже мне, объяснение! А чьи? Приемные, что ли? Невидимки?

– И кто они такие?

– Девочку зовут Нора. А ее брата – Иона. Они здесь живут.

У меня мороз по коже.

– Я… вы… как это?

Хлоя берет сигарету из моей пачки:

– Голос слышен, а никого нет. Дом очень старый. У вас есть версии, детектив?

Слово «привидение» я произнести не могу, хотя сам только что слышал, как девчонка зовет Иону. Вот только никакой девчонки нет.

– Помните, в прошлую субботу вы слышали топот – дети вокруг дома носились? Вы еще решили, что это у соседей.

Я холодею. Киваю.

– В соседнем доме детей нет, Гордон. Это Нора с Ионой. По-моему, они близнецы. Вот, закуривайте. Присаживайтесь.

Я опускаюсь на стул. Мысли разбегаются. Непослушными пальцами беру сигарету, прикуриваю.

– Я их в январе первый раз услыхала. В саду, вот как вы. И тоже решила, что это соседские дети. А потом, как раз в День святого Валентина, я Стюарта после химиотерапии спать уложила, выхожу из спальни, а на лестничной площадке, у напольных часов, слышу – девочка что-то напевает тихонечко, а потом мальчик ее из кухни окликает: «Нора, яйцо сварилось!» А она ему отвечает: «Вот часы заведу и спущусь». Я сначала подумала, что, может, и правда ребятишки какие-то в дом пробрались, шутки ради, но… Я же сама на лестничной площадке у часов стояла…

Девчонку-невидимку и леди Грэйер зовут одинаково: Нора. Любопытное совпадение, конечно, да только что с того?

– А ваш муж их слышал?

– Нет, ни разу. На Пасху Нора с Ионой бегали по кухне, болтали что-то про своего пони по кличке Блэкджек. Стюарт как раз за столом сидел, кроссворд решал. Я ему говорю: «Слышишь?» – а он газету отложил и спрашивает: «Что?» – «Да голоса же», – отвечаю. Он на меня странно посмотрел, встревоженно так, пришлось приврать, что, мол, я радио в спальне выключить забыла.

Хлоя закуривает сигарету, глядит на тлеющий кончик.

– Стюарт был биохимиком, атеистом. В сверхъестественное не верил. А потом, через пару недель, мы гостей на ужин пригласили, я закуски подаю и слышу, как Нора с Ионой вприпрыжку бегут по столовой и распевают во все горло: «Тили-тили-тесто, жених и невеста!» За столом восемь человек сидели, вот только никто из них ничего не слыхал.

В камине бьется пламя. Полицейский ум услужливо подсказывает слово «шизофрения». Но я ведь и сам голос слышал, а вот о совместных шизоидных глюках – никогда.

Хлоя наливает в бокалы остатки вина.

– Я решила, что умом тронулась. Стюарту ничего говорить не стала, но к трем врачам на прием сходила, энцефалограмму сделала, проверилась. Никаких отклонений не обнаружили. Два психиатра сказали, что это от переутомления – я ведь для Стюарта сиделку не нанимала, сама за ним круглые сутки ухаживала. А третий заявил, что детские голоса – это сублимация неудовлетворенного желания завести ребенка. Ну, к нему я

больше ходить не стала.

Я выпиваю вино, затягиваюсь сигаретой.

– Значит, кроме меня, их больше никто не слышал?

– Больше никто. Знаете, в прошлую субботу я так обрадовалась, когда поняла, что вы их тоже слышите! Господи, вы даже не представляете, какое это счастье… Вот мы с вами о них беседуем – вы же не считаете меня ненормальной, правда? Ох, Гордон!

Глаза голубые. Нет, серые.

– Поэтому вы меня и пригласили?

Застенчивая улыбка.

– Нет, не только поэтому. Вы не думайте, я не из корыстных побуждений.

– Я так и понял. Кстати, наверное, Бержерак их тоже почувствовал и смылся.

Я наливаю себе кофе из серебряного кофейника.

– Хлоя, а почему вы здесь остались? Продали бы особняк, переехали бы куда-нибудь… подальше от призраков.

Она чуть морщит нос – как я уже понял, это означает, что вопрос ей не очень нравится.

– Слейд-хаус – мой дом. Здесь я себя чувствую в безопасности. А Нора и Иона… они же в темных углах не завывают, ошметками эктоплазмы не швыряются, зловещих посланий на зеркалах не пишут. Они все больше о своем разговаривают, а мое присутствие их не беспокоит. Да и слышу я их не каждый день.

Хлоя опускает ложечку на блюдце.

– Есть еще один призрак, я его прозвала Иа-Иа, потому что он ужасный брюзга. Но его я всего пару раз слышала. Он бормочет: «Они все врут», или «Беги отсюда», или еще какую-то бессмысленную чепуху. Жутковато, но полтергейстом его не назовешь. Нет, из-за него я Слейд-хаус не брошу.

Бержерак трется мне о лодыжку – я и не заметил, когда он вернулся.

– По-моему, Хлоя, вы очень смелая женщина. Многим бы стало не по себе… от призраков и всего такого.

– Некоторые держат в доме питонов или тарантулов, а ведь эти твари гораздо страшнее безобидных призраков. Между прочим, я не вполне уверена, что они действительно призраки.

– Безобидных? То есть вреда они вам не причинят? А кто же они тогда, если не призраки?!

– По-моему, они обычные дети, только живут в другом времени. Я их

слышу потому, что их и наше время как-то пересеклись. А может, истончилась разделяющая нас грань времен, только и всего.

В большом окне отражается кухня с призрачными силуэтами – я и Хлоя – на фоне темного сада.

– Если б я их своими ушами не слышал, решил бы, что вы насмотрелись «Непридуманных историй»[{20}] или чего-то подобного. Но… я их сам слышал. А вы не узнавали, кому принадлежал Слейд-хаус раньше? Может быть, здесь действительно жили близнецы Иона и Нора?

Хлоя сворачивает салфетку.

– Да, я об этом подумывала, но после смерти Стюарта все как-то не до того было, – извиняющимся тоном произносит она.

Мне ужасно хочется ее поцеловать.

Бержерак запрыгивает ко мне на колени, устраивается в паху. Лишь бы когти не выпускал.

– В муниципалитете хранятся копии купчих на недвижимость с шестидесятых годов прошлого века, – говорю я Хлое. – Мы, полицейские, часто в архиве справки наводим. У меня там знакомый есть, Леон, к нему всегда можно по личному вопросу обратиться, не придется объяснять зачем и почему. Информацию о вашем особняке найти легко – дом большой, заметный, документы наверняка сохранились. Хотите, я с ним поговорю?

– Да вы просто бюро добрых услуг! Сначала слесарь, теперь вот архивариус… Да-да, конечно поговорите. Я буду вам очень признательна.

– Я все выясню, не беспокойтесь.

Я глажу Бержерака, он урчит.

Хлоя поправляет прическу:

– Ох, Гордон, любой другой на вашем месте уже давно бы сбежал.

Я выдыхаю облачко табачного дыма:

– Ну, я ведь не любой другой.

Мы с Хлоей до неприличия долго глядим друг на друга. Она перегибается через стол, забирает мою десертную тарелку, кладет ее на свою.

– А все-таки хорошо, что я вам позвонила.

Ничего остроумного в голову не лезет, и я предлагаю:

– Вам еще кофе налить?

– Нет-нет, спасибо. Я всю ночь глаз не сомкну.

«Вот именно», – думаю я.

– Давайте я посуду помою.

– А для чего тогда Господь посудомоечную машину изобрел?

Обручального кольца на пальце нет.

– Значит, я остался без работы.

Голубые глаза. Нет, серые.

– Это как посмотреть.

Хрипя и задыхаясь, весь в соленом липком поту, я откидываюсь на ее подушку. Ох, объелся досыта – сыт, сыт! Хорошо быть молодым – ну, не очень молодым, но все-таки, – до отвала насытившимся мужчиной. Лежим бок о бок, дыхание успокаивается, сердце перестает колотиться, приходит в норму.

– В следующий раз – если тебе захочется, конечно, – обещаю исполнить свой долг с чувством, с толком, с расстановкой, – говорю я.

– А ты договорись о следующей встрече. Может быть, я смогу тебя… принять.

Я захожусь в хохоте, и мой обмякший жезл выскальзывает из нее. Она протягивает мне бумажные салфетки, поворачивается на бок и, промокнув у себя между ног, натягивает липкую простыню. На презервативе она не настаивала, вот я и рискнул: все равно она рискует больше меня, а в нашем деле главное – передача риска, это вам любой преуспевающий бизнесмен подтвердит. Широкая кровать занавешена бордовым пологом; под ним тепло, темно и уютно.

– Твой врезной замок полностью соответствует требованиям техники безопасности.

Она шутливо шлепает меня тыльной стороной руки.

– Нападение на сотрудника полиции – серьезное преступление.

– Ой. Ты на меня наручники наденешь?

– Ого! Ты мне, случайно, не снишься?

– А ты поспи – тогда и узнаешь, – говорит Хлоя, целуя мне сосок.

– Поспишь тут, когда рядом обнаженная богиня.

Она целует мне веки:

– Приятных снов, детектив.

Я зеваю во весь рот:

– Нет, правда, спать совсем не хоче…

Просыпаюсь, а Хлои рядом нет. Лежу, млею, весь такой расслабленный. Где-то за стеной стонут древние водопроводные трубы, в ду́ше плещет вода. Вытаскиваю из-под подушки свои часы: полвторого. Глубокая ночь на дворе. Ничего страшного, сегодня воскресенье, а на службу мне только во вторник. Ох, все пофигу: и вторник, и служба, и проклятое дело Малика. И Тревор Дулан. И интересы британской

общественности. Вот пошлю всех на хер и все воскресенье – нет, всю неделю, а еще лучше целый месяц – из Хлоиной постели не вылезу. Только что-то мне покоя не дает. Что? Дурацкая мысль, вот что. А мысль такая: с какого перепугу эта умница, красавица и аристократка прыгнула в койку с полузнакомым мужиком? Такое только в порнофильмах происходит или в распаленном воображении моих коллег. В реальном мире такие, как Хлоя, второе свидание в траходром не превращают.

Погоди-ка, Гордон Эдмондс, какое еще «второе свидание»? Ты уже в пятый раз в Слейд-хаус приходишь. Забыл, чем тебя кормили, что ли? В первую субботу Хлоя приготовила бифштексы, во вторую – треску с картофельной запеканкой, в третью – пирог с олениной и «Гиннесом», в прошлую субботу был фазан, а сегодня ростбиф. Пять ужинов, пять суббот, пять бутылок вина, пять долгих бесед о том о сем и о всяком разном: о детстве, о политике, об общественной морали; о ее покойном муже и о моей бывшей жене; о Джоне Рёскине, викторианском искусствоведе. Вы же друг другу каждый вечер звонили, пожелать спокойной ночи и приятных сновидений. Ухаживание, может, и недолгое, но не похабное, а даже и вовсе романтичное. Ты – мужественный красавец-полицейский, в постели на высоте, так сказать. В чем проблема-то? Да, тебя полюбила Хлоя Альбертина Четвинд.

Сам я ее не люблю – пока не люблю. И вообще, любовь в сексе зарождается. Чем больше в женщину, кхм, проникаешь, тем больше ею проникаешься, так по-моему. Кто знает, может, мы поженимся. И стану я владельцем Слейд-хауса. Ну, наполовину. Подумаешь, три привидения! Хлоя меня еще больше ценит за то, что я их тоже слышу. Слейд-хаус – огромный особняк, много больше, чем дома Тревора Дулана и его приятелей из клуба консерваторов. Даже если из-за Малика я из полиции вылечу, то Слейд-хаус станет моим спасательным кругом. Интересно, сколько он стоит? Сто тысяч фунтов? Сто двадцать тысяч? Огромные состояния постоянно из рук в руки переходят – и в бизнесе, и в лотерее, и среди уголовников, и вот так, в законном браке. Хлое нужен мужчина, вот я и предложу ей свое крепкое плечо, а она меня финансово обезопасит. Так будет по справедливости.

– Го-ор-дон! – окликает она откуда-то из соседней комнаты. – Ты не спишь?

– Уже нет! – кричу я. – Ты где?

– *Dans la douche*[2]. У меня тут пробка застряла, вытащить не могу…

Вот чертовка!

– Ах не можешь?!

– Помогите бедной женщине, детектив! Поднимитесь по лестнице.

На кровати лежит пушистый коричневый халат – наверное, от покойного мужа остался. Ничего, Стюарт меня простит: жену его я уже опробовал, теперь вот халат примерю. Надеваю халат, выхожу из-за тяжелого бордового полога, пересекаю круглую спальню и оказываюсь на лестничной площадке. Слева от меня – напольные часы, справа – лестница в вестибюль, а лестничный пролет передо мной ведет к светлой двери на самом последнем этаже, где очаровательная Хлоя Четвинд в мыльной пене ждет своего рыцаря без страха и упрека.

– Гордон, ну где ты?! Гордон?

Иду уже, иду. Взбегаю по лестнице, через две ступеньки. На стенах висят портреты. Вот какой-то юнец в потертой кожаной куртке – темные волосы прилизаны, сам узкоглазый, будто китаеза. Еще одна картина изображает блондинку, разряженную в пух и прах, с высокой прической валиком, как у певиц 60-х годов. Блондинка мечтательно улыбается, как моя Джули до того, как превратилась в нервозную стерву. Я останавливаюсь, касаюсь губами нарисованных губ – а что, нельзя? На третьем портрете – тринадцатилетний мальчишка, русоволосый, носатый, насупленный, в твидовом пиджачке и с галстуком-бабочкой, не иначе как заботливая мамаша его наряди…

Это же Нэйтан Бишоп! Не может быть. Да, точно он. Сердце колотится, меня мутит, ноги подкашиваются. Нэйтан Бишоп, тот самый, которого Фред Пинк в 1979 году видел в проулке Слейд. Нэйтан Бишоп, фотографию которого Фред Пинк из газеты вырезал. Тревор Дулан заставил Дебби снять с нее копию и пришпилить к стене, чтобы всем показать, – в департаменте уголовных расследований полицейского управления долины Темзы серьезно относятся к показаниям свидетеля, восставшего из девятилетней комы. «Она все врет», – обиженно звучит у меня в ушах. Я вздрагиваю, едва не падаю с лестницы, встревоженно оглядываюсь – никого. «Она и жизнь у тебя отберет, и все остальное…»

Лестничный пролет вверх, лестничный пролет вниз – кроме меня, никого нет.

Пытаюсь расслабиться, уговариваю себя, что мне послышалось, только и всего.

«Может, какое оружие в щель завалилось», – продолжает голос.

Голос нисколько не похож на Иону и Нору. Он обращается ко мне. Не знаю, откуда у меня взялась эта уверенность, но точно знаю, что ко мне.

«В щели сор сметают», – говорит мальчишка.

Щели? Сор? Оружие?

– Ты кто? – бормочу я, обращаясь к портрету Нэйтана Бишопа, но где-то в глубине рассудка понимаю, кто это.

«Уже никто, – отвечает мальчишка. – От меня мало чего осталось».

– А зачем мне… – (Я совсем спятил – веду разговоры с портретом давно пропавшего мальчишки.) – А зачем мне оружие?

Откуда-то издалека доносится тиканье напольных часов.

Это все моя выдумка. Нет, не выдумка. Каждое слово отзывается болью в голове.

«Тебе незачем, поздно уже, – говорит мальчишка. – Но ты другим передай».

– Кому – другим? – спрашиваю я бесплотный голос, не понимая, звучит он или нет.

«Другим гостям… Я уже заканчиваюсь… уже ничего не осталось».

– Эй! – говорю я, но мальчишка исчезает.

Крадусь вверх по ступенькам задом наперед, подальше от портрета Нэйтана Бишопа, и натыкаюсь на следующую картину. А с нее смотрит знакомое лицо. Это я, Гордон Эдмондс собственной персоной. Я даже не прифигел, – наверно, в голове что-то переклинило от шока. Стою как дурак, будто перед зеркалом, разглядываю свой портрет: вот он я, Гордон Эдмондс, в пушистом коричневом халате, стриженный под машинку, на лбу залысины, физиономия как у Фила Коллинза, только моложе, подтянутее и симпатичнее, рот разинут от удивления, а вместо глаз – два телесных пятна. Пялюсь и пялюсь, а потом вдруг думаю: «Надо бы отсюда сматываться. Хрен его знает, что здесь происходит». Хотя, конечно, фигня все это. Чего тут бояться? Того, что Хлоя мой портрет нарисовала? Шевелю извилинами, но мысли путаются. Мозг вроде как подморозило. Значит, Хлоя нарисовала не только мой портрет, но и все остальные? А если она нарисовала все остальные, значит и портрет Нэйтана Бишопа – тоже ее рук дело. Значит, его имя было ей знакомо, но она мне соврала. Значит…

Хлоя – убийца? Нет, это полная фигня! Я четверых серийных убийц допрашивал, Хлоя на этих говноедов ни капельки не похожа. Тут другое. Да, Хлоя нарисовала мой портрет, хотела мне сюрприз сделать, но это не значит, что и другие картины тоже она нарисовала. И вообще, все остальные портреты – старые. Сразу видно, что давным-давно тут висят. Наверное, от Питтов остались. Этим все и объясняется. Вроде как. На картинах же не написано, кто там изображен. Хлоя ни сном ни духом не ведала, что у нее над лестницей портрет Нэйтана Бишопа висит. А я на прошлой неделе в саду фотографии мальчишки Хлое не показывал, только фамилию назвал.

Но я ведь слышал голос, предупредивший меня об опасности!

Ну и что? Мало ли что там этот призрачный голос вещает. А может, это вовсе не Нэйтан Бишоп, а тот, кого Хлоя зовет Иа-Иа. И вообще, может, мне ничего не послышалось, а просто показалось.

Вот что надо сделать: вывести Хлою из душа, рассказать ей, что на стене висит портрет Нэйтана Бишопа, успокоить, объяснить, что ее ни в чем не подозревают, а завтра утром первым делом позвонить домой старшему инспектору Дулану. Он поначалу озвереет, конечно, а в полицейском управлении от насмешек проходу не будет, как узнают, что я Хлою склеил, но Дулан быстро пластинку сменит, как только сообразит, что Фред Пинк нас и впрямь на след пропавших Бишопов навел.

Вот так-то, во всем разобрались. Ну, вперед.

За светлой дверью оказывается не ванная комната, а длинный темный чердак. Темный чердак, похожий на… каталажку? Выглядит как тюрьма. Помещение перегораживает решетка из массивных, в дюйм толщиной брусьев, посаженных густо, на расстоянии дюйма друг от друга. Конец чердака теряется во мраке, лишь у входа из двух окошек в крыше струится тусклый свет. Пахнет какой-то гнилью и хвойным дезинфицирующим раствором, как в камере предварительного заключения в нашем участке. Нащупываю выключатель на стене, за решеткой загорается свет. Маломощная лампочка где-то под потолком освещает кровать, умывальник, диван, стол, стул, велотренажер, каморку с распахнутой дверью, за которой виднеется унитаз. Под грудой одеял на кровати кто-то шевелится – в темноте не разобрать кто. Чердак шириной метров пять, но, похоже, идет по всей длине Слейд-хауса. Я подхожу к решетке, прижимаю лицо к брусьям и вглядываюсь в сумрак.

– Эй!

Мне не отвечают. И кто там – фиг разберешь: он или она. Может, какой родственник полоумный? Так ведь по закону не положено… Нет, придется утром обо всем доложить начальству.

– Эй, вы что здесь делаете? – снова окликаю я.

Кто-то вздыхает, раскладушка скрипит.

– Эй, вы по-английски понимаете? Вам помощь нужна? Вы…

И тут раздается женский голос, тихий-тихий:

– А вы всамделишный?

Человек в своем уме такого вопроса не задаст. Раскладушка стоит где-то посредине чердака, мне видны только щека, рука, плечо, клок седых волос.

– Меня зовут Гордон Эдмондс. Да, всамделишный. Самый что ни на

есть настоящий.

Она садится, подтягивает колени к груди:

– Те, кто во сне приходит, тоже утверждают, что настоящие, так что позвольте мне вам не поверить.

Голос унылый, дрожащий, но чувствуется, что дамочка воспитанная.

– Вот как-то раз приснилось, что Чарли Чаплин меня освободить пытается, кусачками для ногтей решетку выламывает.

Сощурившись, она глядит на меня – видно, забыла, как улыбаться.

– А однажды Вивиан Эйрс просверлил дыру в потолке, я через нее на крышу выбралась, он меня к своему планеру ремнями пристегнул, и мы перелетели через Дуврский пролив в Зедельгем. Я проснулась в слезах.

Натужно стонут батареи отопления.

– Гордон Эдмондс? Вы новенький?

Ну точно, дамочка из ума выжила.

– Да, новенький. А вы… вы пациентка?

– Если вы настоящий, то должны знать, кто я такая, – ворчит она.

– Неправда. Я – настоящий, но кто вы – понятия не имею.

Голос превращается в злобное шипение:

– Что, Чудовищу снова развлечений захотелось? Ни за что не поверю, что вы меня спасать пришли. Вот сволочь! Нет, я в эти игры не играю, так ей и передайте.

– Какие развлечения? Какие игры? Вы о ком?

– О Чудовище, вот о ком. По имени я ее называть не собираюсь.

Кого – ее? Неужели речь идет о Хлое? Нет, должно же быть какое-то разумное объяснение.

– Послушайте, я – полицейский. Детектив Гордон Эдмондс, из департамента уголовных расследований полицейского управления долины Темзы. Скажите, как вы здесь оказались? Точнее, как вы думаете, почему вы здесь оказались?

– Детектив в домашнем халате? Под прикрытием расследование ведете?

– Во что я одет – значения не имеет. Я полицейский, ясно вам?

Она, в одной ночнушке, встает с кровати и подплывает к решетке:

– Лжец.

Я отступаю на шаг – а вдруг у нее нож припрятан?

– Вы только не волнуйтесь, прошу вас. Я… я просто хочу понять, что здесь происходит. Как вас зовут?

В узкую щелку между прутьями решетки виден безумный глаз.

– Рита.

Слова вылетают изо рта, как шелковая лента из шляпы фокусника:

– Ни фига себе! Вы – Рита Бишоп, что ли?

Женщина моргает:

– Да. И вы это прекрасно знаете.

Я вглядываюсь, вспоминаю копию фотографии, которую Дебби пришпилила к стене. О господи! Передо мной действительно Рита Бишоп – измученная и постаревшая.

– Столько лет прошло, а она все одну и ту же комедию ломает! – шипит она, обдавая меня уксуснокислым дыханием. – И как ей не надоест!

Голова идет кругом, кровь стынет в жилах.

– И вы с семьдесят девятого года… – начинаю я, заранее боясь услышать ответ. – Вас так с тех пор здесь и держат, на чердаке?

– Нет, – ехидно ухмыляется она. – Сначала меня в Букингемском дворце прятали, потом в балагане гадалки на Брайтонском променаде, а потом на шоколадной фабрике Вилли Вонки.

– Да прекратите вы! – Меня бьет дрожь. – А где Нэйтан? Где ваш сын?

– Вот у нее и спросите! – цедит Рита Бишоп, закрыв глаза. – У леди Норы Грэйер, или как там она себя сейчас величает. Она нас в Слейд-хаус заманила, опоила какой-то дрянью и заперла. А Нэйтана увела куда-то и не признается, жив он или нет.

Она оседает на пол и тихонько всхлипывает.

Мысли в голове путаются. Хлоя Четвинд и Нора Грэйер – одна и та же женщина? Как? Не может быть! А с портретами что за фигня? Зачем она детектива к себе в постель затащила? Зачем заставила по лестнице подняться? Чтобы он портреты увидел? Ради чего все это? Так, спокойно. Слейд-хаус – не полицейский участок, не тюрьма и не психушка. Значит, здесь человека насильно в заточении держат. В подобной ситуации – ни хера себе ситуация! – полагается выйти к машине, вызвать по рации группу поддержки с ордером на обыск и через пару часов вернуться. Только вот дело усложняется тем, что я только что оттрахал тридцатидвухлетнюю убийцу, или похитительницу, или хрен ее знает кто она такая, а значит, сначала надо увести Риту Бишоп куда-нибудь в безопасное место, а потом уж бить тревогу и вызывать наряд в Слейд-хаус. Если я не прав, то Тревор Дулан мне яйца оторвет… Что ж, так тому и быть.

– Миссис Бишоп, вы знаете, где ключ?

Рыдания не прекращаются.

Тут до меня доходит, что вода в душе больше не шумит.

– Миссис Бишоп, прошу вас, скажите, где ключ…

Женщина на полу поднимает голову и обдает меня ненавидящим

взглядом:

– Так я и поверила, что вы сейчас клетку откроете – и все. Девять лет! Девять!

Тьфу ты, черт!

– Миссис Бишоп, послушайте, через две минуты вы покинете Слейд-хаус, а еще через полчаса сюда прибудет наряд полиции, и ваше Чудовище возьмут под арест. А наутро и полицейское управление, и Скотленд-Ярд, и криминалисты начнут разыскивать Нэйтана. Ради всего святого, скажите мне, где ключ! Вы же хотите сына увидеть, правда?

Похоже, каким-то чудом я ее убедил. Рита Бишоп усаживается на пол:

– Ключ на крючке висит, у вас за спиной. Нарочно там повешен, чтобы я его видела. Так Чудовищу веселее.

Оборачиваюсь: на стене и впрямь висит длинный блестящий ключ. Хватаю его непослушными пальцами, ключ падает, с тонким звоном ударяется о половицу. Поднимаю ключ, нахожу стальную пластинку замка, врезанного в решетку, вставляю ключ в замочную скважину. Дверь распахивается, Рита Бишоп встает, отшатывается, делает шаг к дверному проему и ошалело глядит на меня.

– Ну, миссис Бишоп, – шепчу я, – пойдемте же скорее. Нам пора.

Пленница, неуверенно ступая, приближается к решетке, хватает меня за руку и выходит из клетки.

– Я… я… – хрипло, надсадно выдыхает она.

– Спокойно, спокойно, – говорю я. – Все в порядке. Вы не знаете, у нее… у них оружие есть?

Дрожащая Рита Бишоп ответить не в состоянии, – вцепившись мне в рукав, она повторяет:

– Мне это не снится, правда? Скажите, не снится?

– Нет, не снится. Пойдемте.

Пальцы с неожиданной силой впиваются мне в запястье.

– И я вам не снюсь?

Если б меня девять лет взаперти держали, я б тоже спятил.

– Нет, не снитесь, – терпеливо отвечаю я. – Пойдемте же скорее.

Она выпускает мою руку:

– Детектив, посмотрите…

– Миссис Бишоп, нам пора.

Не обращая внимания на мои слова, она подносит мне к лицу зажигалку, щелкает.

Вспыхивает тонкий язычок пламени…

…удлиняется, бледнеет и замирает, будто стоп-кадр. Это не зажигалка, а свеча в массивном металлическом подсвечнике, покрытом замысловатыми письменами – арабскими, иудейскими, фиг его знает какими, в общем, иностранными. Клетка исчезла. Мебель исчезла. Рита Бишоп исчезла. Пламя свечи – единственный источник света. Чердак скукожился, в нем темно, как в гробу в заваленном подземелье. Стою на коленях, будто окаменел, и совершенно не понимаю, что происходит. Пытаюсь шевельнуться, но даже пальцем двинуть не могу. Язык не ворочается. Мое тело – клетка, а я в ней заперт. Все отказало, осталось только зрение и мозг. Вот и соображай! Нервно-паралитический газ? Инсульт? Каким-то ядом опоили? Черт его знает. Соображай быстрее, болван! Тоже мне, детектив. В темноте проступают три лица. Прямо напротив, за пламенем свечи – я в халате покойника. Значит, там зеркало. Слева от меня – Хлоя, в какой-то толстой накидке с капюшоном. Справа… тоже Хлоя, только мужик. Похоже, брат-близнец – в такой же накидке, блондин, смазливый, как фотомодель, этакий пидорок-гитлерюгендовец. Оба стоят неподвижно. Рядом с пламенем свечи завис бурый мотылек – будто застыл в воздухе. Застыл во времени. Я не сплю, – пожалуй, это единственное, в чем я уверен. Значит, вот как Гордон Эдмондс с ума сошел.

Проходит время – не знаю сколько. С тихим шипением горит свеча, белое пламя чуть колышется. Мотылек нарезает круги, то исчезает в темноте, то снова появляется.

– И нечему тут улыбаться, братец, – говорит Хлоя, или кто она там на самом деле.

Лицо у нее точно такое же, как у той, что угощала меня тирамису, а вот ласковый прежде голос теперь скрежещет, будто ржавый нож.

– А я и не улыбаюсь. – Он переминается – ноги у него затекли, что ли?

Я пытаюсь шевельнуться – без толку. Хочу что-то сказать – и не могу.

– Не ври, Иона. – Хлоя глядит на свои руки, как на пару перчаток, будто не знает, нужны они ей или нет. – Я же не ухмылялась, когда ты два цикла назад парикмахершу ублажал. Между прочим, вы тогда даже совершили обмен физиологическими выделениями. – С отвращением покосившись на меня, она продолжает: – А этому похотливому псу всего лишь воображаемая косточка досталась.

– Но даже если я и улыбался, – отвечает он, – то исключительно из гордости за твое выступление в моем суборизоне. Ты великолепно изобразила нервическую вдову. Хотя, согласись, мизансцена в клетке на чердаке у меня получилась превосходно. Роль бедняжки миссис Бишоп я сыграл вдохновенно, Мерил Стрип бы обзавидовалась. Если честно, девять

лет назад я на нее особого внимания не обращал – мне ее голос на нервы действовал. Чего ты куксишься, сестрица? Очередной день открытых дверей прошел замечательно, операнд еще раз подтвердил свою надежность, гусь ощипан и готов к употреблению, а ты вся какая-то… кислая.

– Операнд – вольная импровизация, в которой все зависит от…

– Нора, я тебя умоляю, ужин на столе. Неужели нельзя…

– …все зависит исключительно от везения, Иона. А нам нельзя полагаться на авось.

Он – Иона – глядит на сестру – Нору – с ласковой снисходительностью.

– Пятьдесят четыре года наши души скитались по свету, вселяясь в избранные нами тела, живя в свое удовольствие, а наши викторианские сверстники уже давно умерли или вот-вот умрут. А мы живем. Операнд работает.

– Да, работает, но только при условии, что наши собственные, первородные тела остаются здесь, в лакуне. Операнд работает, но только при условии, что каждые девять лет лакуну следует заряжать, для чего необходимо завлечь какого-нибудь простофилю из Одаренных в подходящий оризон. Операнд работает, но только при условии, что нашим гостям можно задурить голову, заманить их в лакуну и заставить принять обалдин. Не слишком ли много условий, Иона? Да, до сих пор нам везло, но вечно это продолжаться не может. И не будет.

Понятия не имею, о чем они говорят, но Иона злится все больше и больше.

– И зачем тебе понадобилось целую лекцию об этом читать, сестрица?

– Надо защитить операнд от досадных случайностей – и от врагов.

– От каких еще врагов, сестрица? Я ведь не зря настаивал на полной изоляции – теперь даже Путь Мрака о нас не ведает. А если система жизнеобеспечения работает, то не надо ее трогать. Все, кушать подано. – Иона переводит взгляд на меня: – Я о тебе говорю, детектив Тугодум.

Все мои старания напрасны: не получается ни шевельнуться, ни воспротивиться, ни просить пощады. Даже обосраться от страха и то не могу.

– А ты уже и не дышишь, – равнодушно замечает Иона.

«Нет, неправда! – думаю я. – Я же сознания не теряю».

– Скоро потеряешь, – говорит Иона. – Уже недолго осталось. Четыре минуты без кислорода – и в работе головного мозга возникают необратимые нарушения. Часов у меня нет, но, по-моему, минуты две уже

прошло. К концу шестой минуты наступает смерть, но от предсмертных страданий мы тебя избавим – мы же не садисты.

Меня как будто выталкивает вверх. «Чем я такое заслужил?!»

– А при чем тут «заслужил»? – Нора Грэйер удивленно изгибает четко очерченную бровь. – Что, свинья чем-то заслужила то, что ее копченую плоть на завтрак тебе подали? Бессмысленный вопрос. Тебе захотелось бекона, вот свинью на бойню и отправили. А нам твоя душа понадобилась для того, чтобы операнд зарядить, так что лакуны тебе не избежать, только и всего.

Трусливые люди в полиции не служат, но мне сейчас страшно, аж жуть берет. С религией я не дружу – глупости это все, но внезапно меня осеняет: «Если это похитители душ, то надо помолиться Богу». Как оно там? «Отче наш…»

– Отлично придумано, – говорит Иона. – Вот что, инспектор, если ты сейчас молитву Господню от начала до конца без ошибок прочтешь, то мы тебя отпустим. Но сначала поглядим, как у тебя получится.

– Что за детские забавы, братец?! – вздыхает Нора.

– Ну и что такого? Все по справедливости. Дадим ему шанс. Давай, Тугодум, на старт, внимание, марш! «Отче наш, сущий на небесах…» А дальше как?

Иона – говнюк вонючий, гаденыш, но выбора у меня нет.

«Отче наш, сущий на небесах, да светится имя Твое…»

– Не понял, светится или святится? – спрашивает Иона.

Вот сволочь! Ладно, играем по его правилам. «Святится», – думаю я.

– Браво! Ну, вперед. «Да святится имя Твое…»

Что же там дальше? «Да придет царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день, и не введи нас в искушение, и прости нам должников наших, как мы…»

– Стоп! Должников или все-таки долги, то есть прегрешения? Кого или что?

Ох, как мне хочется его довольную рожу раскровенить! «Что», – думаю я.

– Ух ты, да нам умник попался! Итак, «и прости нам долги наши…»

«Как мы… мы… мы…»

– Так, не понял – это у тебя мысли заикаются или ты мычишь, как телок?

«Как мы прощаем должникам нашим. Ибо Твое есть Царство и сила и слава вовеки. Аминь».

Уф, теперь все. Я смотрю на него.

Стервец улыбается.

– Увы, «да приидет», «как и мы прощаем», искушение – после должников, а «избавь нас от лукавого» ты вообще пропустил. Что в данных обстоятельствах весьма забавно.

Настал мой смертный час.

Вот этот самый.

Сейчас.

Я умру.

– И в чем смысл этого представления? – спрашивает Нора.

– Щепотка отчаяния придает душе насыщенный вкус. Ну что, ты готова, сестрица?

– Я всегда готова, – ворчит Нора.

Близнецы Грэйеры начинают чертить в воздухе какие-то символы и бубнят что-то на неизвестном языке. Над пламенем свечи, чуть выше моих глаз, воздух словно бы сгущается, темнеет, наливается изнутри красноватым свечением, пульсирует, будто сердце бьется, увеличивается до размеров мозга, выпускает змеящиеся щупальца плетей, отростков или корешков. Они тянутся к близнецам и ко мне, я не могу ни увернуться, ни отмахнуться, ни даже зажмурить глаза, а плети острыми тонюсенькими пальчиками просовываются мне в рот, в уши, в ноздри и ворочаются внутри. Боль гвоздем пронзает лоб, в зеркале видно, как над переносицей возникает черная дырочка… Крови нет. Проходят секунды. Из дырочки что-то вытекает и зависает в воздухе, прямо у меня перед глазами. Сгусток размером с мячик для гольфа, прозрачный, как желе или яичный белок, а в нем кружат сияющие пылинки, или галактики, или…

О господи, какая красота!

Боже, как переливается!

Оно живое… Это моя…

…На меня надвигаются лица близнецов – Иона слева, Нора справа, – лица гладкие, алчные, губы выпячены, будто для свиста, всасывают… что? Да мою душу, это ведь она медленно и неумолимо растягивается, как густая клейкая масса, как тягучий пластилин. Половина души струйкой дыма отправляется в рот к Норе, половина – к Ионе. Я разрыдался бы, если б мог, заорал бы: «Убью гадов, вы у меня поплатитесь, я вас из-под земли достану!» – но от Гордона Эдмондса остался лишь сор. Шелуха. Скорлупка. Оболочка из плоти и кожи. Близнецы ахают, тихонько постанывают, как наркоманы, когда дурь в крови полощет. Накатывает оглушительный шум, будто конец света пришел, а потом наступает полная тишина, как наутро после конца света. Зависший сгусток-мозг исчез,

воздушные отростки тоже пропали. Будто ничего и не было вовсе. Близнецы стоят на коленях по обе стороны свечи, друг против друга, неподвижные, как замершее пламя. Зеркало опустело. На полу валяется крошечный обгорелый клочок – все, что осталось от мотылька.

Хрю-хрю
1997

– Пять, – заявляет Аксель Хардвик, аспирант-астрофизик, с ног до головы в вельвете, черные кудри коротко острижены, и на самом деле зовут его не Аксель, а Алан, но он считает, что Аксель звучит лучше, как у солиста *Guns N’Roses*.

Аксель глядит на нас так, будто это мы на встречу не явились.

– Нет, само собой разумеется, что тупицы рано или поздно отсеиваются, но чтобы сейчас, в самом начале семестра, явились всего пять человек – это никуда не годится.

На первом этаже паба шумно, по лестнице до нас долетает пьяный гомон, мне в голову лезут посторонние мысли: вот если бы я в первую же неделю учебы записалась не в Общество паранормальных явлений, а в Общество любителей фотографии, как и хотела, то быстрее обзавелась бы знакомыми. Но тогда мы с Тоддом не встретились бы.

Тодд Косгроув, второкурсник, студент математического факультета, застенчивый, хрупкий паренек, чем-то похожий на эльфа, в черном пиджаке, белой майке, бордовых джинсах и ботинках «кэмел». Он – вице-президент Общества паранормальных явлений и фанат группы *The Smiths* – сидит за столом напротив меня и потягивает свой ньюкаслский темный эль. Волосы у него густые, с челкой, цвета крепкого чая без молока. Тодд из местных, до сих пор живет с родителями, но беспомощным или странным его не назовешь – он умный, добрый и сильный, так что наверняка есть какое-то объяснение, почему он не покидает родного дома. Всякий раз, когда я пытаюсь с ним заговорить, мозг отключается и язык не ворочается, зато ночью стоит глаза закрыть – и Тодд тут как тут. С ума сойти. Прямо как в песне поется: «любовь с ума свела».

– Наверное, многие просто ноги бить не захотели, – говорит Анжелика Гиббонс, второкурсница с факультета антропологии.

В ней больше от гиббона, чем от ангела. Растрепанные патлы выкрашены ярко-синим, на ногах «док-мартенсы», рядится в яркие шмотки, изображает из себя гадалку и, как и я, девушка крупная. Широкая в кости. Я думала, мы подружимся, но, когда мы с ней тест на телепатию прошли с результатом восемнадцать процентов, она презрительно заявила, что, мол, экстрасенсорным потенциалом я не обладаю вообще. За «вообще»

стало обиднее всего.

Аксель недовольно морщится:

– «Лиса и гончие» всего в двадцати минутах ходьбы от общежития. Мили две, не больше. А бюджет Общепара на автобусные билеты я тратить не намерен.

Он крутит по столешнице подставку для пивной кружки. Над камином висит эмалированная жестянка с рекламой пива «Гиннес»: лепрекон на скрипочке играет, тукан приплясывает.

– Вот я это и говорю, Аксель, – вздыхает Анжелика. – Ты совершенно прав.

– Может, они все вместе пошли – и потерялись по дороге, – замечает Ланс Арнотт, третьекурсник философского факультета, в обсыпанной перхотью майке с пинкфлойдовской «Стеной».

От него несет гамбургерами. В Силчестере, на развалинах римской виллы, Ланс начал ко мне приставать. Здравствуй, ужас. Кошмар на улице Вязов отдыхает. Чтобы отвязаться, я ему сказала, что у меня в Малверне бойфренд, но Ланс решил, что я себе цену набиваю.

– Эй, а куда твоя подруга подевалась, Ферни? – спрашивает он.

Ферн Пенхалигон, как и я, первокурсница, учится на факультете актерского мастерства. Волосам ее Рапунцель позавидует, сама тощая, как манекенщица, родом из Корнуолла, но всю жизнь прожила в Челси. На ней джинсы от Александра Маккуина и анорак с британским флагом. В общество она вступила якобы для того, чтобы «хорошенько изучить паранормальные явления» – она, видите ли, исполняет главную роль в спектакле «Привидение».

– Не Ферни, а Ферн. Какую подругу ты имеешь в виду? – кривит она губу и отпивает глоток куантро.

За ликер Ланс заплатил, дурачок, думает, ему что-то светит, только фиг ему обломится.

– Да ту самую, что с нами в церковь Святого Эльфрика ездила. Такая девушка… с характером. – Ланс обрисовывает пару мощных сисек и нараспев произносит: – Из Уэ-эльса.

Ферн, поболтав кубики льда в бокале, уточняет:

– Ясмин, что ли?

– Ага, Ясмин. Она сегодня нашла кем заняться, да? У нее, наверное, свидание… – Ланс с многозначительной ухмылочкой глядит на Тодда.

Я посылаю Тодду телепатическое сообщение: «Не обращай внимания на мудака». О чудо! Тодд действительно не обращает на Ланса никакого внимания. Наверное, это Анжелика телепатическими способностями «не

обладает вообще». Ну-ка, попробую еще разок: «Тодд, посмотри на мой маникюр с лаком „павлинья лазурь“…» Но Тодд не отрывает карих глаз, блестящих, как яблочные зернышки, от Ферн, которая объясняет, что ее подруга Ясмин прошлой поездкой «не впечатлилась».

– Не впечатлилась? – Аксель перестает крутить по столу подставку для пивной кружки. – Между прочим, в церкви Святого Эльфрика чаще всего наблюдают сверхъестественные явления.

Ферн пожимает плечами:

– Она думала привидение увидеть, а вместо этого насморк подхватила.

– Привидения не являются по первому зову, – говорит ей Анжелика. – Это тебе не домработница-филипина.

Меня бы такие слова задели, но с Ферн как с гуся вода.

– Не филипина, а филиппинка. Я, девушка из очень приличной семьи, предпочитаю говорить правильно, – усмехается она, берет сигарету «Голуаз» и прикуривает.

Анжелику раздавили, как букашку. «Прямо в цель!» – злорадствую я, и мы с Ферн обмениваемся понимающими взглядами.

– Что ж, опоздавших ждать не будем, – заявляет Аксель и вытаскивает стопочку листков, на которых крупными буквами значится: «Программа экскурсии Общества паранормальных явлений, 25 октября 1997 года», а ниже шрифтом помельче: «Исчезновения в проулке Слейд».

На листке – две фотографии. Та, что наверху, разделена пополам: слева – зернистый школьный снимок двенадцатилетнего мальчишки с прической заучки и громадным шнобелем; справа – строгая брюнетка лет под сорок с пучком на затылке, тощая, в наглухо застегнутой кофте, из-под которой выглядывает кружевной воротничок блузки и нитка жемчуга на шее. Сразу видно, мать с сыном и оба фотографироваться не любят. Под фотографией подпись: «Нэйтан и Рита Бишоп, дата и место исчезновения – суббота, 27 октября 1979 года, проулок Слейд». Со снимка внизу смотрит в объектив ухмыляющийся тридцатилетний мужчина, сжимая в руке пинту пива. Он одет как коп из сериала «Полиция Майами», даром что лысоват и толстоват. Подпись гласит: «Гордон Эдмондс, инспектор следственного департамента, дата и место исчезновения – суббота, 29 октября 1988 года, проулок Слейд». Ага, я была права – полицейский. В самом низу страницы написано: «Авторские права защищены, Аксель Хардвик © 1997». И это всё.

– «Исчезновения в проулке Слейд», – вслух читает Ланс. – Клево.

– По-моему, неграмотных среди нас нет, – язвит Анжелика.

– Составить подробное описание происшествий я не успел, поэтому

изложу все устно, – говорит Аксель.

– Ночь была темная и ненастная, – произносит Ланс с утрированным сомерсетским акцентом.

– Кончай ломать комедию, – обрывает его Анжелика.

– Я атмосферу нагнетаю. Ну, рассказывай, Аксель.

Аксель укоризненно глядит на Ланса, будто говоря: «Ну что за детский сад».

– Так вот, все началось восемнадцать лет назад, в ноябре семьдесят девятого года. Хозяин съемной квартиры, где жили разведенная Рита Бишоп с сыном Нэйтаном – оба они изображены на фотографии, – явился за квартплатой, потому что банк в очередной раз не принял чек: средств на счете недостаточно. Соседи объяснили ему, что жильцов не видели уже дней десять. Хозяин немедленно обратился в полицию, и тут выяснилось, что Нэйтан в последний раз был в школе в последнюю пятницу октября. Расследование велось кое-как, потому что у Риты Бишоп было двойное гражданство – британское и канадское, а ее бывший муж жил в Родезии, ныне именуемой Зимбабве. Вдобавок долгов у миссис Бишоп было выше крыши. Копы, решив, что исчезновение Бишопов вызвано стесненными финансовыми обстоятельствами, присвоили делу гриф «ХН» и тихонько прикрыли.

Ферн, тряхнув гривой волос, переспрашивает:

– Ха-эн?

– Хрен найдешь, – поясняет Аксель и отхлебывает свое горькое пиво.

Анжелика понимающе усмехается.

– Однако в сентябре восемьдесят восьмого года в Королевской больнице Беркшира вышел из комы некий Фред Пинк, которого за девять лет до того сбил пьяный таксист на Вествуд-роуд, – продолжает Аксель.

– Вот на этой Вествуд-роуд? – спрашиваю я.

– В объявлении о встрече адрес был указан, – ехидно напоминает Анжелика.

Вот коровища! Я отпиваю диетическую колу и жалею, что я не Ферн – придумала бы сейчас какую-нибудь колкость. И парней умела бы клеить. Таких, как Тодд. Ну, например.

– Фред Пинк, очнувшийся от «долгого сна», как он свою кому называл, из любопытства начал подшивки старых газет просматривать, наткнулся на заметку об исчезновении Риты и Нэйтана Бишопов, с фотографией пропавших, – и тут же их узнал. Почему? Да потому, что в семьдесят девятом, за несколько минут до того, как его сбило такси, он разговаривал с Ритой Бишоп на углу Крэнбери-авеню и проулка Слейд, в квартале от

Вествуд-роуд. Миссис Бишоп спросила его, не знает ли он, где находится особняк леди Норы Грэйер. Фред ответил, что не знает такого, вышел проулком на Вествуд-роуд и там попал под колеса.

– Вжжик! Бабах! Шлеп! – восклицает Ланс, рассеянно почесывая пах.

– А можно ли верить показаниям мистера Пинка? – спрашивает Тодд, растягивая гласные на провинциальный манер (я от этого балдею).

Аксель одобрительно кивает:

– У полиции тоже возникли сомнения в достоверности его показаний. Район здесь хоть и благополучный, но бедный. Особняк некой аристократки отсвечивал бы пафосной занозой. Как бы то ни было, в следственном департаменте решили уважить просьбу Фреда Пинка и отправили в проулок Слейд инспектора Гордона Эдмондса, выяснить, что к чему. – Аксель тычет пальцем в фотографию на листке. – Итак, этот самый инспектор Эдмондс двадцать второго октября восемьдесят восьмого года совершил обход проулка Слейд и обнаружил в стене незапертую дверь. За дверью оказался сад и «внушительный особняк», именуемый Слейд-хаус.

– В котором жила леди Грэйер? – спрашивает Анжелика, накручивая на палец ярко-синюю прядь.

– Нет. В восемьдесят восьмом году там жила Хлоя Четвинд, молодая вдова. Из рапорта Эдмондса следует, что Хлоя Четвинд ничего не знала ни о леди Грэйер, ни об исчезнувших Бишопах.

– А если б и знала, то не сказала бы, верно? – Ферн с силой вдавливает окурок в пепельницу. – В викторианских романах вдова – самый подозрительный персонаж. Особенно молоденькая.

– Ага, вот только Эдмондса об этом не предупредили, – говорит Аксель. – В следующую субботу он снова посетил Слейд-хаус, потому что перед этим якобы порекомендовал Хлое Четвинд слесаря, который должен был починить дверь в сад, а миссис Четвинд попросила его проверить, все ли сделано правильно. По свидетельству очевидцев, в шесть часов вечера Эдмондс припарковал свой автомобиль на Вествуд-роуд… – он выдерживает паузу, для драматического эффекта, – и больше инспектора никто не видел.

– Но ведь полиция должна бросить все силы на поиски исчезнувшего копа, – резонно замечает Анжелика. – И в прессе шумиха поднялась бы.

– Верно, – кивает Аксель. – Пару дней о Гордоне Эдмондсе писали во всех газетах, журналисты выдвигали различные версии – то ли его ирландские сепаратисты похитили, то ли он сам руки на себя наложил, – а потом, когда прошла пара недель, а о нем по-прежнему ни слуху ни духу, все обратились к привычным новостям: фотографии принцессы Дианы,

беспорядки и бесчинства из-за подушного налога, очередной громкий бракоразводный процесс и так далее. Об инспекторе Эдмондсе попросту забыли.

– А Хлою Четвинд допросили? – интересуется Анжелика.

– Как ни странно, Хлою Четвинд отыскать не удалось.

Мы недоуменно переглядываемся.

– Погоди-ка, – говорит Ланс. – А когда копы в Слейд-хаус нагрянули, с кем же они там разговаривали?

– В том-то и дело… – Аксель, сделав глоток пива, продолжает: – Слейд-хаус тоже отыскать не удалось.

– Как это – не удалось?! – восклицает Ланс. – Особняк исчез, что ли?

– Солидные каменные постройки в тумане не растворяются, – замечает Ферн.

Аксель удовлетворенно хмыкает:

– Ну, наше общество недаром называется Общество паранормальных явлений.

В баре на первом этаже игровой автомат исторгает из своих недр горсть монет.

– Одно слово – секретные материалы, – говорит Ланс, раскачивая стул.

– А вдруг Гордон Эдмондс все выдумал – и Слейд-хаус, и Хлою Четвинд? – предполагает Ферн.

– Ради чего? Зачем ему понадобилось служебным положением рисковать? – спрашивает Анжелика.

– Понятия не имею, – отвечает Ферн. – Может, с ним нервный срыв случился. Или он был патологическим лжецом. Мало ли. Нет, народ, сами прикиньте, что правдоподобнее: сфабрикованные документы полицейского расследования или особняк, растворившийся в воздухе в нарушение всех законов физики?

– А что слесарь? – вспоминает Тодд.

Аксель изо всех сил делает вид, что дискуссия его нисколько не занимает.

– А слесарь клянется, что ни о каком Слейд-хаусе ни от кого не слыхал и никто к нему не обращался – ни Хлоя Четвинд, ни инспектор Эдмондс.

– Так ведь убийцы обычно в своих преступлениях не сознаются, – говорит Анжелика.

– Полиция досконально проверила и его, и всех слесарей и строителей в округе. Ничегошеньки не обнаружили – полный ноль, фигу с маслом. В то время никто не выполнял никаких ремонтных работ ни в Слейд-хаусе, ни вообще в районе Вествуд-роуд.

– Неужели никто не упомянул о том, что в проулке Слейд произошло не одно, а два загадочных исчезновения: одно – в семьдесят девятом, а другое – в восемьдесят восьмом?

– Нет, эту информацию разглашать не стали, – мотает головой Аксель. – Чтобы не создавать нездорового ажиотажа у обывателей.

– Проклятые угнетатели всегда от народа правду скрывают, – вздыхает Анжелика. – Хуже фашистов, сволочи! Тоже мне, правительство: полицейский режим, свободы лишили и радуются.

Мне очень хочется спросить ее, как она представляет себе вольную жизнь без правоохранительных органов, но я стесняюсь.

– Аксель, а сам ты как до этого додумался? – любопытствует Тодд.

– Мне об этом знающий человек сообщил, – уклончиво отвечает Аксель. – Сказал, что этот случай как раз по части Общепара.

– Какой еще знающий человек? – Ланс задумчиво извлекает из носа козюльку, вытирает палец о стол.

Фу, гадость! Постыдился бы! Мне вон за свой лишний вес неловко, но это вообще ни в какие рамки не лезет.

Помолчав, Аксель признается:

– Мой дядя, Фред Пинк.

– Фред Пинк – твой дядя? – ахает Анжелика. – Ни фига себе! Тот самый стекольщик, который девять лет в коме пролежал? Но ты же Хардвик, а не Пинк.

– Фред Пинк – брат моей матери. Ее девичья фамилия Пинк. К сожалению, проулок Слейд превратился для дядюшки в навязчивую идею.

– Почему «к сожалению»? – говорит Ферн.

Я и сама хотела это спросить, но не успела.

Аксель кривит губы:

– Дядюшка Фред считает себя… ну, избранным.

– Как это? – не отстает Ферн. – Куда избранным? С какой целью?

Аксель пожимает плечами:

– Разузнать всю правду о Слейд-хаусе. Если честно, то после девятилетней комы он так и не приспособился к нормальной жизни и сейчас… В общем, он в психиатрической лечебнице, где-то под Слау.

– Обалдеть! – Ланс, воздев ладонь, показывает, что сейчас рыгнет, – и громко рыгает. – Любая история о сверхъестественном должна иметь два объяснения: паранормальное и реалистичное. Ну, допустим, главный герой видит привидения – на самом деле он их видит или у него просто нервный срыв? Аксель, я присоединяюсь к расследованию, лады?

– Чем больше народу, тем веселее, – уныло произносит Аксель.

Анжелика отпивает светлого эля:

– Да, интересный случай, но если целая армия полицейских не отыскала ни Слейд-хаус, ни без вести пропавших людей, то как именно мы вшестером собираемся их найти?

– Вопрос поставлен некорректно, – говорит Аксель. – Следует спросить не «как именно», а «когда именно». – Он тычет пальцем в листок с фотографиями. – Ну, напрягите серое вещество.

Я гляжу на листок: с чернильных фотокопий на меня смотрят мужчина, женщина и подросток. Они и не подозревали, что́ с ними произойдет. Пальцы мои тянутся к нефритовой подвеске – сегодня утром пришла посылка из Нью-Йорка, от старшей сестры. Подвеска в форме символа бесконечности, я ее обожаю.

Тодд своим математическим умом сразу замечает очевидное:

– А, понятно. Бишопы пропали в последнюю субботу октября семьдесят девятого года, а девять лет спустя, в последнюю субботу октября восемьдесят восьмого года исчез Гордон Эдмондс. А через девять лет после этого… – Он вопросительно смотрит на Акселя, тот кивает. – То есть сегодня.

– Последняя суббота октября девяносто седьмого, – говорит Ланс. – Обосраться и не жить! Аксель! Сегодня ведь последняя суббота октября?!

И как это у Ланса получается искренне восхищаться и одновременно ломать комедию?

– Загадочный особняк, который появляется раз в девять лет?! Все, друганы, у меня стояк размером с Беркшир. Допивайте – и пошли отсюда.

Оранжевое сияние уличных фонарей на Вествуд-роуд размыто моросящим дождем. Автомобили движутся рывками, от одного ограничителя скорости на дороге к следующему. Мимо неторопливо проезжает машина Ассоциации скорой помощи Святого Иоанна. Ребята идут впереди, Ланс излагает свою теорию о том, что Слейд-хаус находится на краю микроскопической черной дыры. Очень хочется добавить к этому что-нибудь умное, чтобы Тодд оценил мое нестандартное мышление, вот только ничего умного не придумывается. Анжелика и Ферн затеяли спор о фильме «Когда Гарри встретил Салли»[{21}] – оскорбляет он достоинство женщин или нет. Я плетусь следом за всеми. В самом конце. Мое обычное место. Заглядываю в освещенные окна с незадернутыми шторами, вижу диваны, лампы, картины. Ой, а вот в комнате, синей, как июль, сидит за фортепьяно коротко стриженная девочка в серо-голубой школьной форме. А зовут ее… ну, например, Грейс. Грейс расстроена, потому что ей не

дается фортепьянный этюд, но я, ее старшая сестра, – талантливая пианистка и всегда помогаю Грейс разобрать сложные места. И никогда ей не говорю: «Вот похудеешь на пару фунтов – и все сразу изменится». На кухне мама готовит ужин – не для десятка стервозных жен менеджеров «Шелл», а для папы, Грейс, меня и Фрейи. Да, Фрейя не уехала в Нью-Йорк сразу после окончания университета, а устроилась на работу в Лондоне и каждые выходные приезжает домой. Мама готовит не блюда в стиле фьюжн, полусырые овощи или еще какую модную еду, а жареную курицу с картошкой, морковкой и подливой. Я мешаю подливу. Папа идет домой пешком от вокзала, потому что он не менеджер «Шелл», получающий 190 тысяч фунтов в год плюс акции по льготной цене, а сотрудник «Гринпис» с окладом 40 тысяч фунтов в год. Нет, лучше 60 тысяч. Грейс чувствует, что на нее смотрят, глядит в окно, на улицу, я машу ей рукой, но она задергивает шторы. Интересно, заметила она меня или нет, – никогда ведь не знаешь.

– Салли, ты как?

Ой, это Тодд – прямо рядом со мной!

– Нормально, – отвечаю я, приходя в себя. – Мне…

Все остановились, уставились на меня, выжидают.

– Ох, простите, я…

– Замечталась? – без ехидства спрашивает Ферн.

– Ага, наверное, – признаюсь я. – Нет, правда, все в порядке.

– Тогда понеслись, – говорит Ланс.

Идем дальше. Тодд идет рядом, в просторном пуховике, в карманы обе наши руки поместятся. Я телепатически прошу его: «Тодд, возьми меня за руку». Он не берет. Ну почему ко мне пристают только такие вот мерзопакостные уроды, как Ланс?! Если бы я умела шутить, была бы стройнее и привлекательнее, то знала бы, как вести себя так, чтобы еще до того, как мы доберемся до проулка Слейд, Тодд бы мне сказал: «Слушай, Салли, а давай мы с тобой возьмем китайской еды навынос и двинем ко мне на кофе?» – а я бы ему ответила: «Знаешь, а может, без китайской еды обойдемся, а?» Уступаем дорогу какой-то даме в длинном пальто и темных очках – она ведет на поводке афганскую борзую, никого не замечает.

– Ах, вы так любезны! – бормочу я, и Тодд одобрительно хмыкает, подтверждая, что он придерживается того же мнения.

Мы идем рядом, словно связанные невидимой нитью. Откуда-то слышится сопение, как при сексе, становится все громче и громче – мимо нас проносится бегун в ярком оранжево-черном костюме, будто с какой кислотной вечеринки сбежал.

– Салли, – говорит Тодд. – Ты только не подумай, что я наглею…

– Нет, что ты! – нервно отвечаю я, а у самой сердце так и колотится. – Конечно. Да. Отлично.

Он недоуменно смотрит на меня и продолжает:

– Так я же еще ничего не попросил.

«Салли Тиммс, ну ты и тупая хрюша!»

– Ну, то есть спрашивай, не стесняйся.

– Эй, вот же он! – вопит Ланс.

Момент упущен, сердце горько стонет. Тодд освещает карманным фонариком малозаметную табличку: ПРОУЛОК СЛЕЙД. Проулок темный и узкий, чуть шире детской коляски.

– У-у-у, жутковато здесь! – говорит Ланс.

– Еще бы! – замечает Ферн. – Ночь на дворе, темно, а место неприметное.

– Здесь явно ощущается… какое-то незримое присутствие, – говорит Анжелика дрожащим голосом.

«Ага, как же!» – думаю я, но на самом деле… в общем-то, понятно, что́ Анжелика имеет в виду. Узкая полоса проулка рассекает черные тени, а потом резко сворачивает влево; у поворота висит фонарь – лампочка в нем тусклая, да еще и мигает. Была б я чем-то незримым, именно здесь и обитала бы.

– Ну, кто не боится потревожить покой незримого? – тут же спрашивает Ланс.

– Был бы ты ясновидящим, не выпендривался бы, – отвечает Анжелика.

– Фред – мой родственник, поэтому я пойду первым, – заявляет Аксель. – Все готовы?

Ланс, Анжелика, Ферн, я и Тодд – именно в таком порядке – гуськом входим в проулок. Мне хорошо, Тодд позади защитит, если вдруг что. Руками в перчатках касаюсь кирпичей в стенах по обе стороны. Проулок Слейд всего фута три шириной, настоящему толстяку – покрупнее меня – здесь со встречным не разминуться.

– Холодно-то как, – бормочу я себе под нос, но Тодд слышит.

– Ага, – говорит он. – Воздух горло как ножом режет.

– Здесь клевое эхо, – заявляет Ланс. – Барлог, призываю тебя из бездны!

– Ты с призывами поосторожнее, – наставительно, как школьная училка, предупреждает его Анжелика.

Ланс во все горло затягивает «Богемскую рапсодию»[{22}], в проулке

мечется гулкое эхо.

– Ланс, заткнись, – говорит Аксель.

Он первым доходит до угла под фонарем, а немного погодя и мы туда подтягиваемся, стоим все вшестером. Проулок, свернув влево, тянется еще шагов на сорок-пятьдесят – в темноте не разглядишь, – а потом так же резко изгибается вправо, освещенный еще одной тусклой лампочкой, тоже мигающей.

– Такие мигающие фонари – дурной знак, – возвещает Ланс. – Кто «Кэндимэна»[{23}] смотрел?

Вообще-то, я этот фильм видела, но все молчат, поэтому я тоже ничего не говорю. Проулок Слейд – самая обычная улочка в самом обычном городе. Кирпичные стены с обеих сторон – в два человеческих роста, за ними ничего не видно, только над головой тянется узкая мутная полоса сумеречного неба. Спиной я касаюсь Тодда; от него пахнет мокрой шерстью, теплом и мятой. При первом же удобном случае напомню ему, что он хотел меня о чем-то попросить. Может, тогда он наберется храбрости и пригласит меня на свидание. В конце концов, пора переходить к решительным действиям.

– Ворот нигде не видно, – говорит Ланс. – Одна глухая стена.

– Две глухие стены, – ехидно поправляет его Анжелика.

– Так, похоже, что этот проулок и есть РПЯ.

– А по-нормальному этого эрпэя как зовут? – спрашивает Ланс.

– Район паранормального явления, – объясняет Аксель. – Поэтому Анжелика и ощущает здесь незримое присутствие.

Анжелика просто млеет от удовольствия.

– Ланс, Ферн, Тодд, внимательно осмотрите каждый дюйм стены справа, до самого конца проулка, – продолжает Аксель. – Анжелика, Салли и я осмотрим стену слева. Ищем ИПА – аббревиатура всем понятна?

Тодд, кашлянув, говорит:

– Индикаторы паранормальной активности.

– Замечательно, – кивает Аксель, и я втайне горжусь Тоддом.

– А как они выглядят, не подскажешь? – спрашивает Ферн.

– Да как угодно – предметы, знаки, письмена, – говорит Аксель. – Они в различной форме проявляются. В принципе, здесь любая вещь может оказаться ИПА.

– Я поищу разрывы в оболочке, – заявляет Анжелика.

– В какой еще оболочке? – тут же интересуется Ферн, чего Анжелика и добивалась.

– В оболочке между мирами. Только ты не эмпат, поэтому ее не

увидишь. Она заметна только тем, у кого чакры открыты и астральное зрение развито.

– Ах вот какая оболочка! – с напускным уважением говорит Ферн.

– Попробуй сознание пошире распахнуть – может, тебе даже понравится, – советует Анжелика.

Ферн закуривает очередную сигарету:

– А из широко распахнутого сознания мозг не выпадет?

В сумраке лица Анжелики не видно, но она наверняка пытается пронзить Ферн лучами смерти.

– Не пойму, ИПА это или нет, но тут какой-то вход! – выкрикивает Ланс, отойдя на несколько шагов.

Мы все подбегаем к нему. Он опускается на корточки у черной железной дверцы. Ну, не знаю, по-моему, это все-таки дверца – низенькая и очень узкая, как для недокормленных хоббитов. Только без замка, без ручки, без защелки. И надписей тоже не видно.

– ИПА часто выглядят как самые обычные предметы, – говорит Аксель.

– Нормальная дверь, – заявляет Ферн и стучит по ней костяшками пальцев. – Вполне себе ощутимая.

– Не стучи, злые силы разбудишь! – остерегает ее Анжелика и, прижав ладонь к дверце, говорит: – От нее явственно исходят эманации.

– Странно, что мы ее не сразу заметили.

– Дверца маленькая и узкая, с угла ее не разглядишь, – говорит Ферн.

– Замочной скважины нет, – вмешивается Ланс. – Наверное, заперто на засов изнутри. – Он постукивает по дверной раме, нажимает в нескольких местах.

– А зачем ты это делаешь? – спрашивает Анжелика.

– Если она на защелке, то отпирающий механизм может сработать, – поясняет он.

Дверь не открывается.

– Если я заберусь тебе на плечи, – говорит Ланс Акселю, – то смогу…

– Сломать мне хребет. – Аксель оборачивается к Ферн – ну конечно, не просить же толстожопую Салли Тиммс. – Ферн, может быть, ты…

– И не мечтай! – говорит Ферн. – Если Слейд-хаус находится вот за этой стеной, то у него обязательно есть главный вход, с какой-нибудь другой стороны. Всего-то и надо: выйти из проулка на улицу, свернуть за угол и отыскать ворота.

Такое вполне разумное предложение Лансу почему-то не нравится.

– Нет, все не так просто, иначе Слейд-хаус давным-давно нашли бы. В

межпространственных туннелях-червоточинах нет ни «других сторон», ни «ворот». Именно эта дверца нам и нужна, – странным, насмешливым тоном заявляет он.

«Он нас нарочно разыгрывает», – мелькает у меня мысль, и тут происходит что-то странное: рука словно бы сама собой прижимается к двери, ладонь что-то обжигает. Я по-щенячьи взвизгиваю, отдергиваю руку, а маленькая черная дверца распахивается, будто только этого и дожидалась. И остается распахнутой.

– Зашибись! – говорит Ланс. – Нет, я не тебе, Аксель.

– А Салли-то у нас волшебница, – улыбается Тодд.

– Нет, дверь с самого начала была открытой, – заявляет Анжелика.

От испуга мне даже не хочется с ней спорить.

Выйдя из-за кустов, мы останавливаемся у большого газона перед огромным старинным особняком. По одной стене вьется багровый плющ. В просветах между облаками мерцают звезды. Сумеречное небо здесь чуть светлее, а воздух чуть теплее, чем в проулке.

– Я, конечно, не ясновидящая, – говорит Ферн, – но Слейд-хаус больше напоминает «Шоу ужасов Рокки Хоррора»[{24}], а не «оболочку между мирами».

Анжелика молчит – да и что здесь возразишь, когда перед нами студенческое общежитие, где в полном разгаре хеллоуинская вечеринка. Из дома доносятся вступительные аккорды «Novocaine for the Soul»[[3]{25}] в исполнении *The Eels*, на садовой скамье обжимаются Билл Клинтон и монахиня, а на парапете солнечных часов курят горилла, Смерть с косой и Злая Волшебница Запада.

– Ну ты и силен, Аксель! – говорит Ланс.

– В смысле? – рассеянно спрашивает Аксель и тут же резко добавляет: – В чем силен?

– Ты же нас на грандиозную пьянку заманил!

– Никого я не заманивал, – отвечает Аксель.

– Погодите-ка, – вмешивается Ферн. – Значит, гении сыска полицейского управления долины Темзы вот этот самый Слейд-хаус найти не смогли?

– Судя по всему, да… – неохотно кивает Аксель.

– Отлично, – говорит Ферн. – Предлагаю воспользоваться кратковременным просветлением рассудка и признать, что ни в какую черную дыру мы не попали.

– Ферн? Ферн! – К нам подбегает Злая Волшебница Запада в ядовито-зеленой маске, выпаливает с американским акцентом: – Я тебя сразу узнала! Мы на семинаре по якобитской литературе познакомились, у профессора Марвина, помнишь? Я – Кейт Чайльдс, из Блайтсвудского колледжа, к вам по программе студенческого обмена приехала. А сейчас вот служу силам зла! – Она делает пируэт. – Ой, кстати, Ферн, я в восторге от того, как ты сыграла в «Обезьяньей лапке»[{26}]. Обалдеть!

– Кейт! – Ферн, будущая звезда сцены, мгновенно забывает о своих спутниках. – Тебе правда понравилось?

– Еще бы! – Кейт Чайльдс глубоко затягивается косячком, обдает нас облаком конопляного дыма. – Я буквально умерла от зависти.

– Злая-презлая волшебница, а ты и вправду куришь то, что я унюхал? – вмешивается Ланс.

– Все зависит от того, что именно ты унюхал, – отвечает американка, недоуменно разглядывая Ланса.

– Ланс, заткнись, а? – говорит Анжелика. – Прошу прощения… Кейт, да? А скажи, пожалуйста, это Слейд-хаус?

Кейт понимающе усмехается, будто ей задали вопрос с подвохом:

– Ну, если его за последние полчаса не переименовали, то да.

– Спасибо, – кивает Анжелика. – А кто здесь живет?

– Я и еще пятнадцать человек – по программе студенческого обмена Эразмовского института. А вы к нам на хеллоуиновскую вечеринку пришли?

– Ага, – заявляет Ланс. – Нас шестеро, мы паранормальные явления расследуем.

– Погоди, – обрывает его Анжелика. – Значит, Слейд-хаус, вот этот самый особняк, в котором вы живете, принадлежит университету?

– Вообще-то, по документам владельцем особняка значится Эразмовский институт, но университетский садовник сюда приходит, задристанной газонокосилкой траву стрижет. Там, у главного входа, табличка висит… Ой, я сказала «задристанной»? Обалдеть… – Кейт Чайльдс заходится беззвучным смехом. – Простите. Так на чем мы остановились?

– На табличке, – напоминает Аксель. – На табличке у главного входа.

– А, ну да. Так вот, табличка: «Слейд-хаус, общежитие Эразмовского института. Поддержка международных связей в системе высшего образования с восемьдесят второго года». Вон там, у ворот… – Она машет рукой куда-то в направлении крыши Слейд-хауса. – Короче, всем все ясно? Тогда пошли есть, пить и веселиться, а завтра будем… – Она снова

взмахивает рукой, подыскивая еще один глагол, не находит и вручает Лансу свой косячок.

Ланс поворачивается к нам:

– Ребята, вы как хотите, а я – с ней. Пока!

Аксель, Анжелика, Ферн, Тодд и я направляемся к особняку.

– Я внесу в протокол Общепара официальные извинения. – Аксель хлопает ладонью по каменной стене дома. – Мой дядюшка клялся и божился, что полиция никакого Слейд-хауса не обнаружила. И не важно, соврал он или его переглючило. Зря я ему на слово поверил.

Мне становится жаль Акселя.

– Ну, все-таки ты не виноват, что родному дяде поверил.

– Салли права, – кивает Тодд. – Ничего страшного не случилось, правда?

Аксель не обращает на нас внимания.

– Надо было самому район изучить. Непростительная оплошность. Прошелся бы по Крэнбери-авеню, сразу все понял бы, а так… – Он едва не плачет от досады. – Очень непрофессионально.

– Да какая разница! – говорит Ферн. – Зато на вечеринке повеселимся.

Аксель нервно поправляет шарф.

– Нет, есть разница. Все, Общепар временно прекращает работу. Спокойной ночи, – говорит он и идет по дорожке, огибающей Слейд-хаус.

– Аксель, погоди! – кричит Анжелика и бросается за ним.

Тодд глядит им вслед, вздыхает:

– Бедный Аксель!

– Бедная Анжелика, – говорит Ферн.

Странно… А я-то думала, что она Анжелику на дух не выносит.

– Ну что, двинули? – Ферн взбегает по ступенькам и входит в дом.

Тодд оборачивается ко мне, будто говоря: «Ну и ночка выдалась!» Я придаю своему лицу соответствующее выражение, киваю. Он поправляет очки. Если б мы с ним встречались, я бы посоветовала ему носить очки без оправы – они бы подчеркнули его хрупкую красоту, как у обреченного поэта-романтика.

– Тодд, ты что-то у меня спросить хотел?

Он затравленно глядит на меня:

– Я?

– Ну да. Как раз перед тем, как Ланс проулок отыскал.

Тодд неуверенно проводит рукой по шее:

– Правда? Я…

Я сдуваюсь, как воздушный шарик. Тодд струсил и теперь

притворяется, что все забыл. А на вечеринке полным-полно худеньких девчонок, вон как выплясывают. Это все из-за них.

– Салли, давай зайдем, – предлагает Тодд. – Может, я за разговором вспомню, что спросить хотел. Ну, если у тебя на сегодня других планов нет… Выпьем по стаканчику, потреплемся о всякой ерунде…

– У меня одна сестра, – повторяю я, повысив голос, чуть ли не кричу, потому что из динамиков несется суперграссовская «Caught by the Fuzz»[4] {27}.

Мы с Тоддом стоим в уголке, у духовки с шумной вытяжкой. Кухня полна народу, в дыму никого не разглядишь, из помойного ведра воняет. Тодд пьет пиво «Тайгер» из бутылки, а я осторожно отхлебываю дрянное красное вино из пластмассового стаканчика.

– Сестра тебя старше, – уверенно заявляет Тодд.

– А как ты догадался? Или заметно?

– Ну, вроде как догадался. И как ее зовут?

– Фрейя. Она в Нью-Йорке живет.

Взрыв смеха заглушает мои слова. Тодд подносит ладонь к уху:

– Что-что?

– Ее зовут Фрейя. Как крутую скандинавскую богиню… ну, этого…

– Богиню любви, секса, красоты, плодородия, золота, войны и смерти.

– Вот-вот, – киваю я. – В отличие от Салли, замученной тягловой кобылы или ист-эндской портовой шлюхи в романе Диккенса.

– Неправда! – восклицает Тодд. – Салли – прекрасное имя. Солнечное. Доброе.

– А по результатам научных исследований Фрейи добиваются в жизни большего, чем Салли. Вот назови мне хоть одну знаменитость по имени Салли. Ну, давай! Ага, не знаешь? То-то же. Моя сестра во всех школьных олимпиадах первые места занимала, в Сингапуре научилась бегло говорить по-китайски, в Женеве – по-французски, в июне окончила факультет журналистики в Имперском колледже и переехала в Бруклин, к своему бойфренду. Он у нее знаменитый режиссер-документалист, между прочим, американец китайского происхождения. Так вот, она приехала и тут же устроилась на работу в фотоагентство на Бликер-стрит. Представляешь? Через две недели после того, как в Штаты приехала. Такая вот у меня Фрейя. Я ей очень завидую. О господи, Тодд, ты меня сывороткой правды опоил, что ли?

– Нет, Салли. Но ты продолжай, не молчи, я люблю тебя слушать.

Оттого, что Тодд произносит три волшебных слова – «я люблю тебя», – у меня голова кружится.

– Что-что? – переспрашиваю я, хотя прекрасно слышала, что именно он сказал.

– Я люблю тебя слушать, – повторяет Тодд. – Может, Фрейя тебе тоже завидует.

– Ой, да чему там завидовать?! У меня биография ничем не примечательная, честное слово: Салли Тиммс, родилась в Кентербери в тысяча девятьсот семьдесят девятом году.

Тодд слушает внимательно, будто ему и впрямь интересно.

– Папа был менеджером нефтяной компании «Шелл», мама, соответственно, – жена менеджера «Шелл». Папа до сих пор там работает. Понимаешь, «Шелл» – как отель «Калифорния»: попрощаться можно, а уйти нельзя.[{28}] Когда мне было восемь лет, папу перевели работать в Сингапур. Мы туда приехали, а там – ой, повсюду сплошные правила и запреты, шагу ступить нельзя. К двенадцати годам у меня случился нервный срыв, от перенапряжения наверное, и… – Я умолкаю.

Интересно, Тодду нравится моя искренность или он ищет предлог, чтобы побыстрее отвязаться от психопатки? Но взгляд карих глаз подбадривает меня, и я продолжаю:

– В общем, родители решили, что мне тяжело адаптироваться к жизни за границей, поэтому отправили меня в Вустершир. В Грейт-Малверне есть школа для девочек. Вот я шесть лет там и провела – все как обычно: дрянная английская погода, дрянная английская еда. Как ни странно, там было много девчонок из Сингапура – проблемные дочери богатых родителей. Как я. – («Только худее, симпатичнее и стервознее»). – На первый взгляд самое подходящее для меня место, только мне… Я его всей душой ненавидела.

– А родители знали, что тебе там плохо? – спрашивает Тодд.

Я пожимаю плечами:

– За что боролась, на то и напоролась. Папу отправили в Бруней, мама осталась в Сингапуре, Фрейя уехала в Сидней – электронной почты тогда еще не было, так что жили мы как-то… отдельно друг от друга. Нет, летом и на Рождество собирались всей семьей, мама с Фрейей были очень близки, почти как сестры, а я – белая ворона, что ли… Нет, белая ворона – это необычно и загадочно, а я… Ой, Тодд, прости, я тут все ною и ною.

– Ничего подобного. Тебе трудно пришлось.

Отпиваю дрянное винцо и замечаю:

– Не труднее, чем сиротам СПИДа, жителям Северной Кореи или

филиппинской прислуге в семействе менеджера «Шелл». Просто забываю, что на самом деле мне повезло.

– Все мы об этом забываем, – говорит Тодд.

Я только собираюсь возразить, что уж он-то так не поступает, как какой-то чернокожий парень с обесцвеченными волосами открывает дверцу духовки, приговаривая:

– Подвиньтесь-ка, ребята.

Он вытаскивает из духовки противень с ломтиками духовитого чесночного хлеба, угощает нас:

– Берите, не стесняйтесь.

Акцент у парня странный – то ли лондонский, то ли притворный кокни, но чесночный хлеб пахнет очень аппетитно, так бы и съела.

– Если ты хочешь, то и я не откажусь, – предлагает Тодд.

На третьем куске Тодд говорит:

– А мама у меня слепая.

Я замираю с четвертым куском у рта, прекращаю жевать.

– Тодд!

– Ну а что в этом такого? Многим инвалидам тяжелее.

– Ничего себе! Ты поэтому с родителями живешь?

– Ага. Меня приняли в Эдинбургский университет, мама с папой разахались, мол, сынок, как тебе повезло, поезжай, но папа уже не молод, я – единственный ребенок в семье, поэтому я и остался. И ни капельки об этом не жалею. У меня отдельная квартирка над гаражом, все удобства, ну, для… – Тодд умолкает, сообразив, что упоминание «подружек» может меня задеть, – не хватало еще, чтобы я решила, будто он ко мне клеится.

– Для личного пространства и независимого существования? – подсказываю я, пытаясь изящно утереть потеки масла с подбородка.

– Ну да, для личного пространства и независимого существования. Отличная фразочка. Не возражаешь, если я возьму ее на вооружение?

– Только в разговоре со мной, – дерзко отвечаю я, глядя, как Тодд с улыбкой слизывает чесночное масло с пальцев. – Тодд, прости за нескромный вопрос, а у мамы слепота врожденная или приобретенная?

– Приобретенная. Мне одиннадцать лет было, когда у нее обнаружили ПДС – пигментную дистрофию сетчатки. За год мама потеряла почти девяносто процентов зрения. Ужасно… Сейчас она только свет от темноты отличает. Впрочем, нам еще повезло: ПДС часто сопровождается глухотой и крайней усталостью, но у мамы слух острый – стоит мне бранное слово сказать, она за милю услышит. Она работает на дому, аудиокниги шрифтом

Брайля перепечатывает. Недавно вот последний роман Криспина Херши закончила, «Сушеные эмбрионы».

– Классно! – говорю я, но не добавляю, что, по-моему, книга не по делу распиарена.

Еще чуть-чуть – и колено Тодда коснется моего. Если б я выпила больше или если бы на моем месте была Ферн или Фрейя, то давно бы уже сама легонечко дотронулась до него и сказала: «Ну поцелуй же меня, дурачок, я совсем не против!» Но скажи я такое сейчас, он решит, что я просто тупая жирная телка, ничем не лучше Ланса. Нет, нельзя… ни в коем случае.

– Классно, – повторяю я.

– Ты маме понравишься, – говорит Тодд, вставая. – Даже очень.

Ой, он меня с мамой знакомить собрался?

– Я интересных людей люблю, Тодд, – отвечаю я, страшно довольная тем, что удалось вставить слова «я», «люблю» и «Тодд» в одно предложение. – Буду рада нашему знакомству.

– Значит, договорились. Ох, я пойду туалет поищу… Только ты никуда не уходи, ладно?

– Обещаю и торжественно клянусь.

Смотрю, как он исчезает в толпе. Тодд Косгроув… Хорошее имя для бойфренда. «Тодд» о социальном положении ничего не говорит, а вот «Косгроув» звучит почти аристократично. Салли Тиммс – подходящее имя для затюканной библиотекарши или организаторши детских праздников, а вот Сал Косгроув может быть диктором Би-би-си, или модным дизайнером интерьеров, или знаменитым издателем. Сал Косгроув никогда не слопает семейную упаковку шоколадного драже «Менестрели», чтобы потом в унитаз все вытошнить. Пусть мы с Тоддом всего полчаса как беседуем, но ведь и самая вечная любовь когда-то начиналась с мимолетного разговора.

У меня за спиной Дарт Вейдер жалуется тощему как жердь Невероятному Халку на своего преподавателя социологии; мне под ноги падает коса Смерти, который (или которая) заигрывает с черным ангелом в измятых крыльях. Открываю сумочку, достаю пудреницу от «Тиффани» – подарок Фрейи, в утешение за то, что из-за ее «занятости» сорвалась моя августовская поездка в Нью-Йорк. Девушка в зеркальце подкрашивает губы. С таким бойфрендом, как Тодд Косгроув, я сяду на диету, на завтрак буду есть одни фрукты и вообще наполовину уменьшу размер порций. Как мама с Фрейей меня увидят, так у них челюсти и отвиснут. Здорово! Все, решение принято. Я подхожу к столу, уставленному едой: миски попкорна, подносы чесночного хлеба и два фарфоровых веджвудских блюда с горой

шоколадных брауни. В печеньки на самом верху каждой горки воткнуты бумажные флажки с надписями: «С ДУРЬЮ» и «БЕЗ ДУРИ». А у меня в желудке пусто, я с самого обеда ничего не ела – батончик «Сникерса» перед семинаром по Чосеру и упаковка чипсов «Принглс» в библиотеке не в счет. Ну и чесночный хлеб. Но я же мильон калорий сожгла, пока на своих двоих до «Лисы и гончих» добралась. От одной ма-а-аленькой печеньки без дури особого вреда не будет…

Обалдеть! Вот вкуснотища-то! Я чуть слюной не захлебнулась. Черный шоколад, лесные орехи, ром и изюм. Тяну руку за второй печенькой, и тут ко мне подходит эдакий «экшн мэн», загорелый голубоглазый блондин в черном прикиде, и, поигрывая мускулами, с махровым австралийским акцентом говорит:

– О, привет! Мы с тобой на концерте Моррисси встречались, помнишь?

Как будто такого можно забыть.

– Нет, – отвечаю. – Не со мной.

– Ну вот так всегда. Значит, у тебя двойник есть. Меня Майком зовут – мельбурнский Майк, чтобы не путали с маргейтским Майком. Рад знакомству… Жаль, имени твоего не знаю.

Мы пожимаем друг другу руки.

– Я – Сал. Сингапурская Сал. Ну, если подумать, – говорю я. Сингапур куда экзотичней Малверна – для тех, кто там не живет.

Мельбурнский Майк картинно изгибает бровь:

– Сингапурская Сал… Почти как мой любимый коктейль…[{29}] Я однажды три подряд выпил. А чего ты здесь одна скучаешь?

Такие парни, как Майк, ко мне не клеятся даже по пьяни, а уж тем более на трезвую голову. Но у меня есть Тодд, поэтому я загадочно улыбаюсь и говорю:

– А я не одна.

Мельбурнский Майк отвешивает церемонный поклон:

– Везет же чуваку. Что ж, желаю приятно провести Хеллоуин.

Он уходит. Зашибись, Изольда Делаханти из Биконской школы в Грейт-Малверне, и вы тоже зашибитесь, ее подружки, куклы Барби, фашистки проклятые. На лишний вес они, видите ли, ополчились! Вы меня восемь лет Хрюшей дразнили, притворялись, что это ласковое прозвище, всякий раз в коридорах и в душевой во весь голос хрюкали – хрю-хрю, хрю-хрю! – а мне приходилось терпеть и улыбаться, хотя на самом деле было больно и обидно до слез. А теперь хоть по уши обосритесь, потому

что я вас всех обставила. И вообще, я только что дала от ворот поворот австралийскому красавчику-серферу, загорелому полубогу. Ха! А он вернулся. И говорит, с улыбкой кивая на блюда с печеньками:

– Кстати, Сингапурская Сал, по-моему, какой-то шутник флажки местами поменял.

Я прекращаю жевать:

– Но это же опасно!

– Одно слово – говнюк.

У лестницы какая-то девушка – по виду индианка – в серебристом костюме Железного Дровосека читает мои мысли:

– Туалет вон там – направо и вперед. Ах, какой у тебя лак! «Павлинья лазурь», да?

Пытаюсь сказать «да» и «спасибо», но язык заплетается, слова прилипают друг к другу:

– Дасиб…

Сгорая от стыда, иду в указанном направлении, прихожу в комнату, где стоит телевизор, а на диванах развалились какие-то чуваки, смотрят «Экзорциста». Нет, я тут задерживаться не стану. Мы в Малверне как-то собрались на вечеринку, «Экзорциста» посмотреть, ну, там я и рассталась со своей девственностью – с помощью приятеля бывшего бойфренда своей якобы лучшей подруги, его Пирсом звали. Воспоминание не из приятных. Изольда Делаханти всей школе растрепала о том, как «Хрюшу в первый раз трахнули», и о том, что Пирс об этом потом говорил. В коридоре, залитом синим светом, звучит «Hyperballad»[5]{30} Бьорк. Прохожу мимо огромных дверей, заглядываю внутрь: в огромном зале, типа бального, смутно освещенном тусклыми оранжевыми лампами, устроили танцы. Человек тридцать собралось – кто в остатках маскарадных костюмов, кто просто в майках. Посредине Ланс выплясывает, сам себя лапает за грудь и за шею, мотает сальными патлами, стряхивая хлопья перхоти; потом замечает меня в дверях, призывно машет рукой – тоже мне, секс-символ выискался! Фу! Меня аж мутит. Торопливо иду по зябкому коридору, сворачиваю за угол, поднимаюсь по лестнице, снова спускаюсь, выхожу к эркерному окну, откуда виден парадный вход в Слейд-хаус с двумя колоннами у ворот. Уличные фонари, ограда и деревья какие-то нечеткие, смазанные, как в тумане, – наверное, потому, что дробятся в квадратиках запотевших оконных стекол. Если честно, то способность ориентироваться в пространстве я на кухне оставила и теперь вообще не представляю, где нахожусь.

«Hyperballad» сменяется «Safe from Harm»[6]{31}, старым хитом *Massive Attack*. Меня окликает Ферн. Она растянулась на огромном диване в алькове, в одной руке – французская сигарета, в другой – бокал, как будто позирует для фотографии.

– Привет! Как тебе вечеринка? Нравится?

– Да, как ни странно. Ты Тодда не видела?

– Я видела, что он с тебя глаз не сводит.

Я так рада это слышать, что решаю задержаться – всего на минуточку. Кожаный диван мягкий и прохладный, я сажусь на него и утопаю, а он тихонько поскрипывает, с сухим похрустывающим чавканьем, как свежевыпавший снег под ногами или пенопласт, – для описания этого звука еще слова не придумали.

– Правда, что ли?

– Правда, Сал. Тодд не ради паранормальных явлений сегодня пришел. Какие у вас планы на сегодняшнюю ночь?

Я равнодушно пожимаю плечами, хотя меня прямо распирает от счастья.

– Ну, об этом пока рано говорить… Сначала посмотрим, как дело пойдет.

Сигарета Ферн с шипением гаснет в ее бокале.

– Не глупи, подруга! Тут от тебя все зависит. А Тодд – замечательный парень, такого упускать нельзя. Он мне чем-то брата напоминает.

А я и не знала, что у Ферн есть брат. Впрочем, мы с ней раньше особо не разговаривали.

– Он чем сейчас занимается – тоже в университете учится? Или актер?

– Сейчас он ничем не занимается. Он умер.

– О господи, Ферн… Прости, я не знала. Вечно я что-то ляпну невпопад!

– Да ничего страшного. Он… на Рождество вот уж пять лет будет, как он умер. Дело давнее. – Ферн не отрывает взгляда от окурка в бокале.

Пытаясь сгладить свой промах, я спрашиваю:

– А что произошло? Он был болен? Или несчастный случай?

– Самоубийство. На машине разогнался – и ухнул с утеса.

– Ох, какой ужас… прости! А почему… Нет-нет, не объясняй.

– Он записки не оставил, но утес был неподалеку от дороги к Тридейво – так наше родовое гнездо называется, близ Труро. Мы сразу поняли, что это не авария. – Ферн натянуто улыбается. – А саркофагом ему стал отцовский винтажный «астон-мартин», так что сам поступок можно считать предсмертным посланием.

– Ферн, прости меня, пожалуйста. Ну что я за идиотка! Я не хотела…

– Прекрати извиняться. Это Джонни идиотом был. Нет, я к нему несправедлива. За два года до этого папа умер, мама была вне себя от горя, вот на Джонни все и свалилось – и с завещанием разбираться, и с налогом на наследство, – а он тогда в Кембридже учился и, как мы потом узнали, страдал от депрессии… А вдобавок еще и его дурацкие, совершенно идиотические представления о чести и о долге – я карточные долги имею в виду… Ой, слов нет. Как будто нельзя было продать пару акров земли!

Сквозь запотевшие окна мы глядим в туманную ночь.

– Знаешь, я поэтому в Общепар и записалась, – говорит Ферн. – Если бы я хоть раз привидение увидела – какого-нибудь римского центуриона, всадника без головы, Риту и Нэйтана Бишопов, да кого угодно, мне все равно… Одного-единственного призрака было бы достаточно, я бы тогда точно знала, что смерть – не конец игры, а дверь. А за дверью – Джонни. Ох, Салли, если бы только знать, что он… ну, не просто прекратил *быть*. Ради этого я на все готова. Вот честно. Все бы отдала, запросто… – Ферн прищелкивает пальцами.

Отлепляю щеку от холодного кожаного дивана в темном алькове. Все еще звучит «Safe from Harm», видно, задремала я ненадолго. Ферн куда-то пропала. Рядом со мной сидит какой-то тип в пушистом коричневом халате, явно на голое тело – вон, волосатая грудь виднеется, и ноги волосатые. Фу, гадость! Слава богу, он на меня не смотрит – уставился на стену. По-моему, там было эркерное окно. Нет, показалось. Тип в халате еще не старый, но уже с лысиной; морщит лоб, по-совиному таращит заспанные глаза из-под сросшихся на переносице бровей. Лицо знакомое, только не пойму откуда. А Ферн-то хороша: излила мне душу и смылась, одно слово – актриса. Может, обиделась, что я задремала? Надо бы ее найти, извиниться. Бедняжка. Брата жалко, конечно. Все люди – маски, а под масками – снова маски, под которыми тоже маски, и так до бесконечности. Наверное, Тодд уже вернулся на кухню, а я никак с дивана встать не могу.

– Простите, – обращаюсь я к странному типу в халате. – Вы не подскажете, как пройти на кухню?

Он меня игнорирует, в упор не замечает.

– Спасибо, вы мне очень помогли, – ехидно говорю я.

Он еще больше морщит лоб, а потом медленно открывает рот. Вот еще, юморист выискался! Голос у него сиплый, какой-то пыльный, между словами – длинные паузы.

– Я… еще… в… доме?

Похоже, он обкурился до чертиков.

– Да уж явно не на Трафальгарской площади.

Медленно тянутся секунды. Он продолжает разговаривать со стеной. Ну ни фига себе!

– У… меня… имя… отня… ли…

Я пытаюсь его успокоить:

– Ничего страшного, утром все найдется.

Он смотрит в мою сторону, но не на меня, словно не понимает, откуда доносится мой голос.

– Даже… уме… реть… не… дают.

Нет, точно глюки.

– Мой вам совет на будущее – не курите всякой дряни.

Он наклоняет бритую голову к плечу, щурится, будто прислушивается к звукам откуда-то издалека.

– А… ты… но… вый…

– Кто? – хихикаю я – больше нет сил сдерживаться. – Новый мессия, что ли?

Диван подрагивает от тяжелых басов «Safe from Harm».

– Выпейте кофе покрепче, – говорю я типу в халате.

От этих слов лицо его передергивается, как от горсти щебня, мне даже жалко становится. Тип в халате закрывает глаза, будто старается что-то вспомнить.

– Гость… – говорит он и рассеянно, по-стариковски моргает.

Я жду продолжения. Он молчит.

– Я – новый гость? Вы это хотели спросить? Новый гость?

Следующую фразу он изрекает как заправский чревовещатель – сначала двигает губами, а сами слова звучат лишь через несколько секунд:

– Я… нашел… в ще… ли… ору… жие…

Отсроченное воспроизведение – потрясающий фокус, но от слов про оружие мне становится не по себе.

– Послушайте, а давайте как-нибудь без оружия обойдемся…

И тут этот полуголый, в дым укуренный тип вытаскивает из кармана халата серебряную спицу в ладонь длиной. Я отшатываюсь – а вдруг он меня ткнет? – но потом соображаю, что он протягивает ее мне, как подарок. Один конец спицы украшен серебряной лисьей головой с блестящими камушками глаз.

– Ой, какая прелесть! – говорю я, рассматривая странную вещицу. – Она антикварная? Наверное, шпилька гейши или что-то в этом роде?

Лежу на диване, одна. В коридоре никого нет. В комнате пусто. Тип в халате давным-давно свалил, но в кулаке у меня зажата шпилька с лисой. О господи, я опять отключилась, что ли? Пора бросать эту дурную привычку. Вместо «Safe from Harm» теперь звучит «Little Fluffy Clouds»[7]{32} электронщиков *The Orb*. Напротив меня была голая стена, но теперь в ней виднеется черная железная дверца, совсем как в проулке Слейд, – только эта приоткрыта. Опускаюсь на колени у дверцы, распахиваю ее пошире и, просунув голову в проем, выглядываю наружу. За дверью – улочка. Очень похожа на проулок Слейд, но этого не может быть, потому что этого не может быть. Колени мои по-прежнему опираются на ковер в Слейд-хаусе. Снаружи темно, никого не видно, только высокие стены с обеих сторон. И тихо, как в гробу. Ну, так говорят. Музыки не слышно – никаких тебе «Little Fluffy Clouds», голова словно бы отделена звуконепроницаемой завесой. Метрах в пятидесяти слева от меня улочка сворачивает вправо, на углу стоит мигающий уличный фонарь. Справа от меня, примерно на том же расстоянии, – еще один поворот, еще один угол, еще один фонарь. Нет, это не проулок Слейд. Я в коридоре особняка, оттуда до проулка Слейд метров пятьдесят будет… нет, восемьдесят или даже сто – у меня глазомер напрочь отсутствует. Должно быть, дурь подействовала. Ну точно. Если один болван сообразил поменять местами печеньки с дурью и без дури, то другому такому умнику ничего не стоило подсыпать какую-то фигню в пунш. Всякое бывает. Фрейя рассказывала, как два ее сиднейских однокурсника поехали на каникулы в Индонезию, нажрались каких-то жареных грибочков, а потом решили, что на пляж Бонди-бич легче вернуться вплавь. Одного придурка чудом успели спасти, а вот второго так и не нашли. Что делать, если в кислотном приходе оказываешься в переулке, которого быть не может? Пройтись по нему? Тоже мысль. Надо проверить, выходит он на Вествуд-роуд или нет. Погодите-ка, меня же Тодд на кухне дожидается. Он, наверное, волнуется, куда это я запропала. Нет, надо возвращаться. А вдруг…

А вдруг…

А вдруг Слейд-хаус – это глюк, а дверца – путь к свободе? Что, если эта кроличья нора ведет не в Страну чудес, а, наоборот, домой? Что, если…

Кто-то касается моего плеча, и я, вздрогнув, втягиваю голову внутрь, в коридор Слейд-хауса, где звучит музыка, где вечеринка в разгаре… Оборачиваюсь: на меня сверху вниз глядит Злая Волшебница Запада.

– Эй, Салли Тиммс, ты что здесь делаешь?

Я лихорадочно вспоминаю, как ее зовут:

– Кейт?

– Тебе плохо? Или ты что-то уронила?

– Нет, я просто хотела понять, куда эта дверца ведет.

Злая Волшебница недоуменно смотрит на меня:

– Какая дверца?

– Вот эта, – говорю я и показываю Кейт Чайльдс… голую стену.

Никакой дверцы нет. Трогаю стену рукой – стена как стена. Встаю, тяну время, думаю, как теперь выкручиваться. Мысли путаются. Да, у меня глюки из-за наркотиков, подмешанных в еду или в питье, но не признаваться же Кейт, что меня опоили.

– Мне домой пора.

– Так ведь рано еще, Салли Тиммс.

– Голова разболелась. И месячные начались.

Кейт снимает маску Злой Волшебницы, под которой оказывается взволнованное, по-сестрински заботливое лицо, обрамленное светлыми, как у Барби, волосами.

– Давай я тебе такси вызову. Этим волшебством я в совершенстве овладела с самого рождения. Вот щелкну пальцами, и… – Она начинает хлопать себя по бокам, как в аэропорту, перед контролем службы безопасности. – У меня весьма кстати есть новенький навороченный мобильник в одном из этих… волшебных кармашков.

Такси было бы в самый раз, но у меня всего два фунта.

– Нет, я пешком пойду.

– Пешком? – Она с сомнением глядит на меня. – Тебе же нездоровится. Может, не стоит?

– Спасибо, мне на свежем воздухе полегчает.

– Знаешь, попроси-ка Тодда Косгроува, чтобы он тебя домой проводил. Тодд – настоящий джентльмен, таких в Англии почти не осталось.

Оказывается, Кейт знакома с Тоддом!

– Да, я как раз его ищу.

– А он тебя ищет, Салли. Он на втором этаже, в игровой комнате.

Сегодня весь вечер – как настольная игра, придуманная пьяным М. К. Эшером и гриппующим Стивеном Кингом.

– А где игровая комната?

– Туда легче всего попасть, если пересечь комнату с телевизором, пройти по коридору, а потом подняться по лестнице на самый верх. Не бойся, не заблудишься.

Все не отрываясь глядят на экран телевизора, – видно, что-то необычное происходит. Спрашиваю полуобращенного вервольфа, что

случилось.

– Да вроде какую-то студентку похитили, – с североанглийским акцентом отвечает вервольф, не глядя на меня. – Из нашего универа.

– Обалдеть. Правда, что ли, – взяли и похитили?

– Ага, ну вроде так говорят.

– А как ее зовут?

– Полли. Или Сара… Не помню. – Вервольф пьян. – Нет, кажется, Анни. Она всего пять дней как пропала, но сейчас что-то из ее вещей нашли, и теперь полицейские считают вроде как… в общем, типа похищение. Или что похуже.

– А что нашли-то?

– Зеркальце, – бормочет вервольф заплетающимся языком. – Или пудреницу. Погоди, сейчас скажут…

На экране телевизора возникает изображение нашего студенческого клуба, перед зданием стоит журналистка с большим розовым микрофоном.

– Спасибо, Боб. Серьезность ситуации встревожила всех на кампусе. Утром прозвучало официальное объявление полиции о розыске восемнадцатилетней Салли Тиммс, пропавшей студентки, которую в последний раз видели в прошлую субботу вечером в районе Вествуд-роуд…

Слова журналистки превращаются в вязкую кашу. Пропала? Пять дней назад? В прошлую субботу? Так ведь сегодня еще суббота! Я всего час в Слейд-хаусе провела, не больше. Нет, наверное, это какая-то другая Салли Тиммс пропала. На экране появляется моя фотография. Это я… Я?! Салли Тиммс на фотографии одета точно так же, как я сейчас: куртка Зиззи Хикару, на шее маорийская нефритовая подвеска – ее Фрейя сегодня утром прислала, я двенадцать часов назад у привратника посылку забрала. Кто меня сфотографировал? Когда? Как? Журналистка протягивает розовый микрофон Лансу… который сейчас танцует в соседней комнате. Каким-то образом тот же самый Ланс Арнотт в двух милях от Слейд-хауса отвечает на вопрос журналистки:

– Ну, я на вечеринке ее видел, а потом она куда-то пропала, и…

Ланс продолжает шлепать рыбьим ртом, но слух у меня отключается. Надо бы зажечь свет, заорать во все горло: «ЭЙ, НАРОД, вот она я – САЛЛИ ТИММС, произошла ошибка, все в порядке, никто меня не похищал!» – но мне стыдно поднимать шум, привлекать к себе внимание, становиться предметом обсуждения. Не могу, и все.

Ланс, скорчив сочувственную физиономию, вещает с экрана:

– Боюсь, что да. Она с большим трудом привыкала к студенческой

жизни. Мы ее жалели – она очень ранимая, беспомощная, ну, вы понимаете. Искала забвения в наркотиках, да и в личных связях была не очень разборчива, заводила сомнительные знакомства, и все такое прочее.

Мало того что я испугана и вообще ничего не понимаю, так теперь еще и злюсь: какого черта Ланс все это говорит – по телевизору, на всю страну! Да как он смеет?! Из-за того что я его бортанула, он меня перед всеми выставил безмозглой наркоманкой? Журналистка оборачивается к камере:

– Очевидно, что пропавшая студентка – несчастная, одинокая девушка, страдающая излишним весом, не смогла приспособиться к самостоятельной жизни после эксклюзивных частных школ Сингапура и Грейт-Малверна. После того как ее пудреницу обнаружили сегодня в… – она заглядывает в блокнот, – …в проулке Слейд, друзья и родственники Салли Тиммс не теряют надежды, однако, поскольку поиски все еще не увенчались успехом, их волнения и страхи вполне обоснованны. Репортаж с места событий для нашей программы новостей вела Джессика Киллингли. А теперь вернемся в телестудию. Боб, вам слово…

Боже мой, наверное, мама, папа и Фрейя не знают, что и думать!

Нет, я точно знаю: они думают, что меня убили. Надо немедленно сообщить им, что я жива, что все в порядке, что никого искать не требуется. Но сделать это здесь, на вечеринке, я просто не в состоянии. Отхожу от вервольфа, натыкаюсь на буфет. Рука нащупывает что-то мягкое, резиновое – маску Мисс Пигги. Из-за Изольды Делаханти и ее мерзких подпевал я свиней ненавижу, но если маску не надеть, то меня обязательно кто-нибудь увидит, поднимут крик, начнут тыкать пальцами и обсуждать. Закрываю лицо маской, завязываю тесемки на затылке. Отлично. Вздыхаю с облегчением. Что там журналистка говорила о моей пудренице? Я ее на кухне доставала, когда Тодд ушел. Она должна быть в сумке…

Пудреницы нет. Надо бы вернуться на кухню и поискать, все-таки жалко, подарок Фрейи. Нет, сейчас главное – поскорее убраться из Слейд-хауса. Фрейя не обидится. Она поймет. Тодд знает, что делать. Он невозмутимый. Мы с ним потихоньку ускользнем с вечеринки, и все устроится. Мы с ним во всем разберемся.

У лестницы похожая на индианку девушка в серебристом костюме Железного Дровосека говорит мне:

– Ты слышала про Салли Тиммс? Ну, которая пропала?

– Да, слышала, – отвечаю я, пытаясь протиснуться мимо нее.

– А ты с ней знакома? – спрашивает девушка Железный Дровосек.

– Немного, – говорю я, ступая на лестницу.

Перила скользят под пальцами, шум вечеринки стихает, словно бы я взбираюсь в туман молчания. Ковер на ступеньках кремовый, как маргарин, на стенах, обшитых деревянными панелями, висят портреты. В конце лестничного пролета – квадратная площадка с высокими напольными часами. Светлый ковер и старинные часы – не самый удачный интерьер для дома, где живут студенты, пусть даже и эразмовские стипендиаты. На первом портрете – веснушчатая девочка, прямо как живая; на втором – старый солдат с навощенными усами, вот-вот заорет: «В атаку!» Я задыхаюсь, хотя лестница не длинная. Надо бы в спортзал записаться. Добираюсь до лестничной площадки. На циферблате напольных часов нет ни цифр, ни стрелок, только слова: ВРЕМЯ ЕСТЬ, ВРЕМЯ БЫЛО, ВРЕМЕНИ НЕТ. Очень метафизично, но совершенно бесполезно. Слева от меня дверь в тон стенным панелям, справа – еще один лестничный пролет, с портретами на стене, ведущий к светлой двери. За какой из дверей игровая комната? Стучусь в дверь слева.

Слышу, как бьется часовое сердце – в ржавчине и в смазке.

Стучусь погромче. Ничего…

…только мерный скрип шестеренок.

Поворачиваю дверную ручку. Приоткрываю дверь. Чуть-чуть. Заглядываю в щелку.

Комната похожа на чум, круглая, без окон, без ковра; одинокая прикроватная лампочка освещает огромную кровать с балдахином. Бордовый полог задернут. Мерный скрип шестеренок умолк.

– Тодд! – тихонько окликаю я – может, он в кровати? – Тодд?! Это я, Сал.

Ответа нет. Впрочем, если Тодд попробовал брауни с дурью – с блюда с надписью «без дури», – то наверняка заснул и сейчас посапывает в постели, как Златовласка.

Загляну-ка я за полог. Осторожненько, чтобы никого не потревожить.

И потом, я же в маске Мисс Пигги, меня никто не узнает.

Тихонько ступаю по шершавым половицам, подхожу к кровати, приоткрываю бархатный полог на узенькую щелочку, в палец шириной…

– Мисс Пигги! – восклицает мужчина – Аксель? – лоснящийся от пота в кроваво-красном полумраке за пологом.

Я сдавленно взвизгиваю.

На кровати колышется ком гротескно переплетенных обнаженных тел: голые руки и ноги, колени и локти, торсы, груди, плечи, пах и лоно,

пальцы, пятки и ладони, бедра и ягодицы, мошонки и зобастые желваки, неописуемая костяная клеть, полотно плоти, сотканное на кроснах, будто тела сиамских близнецов, разодранные и снова слепленные воедино в невероятной игре; с одной стороны голова Анжелики, спутанные ярко-синие патлы, заклепка пирсинга в языке, с другой – голова Акселя, а посредине – гигантские, набрякшие до невозможности половые органы, жутко-багряные, как в порнокошмаре Фрэнсиса Бэкона; тошнотворно пахнет тухлой рыбой. Голова Акселя ухмыляется в щелку полога, в глазницу маски Мисс Пигги и натужно произносит голосом Анжелики:

– Хрю… ша… хо… чет… бул… ку… с бе… ко… ном.

А голова Анжелики, с запястьями вместо ушей, вплавленная в дряблую ляжку, хрипло исторгает голосом Акселя:

– Сал… ли… не лю… бит… ког… да… ее… так… об… зы… ва… ют.

Вылетаю из комнаты, захлопываю за собой дверь, дрожу от отвращения, от ужаса, от… Напольные часы невозмутимы. Далеко-далеко внизу, в коридоре, выложенном черными и белыми плитками, все тихо. На лестничной клетке наверху виднеется светлая дверь. Дурной приход, вот как это называется. Кислотный бэд. Пирс, мой первый не-бойфренд, однажды рассказывал, как такой поймал. Аксель с Анжеликой трахались, а я это увидела сквозь призму наркотического калейдоскопа. Надо срочно отыскать Тодда, он за мной присмотрит. Поднимаюсь по ступенькам, мимо портретов: на одном стиляга с набриолиненными волосами и в расстегнутой на груди рубахе, на втором – молодая женщина, глаза густо обведены черной тушью, как у Клеопатры, волосы уложены валиком а-ля *Martha and the Vandellas*. У третьего портрета замираю: этого мальчишку в школьной форме я уже сегодня видела. Вытаскиваю из кармана Акселев листок, сравниваю портрет с фотографией. Нэйтан Бишоп. Ноги сами несут меня к следующему портрету, на котором изображен тип в домашнем халате – мой недавний укуренный собеседник. Теперь я знаю, как его зовут. Гордон Эдмондс. Мы с ним на холодном кожаном диване разговаривали. Или мне приснилось, что я с ним разговаривала. Не знаю. Не знаю даже, почему не удивляюсь, когда с последнего портрета на меня глядит Салли Тиммс – в куртке Зиззи Хикару, с Фрейиной маорийской подвеской на груди. Такую же фотографию по телевизору показывали. Только на портрете вместо глаз два жутких белесых пятна, а на лице – недоумевающее выражение, словно я не могу понять, почему ничего не вижу. А потом указательный палец поднимается, касается полотна изнутри, стучит по нему… Я полуохаю полу-взвизгиваю полуоскальзываюсь полупадаю на верхнюю ступеньку лестницы, рука машинально хватается за

блестящую ручку на светлой двери…

…и дверь распахивается, а из дверного проема на меня ошеломленно смотрит мертвенно-бледный Тодд.

– Тодд?

Он отшатывается.

Я, запоздало сообразив, в чем дело, срываю маску и снова говорю:

– Тодд!

А он говорит:

– Ох, Сал, Сал, как здорово, что я тебя нашел!

И мы обнимаемся. Тодд худой и костлявый, но мышцы у него стальные, а еще он холодный-холодный, будто только что с мороза. За спиной Тодда виднеется темный чердак, скат крыши. Наконец Тодд высвобождается из наших объятий и закрывает светлую дверь.

– Сал, здесь что-то дурное происходит, – шепчет он. – Отсюда надо уходить.

– Ага, я знаю, – шепчу я в ответ. – Нам в пунш что-то подмешали. Я видела… ох, невозможные, невероятные вещи… Там такое… – Знать бы еще, с чего именно начать. – Тодд, представляешь, по телевизору объявили, что меня уже пять дней разыскивают. Пять дней! Но этого не может быть, я же никуда не пропадала. А еще вот, видишь? – Я тычу в свой безглазый портрет, который больше не двигается. – Это же я! На портрете – я, вот с этим кулоном… – приподнимаю нефритовую подвеску с груди, показываю Тодду. – Его мне сегодня утром прислали. С ума сойти.

Тодд, сглотнув, произносит:

– Сал, это хуже, чем кислотный бэд. Гораздо хуже.

Встревоженная серьезным тоном, я пытаюсь сообразить, что Тодд имеет в виду.

– А что же тогда происходит?

– Ну, мы вступили в Общепар ради знакомства со сверхъестественным, так? Считай, мы с ним познакомились. Только оно нам добра не желает. Нас здесь хотят удержать.

– Кто? – испуганно спрашиваю я.

Тодд оглядывается на светлую дверь:

– Хозяева дома. Близнецы. Я… я их усыпил, но ненадолго. Они вот-вот проснутся, озлобленные и голодные.

– Близнецы? Какие близнецы? И что им нужно?

– Поглотить твою душу, – веско произносит он.

Наверное, он сейчас скажет, что пошутил. Я жду. И жду.

Тодд берет меня за локоть:

– Слейд-хаус поддерживает их жизнь, как реанимационное устройство, которое работает на энергии душ – но не всяких душ, а особенных. Это как группы крови – есть распространенные, а есть редкие. У тебя душа как раз такая, редкая. Поэтому тебе надо отсюда уходить, и как можно скорее. Я тебя выведу. Сейчас спустимся по лестнице, выйдем через кухню в сад, а оттуда выберемся в проулок Слейд. Там мы будем в безопасности. Ну, почти.

Дыхание Тодда щекочет мне лоб.

– А есть еще ворота, которые выходят на Крэнбери-авеню, и черная железная дверца в стене вестибюля, – говорю я.

– Это все обои, для обмана глаз, – мотает головой Тодд. – Выход отсюда один-единственный, он же вход. Через апертуру.

– А как же Ферн, Ланс, Аксель, Анжелика?

Тодд дергает щекой:

– Им я помочь не смогу.

– Почему? А с ними что случится?

Помедлив, Тодд неохотно произносит:

– Ты – плод, а они – кожура, косточка и стебелек. Их уже выбросили.

– Но… – Я киваю на лестничную клетку внизу – ой, лестничный пролет такой длинный! – но двери в комнату-чум там нет. – Я… Я там Акселя и Анжелику видела… вроде бы…

– Нет, ты видела всего лишь трехмерные материальные слепки Акселя и Анжелики, как объемные поляроидные фотографии. При внимательном рассмотрении это сразу заметно. – Тодд хватает меня за руку. – И осторожнее – ни в коем случае ни с кем не разговаривай, на вопросы не отвечай, в глаза никому не смотри. Ничего не ешь и не пей, не бери предложенного, что бы это ни было. Слейд-хаус – это театр оживших теней. Близнецы учуют твою малейшую реакцию, проснутся и вынут из тебя душу. Буквально, а не фигурально. Понятно?

Вроде бы. Да. Нет.

– А ты сам – кто?

– Я… типа телохранитель. Знаешь, я тебе все объясню, когда мы ко мне домой придем. Сал, нам и правда пора, иначе поздно будет. И помни, никому ни слова. Смотри себе под ноги, но руки моей не выпускай. Я постараюсь нас замаскировать. Кстати, маску надень, она тоже поможет.

Холодная рука Тодда сжимает мою горячую ладонь. Я гляжу под ноги, чтобы не видеть портретов. Какое-то время под ногами мелькают ступени.

Наконец мы оказываемся на лестничной клетке, у напольных часов. Они тикают натужно, вразнобой, кряхтят на все лады «хрип-храп». Двери в комнату-чум по-прежнему не видно.

– Здесь дверь была, – шепчу я. – Или мне приснилось?

– Мыши в лабиринте с подвижными стенками наверняка задают себе тот же вопрос, – бормочет Тодд.

Доходим до середины нижнего лестничного пролета. В вестибюле начинают появляться студенты, болтают, спорят, курят, заигрывают друг с другом. С каждым шагом шум усиливается.

– А, ты его нашла! – говорит девушка Железный Дровосек, прижимая стакан с черным пойлом к серебристой щеке. – Меня Урваши зовут, а тебя?

Тодд сжимает мне ладонь, напоминая, что отвечать нельзя. Похоже на детскую игру «„Да“ и „нет“ не говорите», папа с нами в нее играл, когда мы в долгие поездки на машине отправлялись, только сейчас вообще ничего нельзя говорить. Урваши Железный Дровосек не отстает:

– Эй, Мисс Пигги! Отвечай, или так навсегда Мисс Пигги и останешься! Эй, я к тебе обращаюсь, Хрюша!

Тодд увлекает меня за собой, Урваши теряется в вихре лиц, масок и тел. Наконец мы добираемся до кухни. В динамиках надрываются *Supergrass*: «Caught by the Fuzz». Тодд ведет меня вдоль стены, и все хорошо, а потом мы проходим мимо Тодда Косгроува и Салли Тиммс. Они стоят в уголке, у духовки с шумной вытяжкой. Я останавливаюсь. Фальшивый Тодд пьет индийское пиво из бутылки, а фальшивая я глушит дрянное красное вино из пластмассового стаканчика.

– Сестра тебя старше, – уверенно заявляет фальшивый Тодд.

– А как ты догадался? Или заметно? – спрашивает фальшивая Салли.

В ухе звучит голос Тодда – настоящего Тодда: «Не останавливайся, Сал, это обманка. Мышеловка». Тодд обнимает меня за талию, подталкивает вперед, мимо стола с бутылками, жестянками, чашей пунша и двумя веджвудскими блюдами с печеньками брауни. Проходим в арку двери, оказываемся в подсобке. Между нами и дверью – человек десять, включая ходячий труп, мумию в погребальных пеленах, тюбик зубной пасты «Колгейт» с красным пластмассовым ведерком вместо крышечки. Ланс Арнотт, замученный, как грешник на старинном изображении ада, перегораживает мне дорогу и стонет:

– Тут какая-то нечисть!

«Это не он», – звучит голос Тодда в ушах.

Ланс хватает меня за отвороты куртки, от него несет знакомой кислой вонью немытого тела.

– Сал, я знаю, что мудак, но не оставляй меня здесь, умоляю!

– Ладно, – шепчу я, – пойдем с нами.

В тот же миг лицо Ланса растекается тонкими струйками, открывая нечто костлявое, жадное и зубастое. Горло сжимается от страха, даже вскрикнуть не могу. Тодд встает между нами, вычерчивает какие-то знаки в воздухе – четкие черные линии появляются и тут же пропадают, – а нечто в маске Ланса Арнотта то возникает, то исчезает, будто мигая, и наконец улетучивается совсем.

– Что за фигня? – ахаю я.

«Я модем отключил, но близнецы проснулись», – говорит Тодд.

Я только теперь соображаю, что слышу его мысленно, телепатически.

На кухне тихо.

Сердце колотится, жилка на шее бьется в такт. Нас замечают, к нам поворачиваются, за нами идут – чувствуют, что мы не как все.

«Не подавай виду, что тебе страшно», – звучит голос Тодда в голове.

Тодд подводит меня к двери. Заперто. Изо всех сил стараюсь вести себя как обычно, хотя страх склизко расползается под кожей. Тодд шевелит пальцами, сплетая невидимый узор, и дверь распахивается. Он выталкивает меня наружу, говорит: «Я их запру» – и, обернувшись, чертит на двери какой-то символ. Снаружи темно. Гляжу в сад, где за кустами чуть виден проулок Слейд.

– Сал, ты на диване забыла, лови! – радостно кричит невесть откуда взявшаяся Ферн, швыряет мне пудреницу «Тиффани».

Я ловлю подарок Фрейи…

Зигзаги темных фейерверков скользят по крапчатому небу, перебирают струны арф, и я лениво покачиваюсь в Мертвом море, так бы здесь и осталась навсегда, но волна боли возносит меня выше шпилей, а потом с силой швыряет на гравий под стенами Слейд-хауса. Передо мной появляется испуганное лицо Тодда.

– Сал! Сал, что с тобой? Сал, ты меня слышишь?!

Кожа лопается, как пузырчатый полиэтилен.

– Да, – хриплю я.

– Оризон схлопывается! Идти сможешь?

Ответить я не успеваю; Тодд рывком поднимает меня с земли – ноги не слушаются, тяжелые, гнутся как резиновые. Делаю шаг, под ступней с треском разлетается что-то хрупкое – пудреница «Тиффани», – и мы с Тоддом бредем по траве, подальше от дома. Доходим до трельяжной арки, увитой глицинией, и там ползучая волна настигает нас и бросает на газон,

усыпанный листьями, похожими на раскрытые веера. Так бы вечно здесь и лежала, но Тодд снова ставит меня на ноги, а в мерцающем сиянии ночи Слейд-хаус кажется то плотным, то зыбким, отраженным или преломленным. В сиянии возникают какие-то силуэты, движутся неторопливо, будто знают, что спешить им некуда, то растягиваются длинной вереницей, то собираются вместе. Очертания тел расплывчаты, но лица видны ясно: вот Аксель, вот Анжелика, вот ребята с семинара по Чосеру, вот мои учителя из Грейт-Малверна, вот Изольда Делаханти со своими Барби, вот мама, папа, Фрейя… Тодд тянет меня за собой.

– Сал, бежим!

Бежим… нет, пытаемся бежать, а на самом деле будто проталкиваемся сквозь толщу воды; колючки роз выцарапывают глаза, дорожки выгибаются дугой, сшибают с ног, ветви терновника цепляются за одежду, кусты клубятся, корни высовываются из-под земли и хватают за лодыжки, но черная железная дверца уже близко. Я оборачиваюсь – как дура, ведь в сказках предупреждают, что этого делать нельзя. Силуэты, мигнув, приближаются. Вот Пирс, который сказал, что трахать Хрюшу – это как трахать дохлого кита, только вони больше.

– Сал, открывай апертуру, – говорит Тодд.

Что? А, черную железную дверцу! И как ее открывать?

– А что я должна сделать?

– То же, что и раньше. У меня не получится.

Безликие фигуры все ближе и ближе.

Меня трясет.

– А что я раньше сделала?

– Ладонь к дверце прижала, вот что!

Я прикладываю ладонь к черной железной дверце, толкаю изо всех сил…

Дверца отталкивает мою ладонь.

– Почему у меня ничего не выходит?!

– Ты напугана, страх твою энергию перекрывает.

Снова оглядываюсь. Они в нескольких шагах. Нас сейчас поймают.

– Сал, забудь о страхе, – умоляет Тодд. – Прошу тебя!

– Не могу!

– Можешь!

– Да не могу я…

Тодд прижимает ладони к моим щекам, решительно и нежно целует в губы, шепчет:

– Прошу тебя, Сал.

Мне по-прежнему страшно, но что-то внутри отпускает, рука наливается какой-то силой, дверца распахивается, и Тодд выталкивает меня сквозь проем, за которым…

…беззвездная, бесплотная, бесчувственная, безвременная мгла. Не знаю, как давно я здесь нахожусь. Минуты или годы. Не знаю. В какой-то момент я решила, что умерла, но рассудок жив, хотя своего тела я не ощущаю. Я молила Бога о помощи или хотя бы о лучике света, просила прощения за то, что раньше в Него не верила, старалась не думать о том, какой Он изувер и психопат в Ветхом Завете и в Откровении Иоанна Богослова. Ответа я не получила. Думала о Фрейе, о маме и о папе, никак не могла вспомнить, о чем говорила с ними в последний раз. Думала о Тодде. Если он уцелел, то сейчас ищет меня вместе с полицией, хотя этого места даже с ищейками не найдешь. Может быть, Тодд не очень рассердился на меня за то, что я отреагировала на фальшивую Ферн и пудреницу поймала. Наверное, из-за этой ошибки я и обрекла себя на смерть, как Орфей, который оглянулся. Но ведь это же подло и нечестно! Я машинально пудреницу схватила, чтобы она не разбилась. В мифах и в сказках всегда поступают подло и нечестно, да и в жизни тоже, и сколько бы времени ни прошло, ничего не изменилось; все, что у меня осталось, – это воспоминания, а самое яркое среди них – торопливый поцелуй Тодда. Память об этом поцелуе согревает меня, не позволяет сойти с ума в этой беззвездной, бесплотной, бесчувственной, безвременной мгле.

Спустя минуты или месяцы во мгле возникает тусклая точка света. Я уже начала бояться, что ослепла, как мама Тодда. Потом, через секунды или через годы, точка превращается в ниточку пламени, в пламя свечи, горящей свечи в странном подсвечнике, что стоит передо мной на голых досках пола. Пламя неподвижно. Не яркое, едва освещает помещение – чердак? – но хорошо видны три лица. Справа от меня сидит Кейт Чайльдс, Злая Волшебница Запада, с головы до ног закутанная в серую накидку, как у арабов, только теперь ей почему-то уже за тридцать. Неужели столько времени прошло? Все эти годы у меня… украли? Слева от меня еще одно смутно знакомое лицо… О господи, да это же мельбурнский Майк. Теперь он одного возраста с постаревшей Кейт Чайльдс, тоже сидит неподвижно, как будда в такой же серой накидке. Сейчас, когда они рядом, становится ясно, что это близнецы. А прямо напротив, шагах в шести за пламенем свечи, на меня смотрит коленопреклоненная Мисс Пигги – точнее, девушка в куртке Зиззи Хикару и с маорийской подвеской на толстой шее. Это я или

мое отражение. Хочу шевельнуться, заговорить или хотя бы застонать, но тело не слушается. Мозги включены, зрение не пропало, а все остальное не действует. Как тот француз, про которого мне Фрейя книгу прислала, «Скафандр и бабочка»[{33}] называется. Может, я тоже в бодрствующей коме? Но француз хотя бы мог моргать одним глазом, а я даже этого не могу. Слева от зеркала – светлая дверь с золотой ручкой. Смутно припоминаю, что я ее уже видела, вот только где? На верхнем этаже Слейд-хауса. Это игровая комната. Наверное, нас троих опоили наркотиками и затащили сюда. Но кто? И где Тодд?

– С юным Косгроувом пришлось расстаться, как и с остальными бродяжками, которые за тобой увязались, – говорит Кейт Чайльдс.

Пламя свечи чуть вздрагивает. Американский акцент сменился четким, аристократическим английским выговором, почти как у моей мамы.

– Ты в Слейд-хаус попала по нашему приглашению. Меня зовут Нора, а это мой брат, Иона.

Хочу спросить, что она имеет в виду и почему это «с Косгроувом пришлось расстаться», но даже губами шевельнуть не могу.

– Он умер. Без мучений. Не горюй, он тебя все равно не любил. Вот уже несколько недель, включая сегодняшнее представление, он служил куклой чревовещателя, а роль самого чревовещателя исполнял мой брат. Он-то и изобретал все эти сладкие россказни, которые ты так хотела услышать.

Пытаюсь сказать Норе, что она сумасшедшая, что я знаю – Тодд меня любит.

– Да объясни ты ей, – раздраженно говорит она мельбурнскому Майку, точнее, Ионе, – а то вкуса никакого не останется, одна труха и сахарин.

Иона – если его на самом деле так зовут – с усмешкой глядит на меня.

– Чистая правда, голубушка. Каждое слово, – произносит он без малейшего признака австралийского акцента, с благородными интонациями воспитанника эксклюзивной частной школы. – Поверь мне, уж я-то в мыслях Тодда Косгроува побывал. Салли Тиммс вызывала в нем такие же нежные чувства, как банка прогорклого жира, забытая в холодильнике.

«Неправда! Все ты врешь! Он меня поцеловал! Он меня спасти хотел!»

– Что ж, придется облечь сказанное в хрюканье, понятное даже самой тупой свинье. Все, что случилось в пабе и по дороге к апертуре в проулке Слейд, произошло по-настоящему. Этот чердак – тоже настоящий. И вот эти наши тела – настоящие. А вот между железной дверцей и чердаком находится оризон – трехмерная, реалистичная декорация, проецируемая моей гениальной сестрицей вот в эту самую временну́ю лакуну. – Иона

постукивает по доскам пола. – Видение, созданное по тщательно разработанному сценарию. Я там тоже присутствовал – духом, если так можно выразиться, двигал тело Тодда, подсказывал ему слова. А все остальное – люди, с которыми ты встречалась, комнаты, по которым ходила, еда, которую пробовала, – все это было локальной реальностью, созданной моей сестрицей. И даже ваша с Тоддом дерзкая попытка бегства была всего лишь частью созданного нами лабиринта для подопытных мышей. Оризон в оризоне. Суборизон. Кстати, надо бы для него получше название придумать. Я бы тебя попросил, только ты вот-вот умрешь.

Я упрямо отказываюсь принимать его слова на веру: «Врешь ты все, это просто кислотный бэд».

– Ничего подобного, – удовлетворенно произносит Иона. – Ты на самом деле умираешь. Мускулатура-то не работает, дыхательная система отказала. Или, по-твоему, это тоже кислотный бэд?

Я с ужасом понимаю, что он прав. Воздух в легкие не поступает. Не могу ни вздохнуть, ни упасть, вообще ничего не могу, просто стою на коленях и медленно задыхаюсь. Близнецов я больше не интересую.

– Ах, сестрица, не могу выразить свое восхищение – слов не хватает, – говорит Иона.

– У тебя слов не хватает? Да ты сто лет не затыкался! – возражает Нора.

– За твой оризон впору Оскара вручать. Несравненный шедевр кубизма… или постмодернизма. Сплошной восторг!

– Да-да, мы оба гениальны… Вот только полицейский… Ты заметил, что его остаточной оболочке хватило сил *поговорить* с нашей гостьей? Да еще и апертура сама собой возникла – открытая! Девчонка едва не сбежала.

– Но ведь не сбежала же! А все потому, что Купидон ее прочно заарканил. Согласись, сыграть Тодда Косгроува было гораздо труднее, чем Хлою Четвинд. Детектив Тугодум кусок сырой печенки отымел бы без долгих разговоров, а Хрюше настоящую любовь подавай, с ухаживаниями по всем правилам.

Обидные слова сейчас не ранят – меня больше волнует, как долго можно прожить без кислорода. Три минуты?

Нора Грэйер поворачивает голову, как лампочку, вкручиваемую в патрон.

– Братец, ты, как обычно, упускаешь главное. С каждым Днем открытых дверей отклонения усиливаются.

Иона разминает тонкие паучьи пальцы:

– А ты, сестрица, как обычно, чрезмерно подозрительна. Ужин в

очередной раз подан вовремя и без заминки. Наш операнд в очередной раз заряжен на полный цикл. А истеришь ты потому, что слишком много времени в Голливуде провела, насмотрелась на волосатые задницы актеришек в зеркальных потолках.

– Братец, не смей со мной разговаривать в таком тоне, – злобно шипит Нора.

– А что будет? Ты без предупреждения смотаешься в Анды, чтобы поразмыслить там о смысле метажизни? Так поезжай немедленно, поправь здоровье. Вселись в какого-нибудь чилийского крестьянина. Или в альпаку. После ужина я тебя сам в аэропорт отвезу. А потом вернешься, куда тебе деваться-то? Операнд важнее любого из нас, детка.

– Операнду уже шестьдесят лет. То, что мы отрезаны от Пути Мрака…

– Позволяет избежать нежелательного внимания тех немногих, кто способен нам помешать. Мы – полубоги, мы ни от кого не зависим. Так что давай не будем ничего менять.

– Мы целиком и полностью зависим от дурацкой пантомимы, которую приходится устраивать раз в девять лет, – ехидно замечает Нора и с отвращением оглядывает себя. – Мы целиком и полностью зависим от исходных тел, которые удерживают наши души в мире. Мы целиком и полностью зависим от случая, надеемся лишь на удачу, на то, что все пройдет благополучно.

Я по-прежнему не дышу. Череп как будто скукоживается. В сознании отчаянно бьется одно-единственное слово: «Помогите!»

– Может быть, все-таки приступим к ужину? – спрашивает Иона. – Или ты из вредности решила операнд уничтожить?

Голова раскалывается от боли, тело жаждет воздуха. «Я задыхаюсь… помогите!»

Нора сопит, как избалованный подросток, и неохотно кивает. Руки близнецов выписывают какие-то узоры, оставляя в темном воздухе мимолетные царапины. Близнецы шевелят губами, шепот становится все громче и громче, и над свечой возникает нечто осязаемое, медленно, клетка за клеткой, превращаясь в мясистую медузу, пронизанную багряными сполохами. Завораживающее зрелище напоминает сцену из ужастика про инопланетян. Из медузы вырастают щупальца, из них тянутся щупальца потоньше, некоторые подбираются ко мне, одно зависает в дюйме перед глазами – крошечное отверстие на кончике шлепает, как губы аквариумной рыбки, – а потом, извиваясь, влезает мне в левую ноздрю. К счастью, я не ощущаю ни его, ни остальных, которые забираются мне в рот, в правую ноздрю и в уши, а потом лоб сверлом пронзает внезапная боль. В зеркале

напротив из глазных отверстий маски выползает какая-то сверкающая масса и собирается прозрачной каплей у меня перед глазами. В капле снует миниатюрный сияющий планктон. Очевидно, душа все-таки существует.

Моя душа – самая прекрасная на свете.

Близнецы Грэйеры склоняются ко мне с обеих сторон.

«Не смейте! Это мое! Не троньте! Прекратите…»

Они вытягивают губы, словно вот-вот засвистят.

«Помогите Фрейя Фрейя кто-нибудь помогите мне…»

Близнецы делают вдох, капля-душа вытягивается в овал.

«Ктонибудькогданибудьвасостановитвызаэтопоплатитесь…»

Душа разделяется надвое. Нора вдыхает одну половинку, Иона – другую.

Лица у них такие же, как у Пирса в ту ночь в Малверне.

…все кончено. Близнецы снова сидят как сидели.

Штука со щупальцами исчезла. Сияющая капля исчезла.

Грэйеры неподвижны, как изваяния. И пламя свечи тоже неподвижно. В зеркале маска Мисс Пигги шлепается на пол.

Проказник эдакий
2006

Я отключилась и задремала. Мне приснилось, что я передумала идти на сегодняшнюю встречу с Фредом Пинком. Шла по промозглому парку и на полпути решила вернуться. Потом какой-то бегун в оранжево-черном костюме брызнул мне в лицо аэрозолем из противоастматического ингалятора. А потом я увидела Тома Круза – он катил инвалидную коляску, в которой сидела женщина с надвинутым на лицо капюшоном плаща. «Взгляни, не стесняйся!» – предложил мне Том Круз. Я приподняла капюшон, и оказалось, что женщина – это я. Потом мы свернули на узенькую улочку, и кто-то сказал: «Войско содержишь годы, а все – ради одного дня». А потом откуда-то возник черный монолит, как в «Космической одиссее 2001 года», и как только он раскрылся, я услышала голос Салли: «Ну просыпайся же!» – и очнулась. Вот и сижу, одна, в комнате на втором этаже паба «Лиса и гончие». Как и договаривались. В последний раз я была здесь в 1997 году. С тех пор паб обветшал: столы выщербленные, стулья расшатанные, обои выцветшие и ободранные, а ковер цвета засохшей блевотины. Передо мной стоит захватанный стакан томатного сока – кровавая жижа, будто зазевавшийся зверек, раздавленный автомобильными колесами. Видно, что паб на последнем издыхании, доживает свой век. Внизу, у барной стойки, всего шесть посетителей, причем один из них – собака-поводырь. Между прочим, субботний вечер. Единственное напоминание о пьяном разгуле – покоцанная эмалированная табличка с рекламой «Гиннеса», привинченная к стене над заложенным камином: лепрекон играет на скрипочке пляшущему тукану. Может быть, девять лет назад лепрекон видел Салли. Может быть, она его тоже видела. Девять лет назад все шестеро пропавших здесь собрались. Очевидцы их запомнили, только никто не мог точно сказать, за каким столом они сидели.

Вжимаю лоб в немытое оконное стекло. У входа в паб Фред Пинк «беседует с мистером Бенсоном и мистером Хеджесом». Загораются уличные фонари. Солнце опускается в асфальтовые тучи над лабиринтами улочек с односторонним движением, над кирпичными домишками, над газовыми станциями, над илистыми каналами, над старыми фабриками, над унылыми многоквартирными постройками шестидесятых годов, над многоэтажными автостоянками семидесятых, над обветшалым

муниципальным жильем восьмидесятых, над залитым неоновым светом кинотеатром девяностых. Тупиковые проулки, кольцевые дороги, автобусные дорожные полосы, эстакады. И вот это убожество – последнее, что видела Салли в своей жизни. В миллионный раз думаю, что, может быть, она еще жива, в плену у какого-то безумца, в подвале или на чердаке, надеется, что о ней не забыли, что ее когда-нибудь найдут. Я об этом все время думаю. Завидую рыдающим родственникам погибших – тех, чьи тела обнаружены. Горе – это ампутация, а вот надежда – неизлечимая гемофилия, одно непрерывное кровотечение. Как кот Шредингера в камере, которую нельзя открыть. В миллионный раз корю себя за то, что отговорила сестру от поездки в Нью-Йорк перед началом занятий в университете. Я знала, что Салли хотела у меня погостить, но у меня тогда была работа в фотоагентстве, подруги-модницы, приглашения на частные просмотры, а вдобавок я только начала встречаться с женщинами. Мне было интереснее исследовать свою истинную сущность, чем нянчиться с нервной и затюканной толстушкой-сестрой. В общем, я объяснила Салли, что страшно занята, она притворилась, что поверила, а теперь я себя простить не могу. Эврил говорит, что даже Господь Бог не в силах изменить прошлое. Она права, конечно, но мне это не помогает. Вытаскиваю мобильник, пишу Эврил сообщение:

В пабе. Жуткая дыра. ФП вроде не псих. Посмотрим как интервью пройдет. Скоро буду. XXX

Отправляю. Эврил, наверное, разогревает вчерашнюю лазанью, откупоривает бутылку вина, усаживается перед телевизором, смотрит пару эпизодов «Прослушки»[{34}]… Зря я сюда пришла. В морге и то веселее, чем в этом пабе. При виде меня старая карга за барной стойкой решила пошутить:

– Добрый вечер, красавица! Ты, должно быть, новая пассия нашего Фреда. И ты, Фред, хорош, проказник эдакий! Ты ее по объявлению в журнале нашел, что ли?

«Да, в „Горячих украинских коблах“», – едва не ответила я.

Как только она узнала, что я журналистка и пишу статью о проулке Слейд, отношение к «красавице» резко изменилось.

– Ну да, ну да, вы писаки все такие, если не спящую собаку разбудить, то хоть дохлую лошадь подстегнуть, да, голубушка?

На лестнице слышны шаги. Достаю цифровой диктофон «Сони», подарок папы и Сук, то есть третьей миссис Джон Тиммс, кладу на стол. В

комнату входит Фред Пинк, высохший старикашка в обтрепанном коричневом пальто и с потертым школьным портфельчиком. Портфельчику лет пятьдесят, не меньше.

– Простите, что заставил вас ждать, мисс Тиммс. А то без сигаретки никакого удовольствия… – Голос у Фреда низкий, с хрипотцой, тон дружелюбный, располагающий к доверию.

– Ничего страшного, – отвечаю я. – Вам здесь удобно будет?

– Лучшее место во всем пабе.

Он ставит пивную кружку на стол, садится, по-стариковски потирает морщинистые ладони. Лицо его изрыто оспинами, кожа на небритых щеках свисает дряблыми складками. Дужка очков обмотана изолентой.

– Зазяб я на улице-то. А все этот запрет дурацкий. От рака не помру, так двухстороннее воспаление легких в могилу сведет. В голове не укладывается, чтобы в пабе – и не курить. С этой политкорректностью все как с ума посходили, вот что я вам скажу. А у Тони Блэра или у Гордона Брауна вам интервью брать не доводилось?

– Нет, пару раз на пресс-конференциях вопросы задавала. Не доросла еще интервью брать. Мистер Пинк, вы не возражаете, если я запишу нашу беседу на диктофон? Чтобы на записи в блокнот не отрываться?

– На диктофон так на диктофон, – говорит он, но не добавляет «Зовите меня Фред».

Я нажимаю кнопку записи.

– Интервью с мистером Фредом Пинком в пабе «Лиса и гончие», суббота, двадцать восьмого октября две тысячи шестого года, девятнадцать часов двадцать минут, – говорю я и поворачиваю диктофон к Фреду. – Все записывается, начинайте.

Старик тяжело вздыхает.

– Ну, что вам сказать… Кто однажды в психушке побывал, тому в жизни больше не поверят. Тут уж легче кредит в банке получить, чем кредит доверия заработать, – веско, с нажимом произносит он, словно бы выписывает слова несмываемыми чернилами. – Так что хотите – верьте, мисс Тиммс, хотите – нет, а в том, что случилось, один я виноват. Понимаете, это я племяннику моему, Алану, все досконально объяснил – про проулок Слейд, и про Гордона Эдмондса, и про Бишопов, Риту и Нэйтана, и про девятилетний цикл. Раззадорил его вроде как. Алан мне сказывал, что в его клуб человек двадцать или тридцать записалось, ну я и решил, что им ничего не грозит. Вневременные не любят к себе внимание привлекать. Помните же, какая шумиха поднялась, когда шестеро студентов пропали. А если бы двадцать или тридцать? Нет, на это они бы не

осмелились. Тогда бы тут такое началось – набежали бы и типы из МИ-семь, и ФБР, если б среди пропавших ребята из США оказались, и мой приятель Дэвид Айк[35] – в общем, вся эта свора пристала бы к Слейд-хаусу, как триппер к шлюхе, глядишь, со всем разобрались бы. Если б я знал, что с Аланом всего пятеро пойдут, то, конечно же, запретил бы – уж очень оно рискованно. А если б запретил, то и мой племянник, и ваша сестра, и Ланс Арнотт, и Тодд Косгроув, и Анжелика Гиббонс, и Ферн Пенхалигон – все бы они жили бы в свое удовольствие, на работу бы устроились, семьями бы обзавелись, ипотеками… Вот меня совесть и мучает-то, мисс Тиммс. Ох как мучает… – Фред Пинк тяжело сглатывает, скрежещет зубами, закрывает глаза.

Пока он приходит в себя, я записываю в блокнот: «вневременные» и «Дэвид Айк».

– Ох, простите, мисс Тиммс, я…

– Мистер Пинк, я тоже перед Салли виновата, – утешаю его я. – Не судите себя слишком строго.

Фред Пинк утирает глаза смятой бумажной салфеткой, отхлебывает биттер и смотрит на лепрекона с рекламы «Гиннеса».

– Мистер Пинк, в своем мейле вы упоминали о некой предыстории, – говорю я.

– Ага, упоминал. Поэтому и попросил вас о личной встрече. По телефону вы б меня слушать не стали, трубку бы сразу бросили – и привет. Даже сейчас как я вам рассказывать начну, так вы наверняка подумаете, мол, вот же ж старый маразматик. Но, прошу вас, выслушайте меня. Все дело в Салли.

– Я – журналист и хорошо знаю, что действительность – штука сложная. Так что я вас выслушаю.

Помнится, пару недель назад Эврил, прочитав письмо Фреда Пинка, именно так и выразилась: «Вот же ж старый маразматик!»

– Все началось больше века тому назад, в Норфолке, близ Или, в имении Своффем-манор. Сейчас поместьем владеет какой-то саудовский шейх, дружок принца Чарльза, но в те годы оно было родовым гнездом семейства Четвинд-Питт, про него даже в «Книге Судного дня»[36] упоминается, можете проверить. Так вот, в тысяча восемьсот девяносто девятом году в Своффеме родились близнецы, мальчик и девочка. Нет, не в господском особняке, а в сторожке лесничего на окраине имения. Отца звали Гэбриэл Грэйер, мать – Нелли Грэйер, а близнецам дали имена Нора и Иона. Ну, отца дети не знали, потому что три года спустя Гэбриэла

Грэйера подстрелил какой-то аристократ, перепутав фазана с пейзаном, так сказать. Лорд и леди Четвинд-Питт, терзаемые угрызениями совести, позволили Нелли Грэйер остаться в сторожке, а детям предоставили возможность получить прекрасное образование. Когда Нелли Грэйер умерла от ревматической лихорадки в тысяча девятьсот десятом году, сироток забрали в Своффем-манор.

– Да вы настоящее расследование провели, – говорю я Фреду Пинку.

– Ну, это вроде как хобби. Точнее, я ему всю жизнь посвятил. Видели бы вы, что у меня дома творится – повсюду папки, блокноты, вырезки… Ну, вы наверняка слышали, что у близнецов существует некая внутренняя связь, что они чувствуют друг друга на расстоянии, что с ними происходят странные совпадения, – например, один попадает в аварию в Стамбуле, а другой как раз в это время теряет сознание в Лондоне. А некоторые близнецы в раннем детстве вырабатывают свой, только им понятный язык.

– Да-да, я знаю. У моей приятельницы в Нью-Йорке были тройняшки, которые друг с другом говорили на таком удивительном наречии.

– Так вот, оказалось, что Нора и Иона Грэйер обладали и той и другой способностью. Попросту говоря, они могли общаться телепатически. – Фред Пинк пристально смотрит на меня. – Как вы относитесь к телепатии, мисс Тиммс?

У меня срабатывает внутренний шизоуловитель – может, старик и вправду того?

– Я предпочитаю конкретные доказательства, мистер Пинк.

– И я тоже. В двадцать пятом году леди Альбертина Четвинд-Питт опубликовала свои мемуары под названием «Реки, древние и утраченные». В книге как раз и описано все то, о чем я вам сейчас рассказываю: близнецы, их рождение, воспитание и прочее. Однажды в январе десятого года леди Альбертина с дочерями и Норой Грэйер играли в криббедж в гостиной Своффем-манора. Внезапно Нора, вскрикнув, уронила карты и заявила, что Артур, старший сын леди Альбертины, упал с лошади близ реки Пул-Брук, в миле от имения, и что туда надо срочно послать врача и людей с носилками. Леди Альбертина поначалу не поверила словам девочки, но та продолжала уверять, что это правда, потому что, цитирую: «Там же Иона, он мне рассказал, что произошло». Понятное дело, все встревожились, и леди Альбертина неохотно послала туда лакея, выяснить, что случилось. Вернувшись, лакей подтвердил, что Нора описала все точно, со всеми подробностями.

Тянусь за томатным соком; он по-прежнему напоминает кровавое месиво. Нет, пробовать его противно, даже не стоит.

– Любопытная история, – говорю я. – Но это не доказательство.

Фред Пинк берет пачку «Бенсон и Хеджес», вспоминает о запрете на курение и недовольно кладет ее на стол.

– На следующий день лорд и леди Четвинд-Питт пригласили своего приятеля Гримонда, настоятеля Илийского собора, и хорошенько расспросили близнецов о случившемся. Настоятель Гримонд, суровый и строгий шотландец, на Крымской войне был войсковым капелланом и к фантасмагорическим мечтаниям склонности не имел. Он велел близнецам рассказать, как Нора узнала о происшествии у реки. Дети признались, что много лет «телеграммируют» друг другу свои мысли, но держат эту способность в секрете, потому что она пугает окружающих. Как и вы, мисс Тиммс, лорд Четвинд-Питт желал получить доказательства, и для этого провел следующий эксперимент. В библиотеке Своффем-манора Норе вручили бумагу и карандаш, а Иону увели в бильярдную, где прочли ему случайно выбранное предложение из «Книги джунглей», а затем попросили «телеграммировать» это предложение Норе. Иона на мгновение закрыл глаза, а потом сказал, что все сделано. Вернувшись в библиотеку, лорд Четвинд-Питт убедился, что Нора записала на листке то же самое предложение из книги Киплинга. – Фред Пинк торжествующе смотрит на меня, словно изрек бесспорную истину.

– Удивительно, – говорю я, а сама думаю: «Если, конечно, именно так все и произошло».

– Затем настоятель Гримонд попросил Нору «телеграммировать» стих из Евангелия святого Иоанна. – Фред Пинк, закрыв глаза, произносит: – «Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни»[{37}]. Иона, оставшийся в бильярдной, записал это слово в слово. Потом леди Альбертина предложила Ионе «телеграммировать» детский стишок на немецком, и Нора его совершенно точно воспроизвела, хотя и с ошибками в написании, потому что близнецы немецкого не знали. – Он шумно отхлебывает пиво, вытирает растрескавшиеся губы обтрепанным рукавом пиджака. – А потом настоятель Гримонд сказал близнецам, что некоторые дары Господни по сути своей непознаваемы и что о «телеграммировании» лучше не распространяться, дабы «впечатлительные особы не поддались соблазну и не ступили на путь греха». Нора с Ионой обещали последовать его совету. Настоятель вручил им по мятному леденцу и с чувством исполненного долга вернулся в собор. Такая вот история.

В телевизоре на первом этаже расстроенно вопят болельщики. Проверив, работает ли диктофон, я спрашиваю:

– А почему вы считаете, что словам леди Альбертины можно верить?

Фред Пинк потирает лысину, с которой сыплется перхоть.

– Да потому же, что и вы, мисс Тиммс. Вы, когда интервью берете, наверняка фальшь сразу определяете – и на нюх, и на слух, и на глаз, и на зуб, правда ведь? Вот так и в книге леди Четвинд-Питт: в тех случаях, где мошенник бы рассказ скомкал, все подробно расписано. И наоборот, изложено сжато и сухо там, где любой другой приукрасил бы. Да и потом, с чего ей было лгать? Денег у нее было немерено, за славой она не гналась – жила уединенно, а отпечатали всего сотню экземпляров.

Кручу на пальце золотое колечко – подарок Эврил.

– Знаете, для подтверждения непроверенных сведений журналисты обычно обращаются к нескольким независимым источникам информации.

– К независимым источникам информации… Какое хорошее выражение. Я им при случае воспользуюсь, если позволите. А покамест познакомлю вас с доктором Леоном Кантильоном.

Фред Пинк расстегивает портфель, достает обтрепанную папку, извлекает из нее отсканированную копию старой фотографии. На снимке – мужчина лет сорока, с вызывающей улыбкой, в мундире Иностранного легиона, при орденах и со стетоскопом на шее. Подпись под фотографией гласит: *«Le docteur L. Cantillon, Légion étrangère, Ordre national de la Légion d’honneur, Croix de guerre»*[8].

– Вот, он самый, доктор Леон Кантильон. Весьма примечательная личность. Родился в тысяча восемьсот семьдесят четвертом году в Дублине, происходит из старинного рода французских гугенотов, изучал медицину в Тринити-колледже. Из-за вспыльчивого, горячего нрава ему пришлось спешно покинуть Ирландию – в девяносто пятом году он убил на дуэли сына парламентария. Всадил ему пулю прямо в лоб, тот и умер на месте. В общем, спустя несколько месяцев Кантильон вступил в Иностранный легион и служил полковым врачом во время боевых действий на Берегу Слоновой Кости, в войнах Мандинго, а потом принял участие в Южно-Оранской кампании{38}. Ну, об этих грязных войнах в Африке сейчас даже сами французы предпочитают не вспоминать. Похоже, у Кантильона были способности к языкам, так что к тысяча девятьсот пятому году он свободно говорил по-арабски. В это же время он устроился на работу в госпиталь Иностранного легиона в Алжире и начал проявлять живой интерес к оккультизму. Он завел знакомства с прусскими теософами и с армянскими духовными наставниками, с ибадитскими имамами{39} и с хасидами-каббалистами, но больше всего подружился с мистиком,

обитавшим в отрогах Атласских гор, которого все называли не иначе как «белый сеид из Эр-Рифа», потому как он альбиносом был. Впоследствии этот мистик сыграет важную роль в жизни Грэйеров.

Все это напоминает мне «Код да Винчи».

– Откуда вы все это знаете, мистер Пинк? Из книги леди Альбертины?

– Нет, что вы! Леон Кантильон тоже мемуары написал, «Великое откровение». Их всего десяток экземпляров сохранился, у меня как раз один есть. Он и стал моим, так сказать, независимым источником информации, подтверждающим рассказ леди Альбертины. – Он, полуобернувшись, прикрывает лицо локтем и заходится долгим, истошным кашлем курильщика. – Так вот. Доктор Кантильон встретил лорда Четвинд-Питта в Лондоне, на каком-то приеме, и его светлость за бокалом портвейна пожаловался новому знакомцу на «хроническую истерию» своей жены. Дело в том, что в марте пятнадцатого года сыновья Четвинд-Питтов погибли в битве при Нев-Шапель – кто в газовой атаке, кто под артобстрелом, кто под пулеметной очередью. Все трое. За неделю. Представляете, в понедельник у вас три сына, а к пятнице – ни одного. Леди Альбертину горе подкосило – и физически, и морально. Потому лорд Четвинд-Питт и решил обратиться за помощью к доктору Кантильону, уважаемому врачу и известному спиритуалисту.

Силуэт Фреда Пинка четко вырисовывается на фоне окна. Сгущаются сумерки.

– Значит, Четвинд-Питты интересовались спиритуализмом?

– Да, с тех самых пор, как столкнулись с «телеграммированием». Ну, в ту пору спиритуалистические сеансы были в большой моде, даже сэр Артур Конан Дойль им научное обоснование подыскал. Конечно, мошенников развелось видимо-невидимо, но Четвинд-Питты на примере Норы и Ионы убедились в существовании некоторых паранормальных явлений. Кстати, лорд Четвинд-Питт приглашал в поместье медиумов, чтобы вызвать духи погибших сыновей, но из этого ничего не вышло, а леди Альбертине стало еще хуже.

Подношу к губам стакан с томатным соком, но не могу пересилить отвращение – он похож на мензурку с пробой крови в биохимической лаборатории.

– И что, доктор Кантильон ей помог?

Фред Пинк потирает подбородок, заросший жесткой щетиной:

– Ну, вроде как помог, хотя сам он себя медиумом никогда не называл. Осмотрев леди Альбертину, доктор Кантильон объявил, что горе «разорвало эфирную связь с ее духом-наставником», совершил некий

целительный ритуал, которому научился у отшельника в горах Эр-Риф, и прописал какой-то «эликсир». В своей книге леди Альбертина утверждает, что после принятия эликсира ей было видение «ангела, отверзающего надгробную плиту над моей могилой». Да, и еще она якобы видела сыновей – «на высшем плане бытия». А вот Кантильон в своих мемуарах пишет, что в состав эликсира входил новый чудо-препарат под названием кокаин. Так что выводы делайте самостоятельно. По-моему, леди Альбертине помогло еще и то, что ей дали возможность выговориться, – в эдвардианскую эпоху женщинам не полагалось обсуждать с посторонними свои чувства и отношение к Господу Богу, королю и державе. В общем, визит доктора Кантильона действительно пошел ей на пользу.

В сумке у меня вибрирует мобильник, – наверное, Эврил ответила на мое сообщение. Попозже проверю.

– А какое отношение к этому имеют Грэйеры?

– Ну, значит, Иона служил помощником клерка в конторе управляющего имением. В армию его не взяли – якобы из-за близорукости и порока сердца. Между прочим, впоследствии о его проблемах со здоровьем нигде не упоминается, поэтому я в них не особо верю. Нору отправили в пансион благородных девиц под Кембриджем, чтоб потом замуж выгодно пристроить, и в Своффем-манор она приезжала только по выходным. Четвинд-Питты рассказали доктору Кантильону о способности близнецов к «телеграммированию» мыслей, и он, конечно же, попросил продемонстрировать этот феномен. Как только Нора приехала из Кембриджа, состоялся сеанс мыслепередачи, который произвел весьма глубокое впечатление на доктора Кантильона. «Грядет новая эпоха человечества», – провозгласил он, а спустя две недели обратился к Четвинд-Питтам с просьбой, чтобы ему позволили увезти близнецов за границу, где он намеревался «ознакомить их с премудростями оккультных наук сообразно проявленным паранормальным способностям». Доктор также заявил, что его наставник научит близнецов вызывать души покойных, так что впоследствии леди Альбертина сможет общаться с сыновьями, не опасаясь обмана мошенников.

«Похоже, добрый доктор и сам был из таких», – думаю я и спрашиваю:

– По-вашему, Кантильону можно доверять?

Старик трет покрасневшие водянистые глаза и задумчиво хмыкает.

– Ну, Четвинд-Питты ему доверяли, в нашей истории это главное. Они согласились на его предложение, а вот о дальнейших событиях Леон Кантильон и леди Альбертина рассказывают по-разному. Леди Альбертина утверждает, что Кантильон пообещал забрать близнецов всего на несколько

месяцев, а Кантильон настаивает, что Четвинд-Питты назначили его бессрочным опекуном Грэйеров и не интересовались, куда и на какой срок он увезет Нору и Иону. Кто из них говорит правду, а кто лжет? Мне это неведомо. Сами знаете, у правды есть странное свойство изменяться в зависимости от развития последующих событий. В общем, Леон Кантильон увез близнецов сначала в Дувр, потом через пролив в Кале, затем в Париж, Марсель, а оттуда – пароходом в Алжир. Леди Альбертина называет это похищением. Впрочем, Четвинд-Питты слишком поздно спохватились. Даже в наши дни репатриация несовершеннолетних – дело долгое и непростое, а в те годы шестнадцатилетние подростки считались взрослыми. Вдобавок шла война, а в Алжире действовало французское колониальное законодательство. Так что вернуть близнецов не удалось.

– Погодите, их насильно увезли, что ли? – недоумеваю я.

По лицу Фреда Пинка ясно, что он об этом думает.

– А что было выбирать нищим сиротам? Жизнь среди зябких английских болот в полной зависимости от милости знатных и богатых покровителей либо изучение оккультных наук под алжирскими звездами. Вы бы сами что выбрали?

– По-моему, все зависит от веры в оккультные науки.

– А близнецы в них верили… – Фред Пинк делает глоток пива. – И Салли верила.

«А если бы не верила, – с горечью думаю я, – то не играла бы в охотников за привидениями на незнакомых улицах посреди ночи. И ничего бы с ней не случилось…»

Пожалуй, вслух этого говорить не стоит.

– Значит, Грэйеры остались в Алжире.

– Да. Телепатией Нора и Иона уже владели, а под руководством опытного наставника в них наверняка развились бы и другие паранормальные способности. Бесспорно, Леон Кантильон умел манипулировать людьми, но дело свое знал, – говорит Фред Пинк, разглядывая фотографию доктора. – Он отвез близнецов к белому сеиду из Эр-Рифа, я об этом мистике уже упоминал. Сеид оказался последователем некоего оккультного учения под названием «la Voie Ombragée», то есть «Путь Мрака», и жил «в доме со многими обителями»[{40}] у быстрой реки в высокогорной долине, местоположение которой Кантильон хранил в секрете; в своих мемуарах он упоминает лишь, что от Алжира туда был день пути. Хотя близнецы не говорили по-арабски, белый сеид взял их в ученики – наверное, разглядел в них нечто особенное. Кантильон вернулся в госпиталь Иностранного легиона, но раз в две недели приезжал к сеиду,

проверял, как идут дела у подопечных.

За окном визжат тормоза, женский голос орет:

– Поворотник включи, мудак!

– Мистер Пинк, – говорю я. – Простите, но я не понимаю, как все это связано с исчезновением моей сестры.

Фред Пинк кивает и глядит на стенные часы. Время 8:14.

– Вот если до девяти я вам не объясню, во что именно ваша Салли и мой Алан вляпались, то сам для вас такси вызову. Честное слово.

Фред Пинк на лжеца не похож, зато похож на выдумщика и фантазера, который любит изобретать альтернативные истории. Впрочем, за девять лет мои поиски Салли так ни к чему и не привели. Может быть, сама судьба, в лице Фреда Пинка, подсказывает мне, что искать надо в неочевидных местах? Ну вот сейчас и попробуем.

– Договорились. И что же, в программу обучения близнецов входило общение с духами?

– Умеете вы правильные вопросы задавать, мисс Тиммс. – Фред Пинк достает коробочку мятного драже «Тик-так», вытряхивает три штучки, предлагает одну мне – я отказываюсь – и высыпает все три в рот. – Нет, доктор Кантильон леди Альбертину обманул. По-моему, он и сам прекрасно знал, что сеансы – почти всегда жульничество. После смерти душа пересекает Мрак, пространство между жизнью и морем Пустоты. Путь этот занимает сорок девять дней, но вай-фая там нет, если так можно выразиться, и сообщения посылать невозможно. Ни туда, ни оттуда. Медиумы, может, и считают, что слышат голоса усопших, но в действительности такого не бывает.

Ого, а дедок-то свихнулся.

– Сорок девять дней? Это точно?

Фред Пинк пожимает плечами:

– А что такого? Скорость света определена точно, правда? И число пи. И химические формулы. – Он с хрустом жует «Тик-так». – Вы в Северной Африке бывали, мисс Тиммс? В Атласских горах?

Я мотаю головой.

– А я вот съездил пару лет тому назад. Выиграл три тысячи фунтов в моментальную лотерею – и поехал. Три тысячи фунтов в Алжире – целое состояние, если расходовать с умом и от карманников держаться подальше. Ох, горы там вздыбленные, небо сухое, ветер горячий, все такое… странное, чуждое, необычное. Я до смерти этого не забуду. Если там долго прожить, то иначе мыслить начинаешь. Наверное, поэтому в шестидесятые хиппи туда и ломанулись, в Марракеш и тому подобные места. Знаете, мисс

Тиммс, все-таки местность на любого человека действует, а пустыня нас, бледных северян, так изменяет, что родная мать не признала бы. День ото дня близнецы теряли свою английскость. Они потихоньку выучили арабский, питались местной пищей – лепешками, хумусом и инжиром. Иона бороду отрастил, Нора ходила в абае, как положено правоверной мусульманке, а сандалии и дишдаша в жару гораздо удобнее ботинок, запонок, нижних юбок и прочей привычной нам одежды. Кантильон пишет, что близнецы забыли о календаре. Прошел год, за ним второй, третий. Нора и Иона изучали оккультные премудрости и странные науки, для которых нет названия в английском языке; они постигали то, что доступно лишь избранным умам, да и то не всяким. С внешним миром Грэйеров связывали только редкие приезды доктора Кантильона. Он рассказывал им о том, что происходит в мире – о кровавой бойне во Фландрии, о провале Дарданелльской операции, о тяжелых потерях в Месопотамской кампании, о политических чаяниях властей в Лондоне, Берлине, Париже и Вашингтоне, – но для Норы и Ионы все это казалось историями, вычитанными в книгах. Действительность была для них совсем иной. Долину, в которой жил сеид, они считали домом, а Путь Мрака стал для них родиной. Отечеством. – Фред Пинк почесывает шею – похоже, у него псориаз – и глядит сквозь меня, на залитые лунным светом далекие Атласские горы.

Часы с треснувшим циферблатом показывают 8:18.

– И как долго они там прожили?

– До апреля девятнадцатого года. Все кончилось так же неожиданно, как и началось. В один из приездов Кантильона сеид объявил, что научил близнецов всему, чему мог. Теперь их наставником должен стать земной шар. Что он имел в виду? И куда теперь податься? Возвращение в Англию их не привлекало – Четвинд-Питты вряд ли приняли бы близнецов с распростертыми объятьями. В Ирландии назревала гражданская война. Франция, как и вся Европа, страдала от последствий Первой мировой. Об Алжире все забыли. Леон Кантильон любил жить на широкую ногу, но с деньгами обращался беспечно и зарабатывать их не умел. Вдобавок теперь ему пришлось заботиться о странных близнецах – англичанах с арабскими ухватками. Как превратить оккультные знания Грэйеров в источник безбедного существования? Поразмыслив, Кантильон с близнецами решили отправиться в Америку. В июле того же года вся троица – дядюшка Леон с племянниками – отплыла в Нью-Йорк, пассажирами второго класса. Нора и Иона жаждали увидеть мир, точно так же как и нынешняя молодежь. В Нью-Йорке они сняли дом на Клинкер-стрит, в Гринвич-Виллидже.

– А, знакомые места, – замечаю я. – Нью-йоркский офис «Подзорной трубы» как раз на Клинкер-стрит находится.

– Правда? – Фред Пинк отхлебывает пиво, подавляет отрыжку. – Ох, простите. Надо же, как мир тесен.

– И чем они в Штатах на жизнь зарабатывали?

Фред Пинк многозначительно смотрит на меня:

– Спиритическими сеансами.

– Но вы же сами только что сказали, что сеансы – жульничество.

– Сказал. Сеансы – действительно жульничество. Понимаете, мисс Тиммс, ни Кантильона, ни близнецов я выгораживать не собираюсь, но настоящими мошенниками их не назовешь. Нора и Иона на самом деле почти у всех могли мысли читать. У них эта способность была развита, вот как у некоторых – обостренный слух. Они обнаруживали в чужих умах то, о чем сами люди не подозревали. Поэтому близнецы и знали, что именно сказать, чтобы чужому горю помочь, чтобы скорбящих утешить. Обман заключался лишь в том, что якобы эти слова утешения произносили усопшие. Ну, не мне судить, хорошо это или плохо. Может, по-вашему, дурно так поступать, но как по мне, так оно мало чем отличается от теперешних психотерапевтов, психиатров и прочих психологов. В общем, много несчастных и отчаявшихся людей покидало дом на Клинкер-стрит в твердой уверенности, что их родные и близкие перешли в лучший мир и что в один прекрасный день они с ними воссоединятся. Ну а что, религия ведь о том же говорит, правда? Или всех священников, пасторов, имамов и раввинов надо скопом обвинить в жульничестве? Да, сеансы были вымыслом, но надежду они внушали самую что ни на есть настоящую. Утвердительный ответ ведь всегда лучше отрицательного. Или я не прав?

«Все равно это жульничество», – думаю я, но двусмысленно киваю.

– Значит, дела в Нью-Йорке шли успешно?

– Еще как. Кантильон все здорово раскрутил. Как только за Грэйерами укрепилась репутация медиумов, он начал устраивать сеансы в домах богачей – без всяких там приспособлений, без трюков с дымом и зеркалами, без поддельной эктоплазмы, без «говорящих» досок-уиджа, без замогильных голосов. Ничего вульгарного, никаких ярмарочных фокусов. Тихо, спокойно, рассудительно. Своего рода первая помощь скорбящим. «Ваш сын говорит…», «ваша сестра говорит…» – и все такое прочее. Любителям острых ощущений Кантильон всегда отказывал. Во всяком случае, он сам так утверждал.

На первом этаже по телевизору скандируют болельщики – на второй этаж доносятся лишь странные, убаюкивающие, какие-то потусторонние

звуки.

– Но если Грэйеры действительно обладали рядом паранормальных способностей, почему они ограничивались лишь утешением американских богачей?

Фред Пинк, как стереотипный француз в английской комедии, картинно поднимает ладони кверху и, втянув голову, пожимает плечами.

– Ну, Кантильону были деньги нужны, это ясно, а вот Нора и Иона… Они мемуаров не писали, поэтому трудно сказать. Может, им было интересно людей изучать? На сеансах это легче. А еще они любили путешествовать. Слава медиумов обеспечила им пропуск повсюду. Стоит ли упоминать, что теперь дядюшка Леон с племянниками путешествовали только первым классом. Весной двадцатого года они переехали в Бостон, осенью – в Чарльстон, потом в Новый Орлеан, в Сан-Франциско, а оттуда – на Гавайи и дальше, в Йокогаму. После Японии они перебрались в Пекин, побывали в Маньчжурии, в Шанхае и в Гонконге, в Макао и на Цейлоне. Жили они только в самых роскошных отелях или в особняках благодарных клиентов. Пару лет провели в Индии – в эпоху Британского Раджа там было совсем неплохо; посетили Бомбей и Нью-Дели, а жарким летом переезжали в горные курортные поселения. Потом отправились в Аден, Суэц, Каир, Кипр, Константинополь, Афины. Перезимовали в Риме, весной поехали в Вену, летом – в Берлин, а Рождество встретили в Париже. В своих мемуарах Кантильон описывает, как близнецы оттачивали свое мастерство, как путешествовали, как знакомились с достопримечательностями, как блистали в светском обществе, «будто экзотические птицы с ярким оперением». Вокруг Норы увивались ухажеры, но она всем отказывала; Иона, наверное, тоже разбил немало сердец. И все же они неуклонно двигались на запад, и однажды, в двадцать пятом году, дождливым майским днем поезд из Дувра привез их на вокзал Виктория. Там Леон Кантильон и близнецы уселись в кэб и отправились в Квинс-Гарденс, на тенистую тихую улочку в Бэйзуотере.

– И все пять лет они зарабатывали на жизнь исключительно спиритическими сеансами?

– Нет, после отъезда из Штатов они несколько расширили круг своих занятий. Видите ли, адепты Пути Мрака владеют искусством увещевания. Непосвященные обычно называют это грубее – «контроль сознания». Вы наверняка представляете себе, мисс Тиммс, как с его помощью можно заработать на жизнь.

Я решаю ему подыграть:

– Ну, с помощью искусства увещевания легко убедить какого-нибудь

миллионера перевести огромную сумму на твой счет в банке.

По выражению лица Фреда Пинка ясно, что моя догадка верна.

– А потом можно воспользоваться еще одним умением адептов Пути Мрака – редактированием, для того чтобы стереть из памяти благодетеля все воспоминания о такой необъяснимой щедрости. Называйте это как хотите – совершенным преступлением, стремлением выжить… социалисты именуют это переделом собственности. – Фред Пинк встает. – Простите, мисс Тиммс, я в уборную схожу. Зря я все-таки пива напился, простата уже не та, что в молодости…

Я киваю:

– Да-да, конечно. Я никуда не уйду.

«Пока еще не уйду».

– А что же вы томатный сок не пьете, мисс Тиммс?

Я смотрю на стакан:

– Что-то мне расхотелось.

– Давайте я вам чего-нибудь выпить принесу? От чужих россказней всегда горло промочить хочется.

– Нет, спасибо, не надо, – отмахиваюсь я.

– Я вас очень прошу! – с напускным разочарованием вздыхает он.

– Хорошо, чуть попозже.

Фред Пинк скрывается в коридоре. Я выключаю диктофон. Весь рассказ записан, но слушать я его больше не собираюсь. Только упертый конспиролог или умалишенный мог обнаружить связь между этой норфолкско-дублинско-алжирско-американо-тихоокеано-загадочно-восточной эпопеей и исчезновением шести студентов в 1997 году. Хорошо бы улизнуть сейчас, пока электрички в Лондон еще часто ходят. Фред Пинк обидится, пошлет мне злобный мейл, ну и что с того? Я – журналист, по двадцать злобных мейлов в час получаю. Фред Пинк девять лет провалялся в коме, еще больше провел в психушке где-то под Слау и всей душой верит в колдовство и силы зла. Больной на всю голову, что с него возьмешь. Нет, я пообещала ему остаться до девяти вечера, а сейчас только 8:27. Как я и предполагала, от Эврил пришло сообщение:

quelle гламур! надеюсь ФП не полный идиот. Пошли мне SOS если что, я позвоню

Отвечаю:

С ФП пока неясно. может успею на 9:30 до паддингтона. дома к 11 ххх

Отправляю сообщение. Не помню, ужинала ли я сегодня. Наверное, нет. Спускаюсь в бар, может, там чего-нибудь перекушу. Паб сейчас похож на дешевую театральную декорацию. Слепой посетитель с собакой-поводырем уже ушел, в зале осталось всего четверо. На плазменном экране телевизора команда в красном играет против команды в синем. Понятия не имею, кто они. Эврил знает, что MUN – это «Манчерстер юнайтед», а ARS – «Арсенал», но я в футбольных сокращениях вообще не разбираюсь. Бьют угловой. Старая карга за стойкой бара внимательно следит за игроками – гола так и не забивают – и лишь потом шаркает ко мне. Спрашиваю, есть ли что из еды. Карга выдерживает долгую паузу, всем своим видом выражая презрение к столичным журналисткам-лесби, а потом изрекает на одном дыхании:

– Картофельные чипсы, соленые или с сыром и луком, жареный арахис, кешью в медовой глазури. Все.

Ого, прямо пир горой.

– Дайте, пожалуйста, два пакетика кешью и диетический тоник с лимоном. Спасибо.

– Диетического нет, только обычный.

– Значит, выпью обычного. Благодарю вас.

Карга достает пакетики орехов из коробки, берет бутылку тоника с нижней полки, открывает крышку, бросает в стакан заветренную дольку лимона и тычет в кассовый аппарат костлявым пальцем.

– Три фунта сорок пять пенсов.

Протягиваю деньги без сдачи.

– А вы для какой газеты пишете? – спрашивает она.

– «Подзорная труба». Это журнал.

– Никогда о таком не слыхала.

– Он американский.

– Как наш «Сыщик»[{41}]? Весь такой язвительный?

– Нет, не совсем. Там сатиры почти нет.

– С чего бы вдруг американцам стала интересна судьба шести студентов, пропавших в маленьком английском городке девять лет назад?

– Не знаю. Это главному редактору решать. А мне в самом деле любопытно, – говорю я, подумав, что о Салли упоминать не стоит. – Работа у меня такая – любопытствовать.

– Да кому она интересна, эта старая история?! – Она косится на дверь мужского туалета, наклоняется ко мне поближе; под толстым слоем крем-пудры заметны следы бурно прожитой жизни. – А вы Фреда зря

подзуживаете. Он и так считает, будто виноват, что Алан его без вести пропал. Одно слово – ненормальный. Он вам сказал, что его шесть лет в психушке Докинса продержали, с телепузиками?

– Да, мистер Пинк от меня своей истории болезни скрывать не стал.

Старая карга двигает челюстью, пережевывая невидимую жвачку.

– Ага, а теперь он вообразил себя инспектором Морсом, который раскроет тайну исчезновения шестерых пропавших, а может, и их самих отыщет, и Алана своего ненаглядного. Говорю ж, ненормальный. Тоже мне, герой телесериала! Это ведь не кино и не развлечение. Это серьезно. Горе у людей, понимать же надо. Прошлое лучше не ворошить. Вон, Фреда даже жена бросила, а ведь святая женщина была, его Джеки. А как Фреда в Алжир понесло, так она и не выдержала, собрала вещички и умотала к родне, на остров Мэн. Теперь Фред целыми днями только и думает что о своих теориях, об иллюминатах, о святом Граале, об Атлантиде и о прочей чертовщине. А тут еще вы его своими расспросами раззадориваете, масла в огонь подливаете. – Она грозно скрещивает массивные руки на груди, но, заметив, что Фред вышел из туалета, улыбается как ни в чем не бывало: – Эй, Фред! Мне тут твоя новая подруга рассказывает про подлости проклятых журналюг. Эти паразиты ничем не гнушаются, лишь бы статейку сенсационную тиснуть. Вот бы их всех к пираньям отправить, пусть бы друг друга жрали. Ну что, бренди налить?

– Вы уж простите Мэггс, – говорит Фред Пинк, когда мы возвращаемся на второй этаж. – Не надо было мне ей рассказывать, что вы – журналистка. Местные жители не любят о пропавших студентах вспоминать, уж больно все это похоже на какой-нибудь Бермудский треугольник или Амитивилль. Цены на недвижимость падают.

Я разжевываю горсть орехов в медовой глазури. Вкусно-то как!

– Ничего страшного, мистер Пинк, меня и похуже обзывали. Так на чем мы остановились? После долгих лет странствий доктор Кантильон и его подопечные, близнецы Грэйеры, поселились в Бэйзуотере, так?

Фред Пинк крутит в руках бокал бренди.

– Да, верно. Итак, в двадцать пятом году Норе и Ионе было двадцать шесть лет, дядюшке Леону – пятьдесят. Десять лет он был опекуном близнецов, их управляющим, публицистом и казначеем. А потом собрался стать их биографом и даже больше – их Иоанном Крестителем. Он, видите ли, решил: пора объявить во всеуслышание, что спиритуализм не выдумка, а вполне себе научная дисциплина. Доктору Кантильону мало было денег и привольной жизни. Он вообразил себя новым Дарвином, Ньютоном или

Фрейдом, основателем новой научной дисциплины, гордо именуемой психозотерикой. Проблема заключалось в том, что Нора и Иона были против. К тому времени они уже сполна насладились миром и теперь хотели уединиться и продолжать исследования тупиковых ветвей на Пути Мрака, в надежде, что таковые окажутся не тупиками. Поэтому близнецы заявили Кантильону, что никакой биографии не будет, так же как не будет ни всеобщего провозглашения нового учения, ни выступлений перед широкой общественностью. Дядюшка Леон, отъявленный лгун, с напускной покорностью произнес: «Слушаю и повинуюсь», а сам потратил два года, создавая свой бессмертный шедевр под названием «Великое откровение». В отличие от нынешних книг об оккультизме, обычно содержащих жизнеописания десятка европейских ведьм и колдунов, творение Леона Кантильона состояло из трех разделов. В первом разделе излагалась история возникновения и развития Пути Мрака, начиная с пятого века и до современности. Второй раздел был посвящен близнецам Грэйерам и повествовал об их жизни в Своффем-маноре и дальнейших приключениях и путешествиях. Третий раздел содержал манифест Международного психозотерического общества, создаваемого в Лондоне под чутким руководством сами понимаете кого.

У меня в сумке снова вибрирует мобильник – Эврил ответила на мое сообщение. Ничего страшного, отвечу позже, сейчас всего без четверти девять.

– А почему Кантильон не счел нужным считаться с желаниями близнецов?

– Кто его знает? По-моему, он надеялся, что как только весь народ, от мала до велика, с восторгом устремится навстречу Эре Психозотерики, то Грэйеры признают его правоту и примкнут к новому учению. Увы, в этом и заключалась ошибка Кантильона. – Фред Пинк снова чешет голову, рассыпая хлопья перхоти. – Трагическая ошибка. Двадцать девятого марта двадцать седьмого года доктору Кантильону доставили из типографии десять коробок с экземплярами «Великого откровения». Тридцатого марта добрый доктор отправил около семи десятков книг английским и зарубежным теософам, философам, оккультистам и филантропам. Одна из этих книг попала ко мне и теперь хранится в надежном месте – нет, я вам не скажу, где именно. На следующее утро, тридцать первого марта, констебль, весьма кстати патрулировавший Квинс-Гарденс, увидел, как Леон Кантильон открыл окно в пятом этаже своего дома, уселся нагишом на подоконник и заорал во все горло: «Мой дух не устрашат ни время, ни пространство. Я в себе обрел свое пространство и создать могу в себе из

Рая – Ад и Рай из Ада». Между прочим, это Мильтон написал[{42}]. А потом Кантильон прыгнул. Нет, может, он и выжил бы, только очень неудачно свалился на острые прутья железной ограды. Ну, вы себе представляете. Хотел всемирной славы, а вышел пшик. Коронер признал, что смерть наступила в результате временного помешательства, в «Вестминстер газетт» опубликовали статью о похоронах. Иона выступил с проникновенной надгробной речью, а Нора, «в элегантном черном креповом платье до щиколоток, являла собой олицетворение безутешной скорби» – ага, я статью наизусть выучил – и оплакивала безвременную гибель опекуна. Иона горестно поведал репортеру, как умолял дядюшку отречься от «опасных заблуждений» и не увлекаться черной магией и колдовством. Настоятель Гримонд гордился бы своим воспитанником. Шли недели, о трагической смерти бывшего врача Иностранного легиона забыли, а неотправленными экземплярами «Великого откровения» долго топили камин в доме Грэйеров на улице Квинс-Гарденс.

Мне не дает покоя фраза о полицейском.

– Констебль, весьма кстати патрулировавший Квинс-Гарденс? – уточняю я.

Фред Пинк делает глоток бренди.

– Ну, профессионального увещевателя злить опасно.

Да уж, чтобы следовать за ходом мысли Фреда Пинка, о здравом рассудке лучше забыть.

– Значит, увещеватель может заставить кого угодно руки на себя наложить?

– Совершенно верно, мисс Тиммс.

– Но ведь вы говорили, что Кантильон был верным другом и защитником близнецов!

– Да, был. А потом стал врагом. Да еще и предателем. Вероотступником. Видите ли, оккультизм ничем не отличается от любого религиозного культа. От экстремистов. Поначалу все прекрасно: солнышко светит, пиво рекой льется, все мы – одна семья, и все такое. Но как только человек перестает исполнять приказы, начинает мыслить самостоятельно и поступать не по уставу, тут-то и жди беды. Как бы то ни было, сам Кантильон из окна выпрыгнул, или его подтолкнули, но после заметки в «Вестминстер газетт» Грэйеры бесследно пропадают на целых четыре года. В мае двадцать седьмого, судя по счетам из прачечной, близнецы покинули дом в Бэйзуотере, и после этого о них ни слуху ни духу. Доступны лишь обрывочные, непроверенные сведения: в двадцать восьмом году некие близнецы посетили деревушку Сент-Аньес в Приморских Альпах,

существует рассказ о появлении близнецов-телепатов в Родезии в двадцать девятом году, а в любовном письме, отправленном в тридцатом году с острова Фиджи, говорится о некой мисс Норе и ее брате-близнеце. Однако сопоставить это с… как их там?.. а, с независимыми источниками информации мне не удалось. – Фред Пинк барабанит по пухлому кожаному портфельчику. – Вы очень терпеливы, мисс Тиммс. Спасибо. Ну, пока еще девять часов не пробило, перейду-ка я к описанию роли вашей сестры в этом деле.

– Да-да, мне в девять надо уходить, мистер Пинк.

– Так вот, в августе тридцать первого в местном кадастровом реестре появляется запись о том, что мистер Иона Грэйер и его сестра, мисс Нора Грэйер, приобрели в собственность недвижимость под названием Слейд-хаус – тот самый особняк, который находится в двухстах ярдах от этого паба. Особняк, построенный в восемнадцатом веке для священника прихода Святой Брианны, некогда окружали поля и леса, но к тому времени, как его купили Грэйеры, он превратился в крепость, высившуюся в море кирпичных домишек фабричного поселка, где мало кто задерживался надолго. Здесь жили семьи фабричных работников, ирландцы и нищие скитальцы – люди приезжали и уезжали либо вообще сбегали среди ночи, чтобы аренду не платить. Грэйеров это вполне устраивало.

– Почему это, мистер Пинк?

– Им нужны были подопытные мыши. Для экспериментов, понимаете?

Ага, понимаю. Шизоуловитель зашкаливает.

– Для каких экспериментов?

Стекла очков Фреда Пинка отражают и преломляют тусклый свет засиженной мухами люминесцентной лампы.

– Понимаете, я скоро помру. Семьдесят девять лет уже, дымлю как паровоз, давление ни к черту. И Мэггс когда-нибудь умрет, и тот, кто вам сообщения на телефон посылает, тоже, да и вы не вечная, мисс Тиммс. В жизни гарантированно случается только одно – смерть. Мы все об этом знаем и все же инстинктивно страшимся смерти. Этот страх вызван инстинктом выживания; в молодости он служит нам подспорьем, а вот к старости становится проклятием.

– Да-да, вы правы, мистер Пинк. Ну и что с того?

– А Нора и Иона Грэйер умирать не желали. Никогда.

Как по заказу, телевизор на первом этаже разражается восторженными криками болельщиков – забили гол. Бурный ликующий рев клокочет и бурлит, будто забытый на плите чайник. Я с трудом сохраняю невозмутимое выражение лица.

– Умирать никто не хочет.

– Ну да, ну да. Жизнь вечная и все такое. – Фред Пинк снимает очки, елозит стеклами по несвежей рубахе. – Поэтому религию и выдумали, и до сих пор своим выдумкам верят. Что пересилит смерть? Власть? Золото? Секс? Миллион фунтов денег? Миллиард? Триллион? Нет, лишнюю минутку жизни ни за какие деньги не купишь, как ни старайся. А главный приз в том, чтобы перехитрить смерть, обмануть дряхление, обмишулить дом престарелых, облапошить и зеркало, и вот эту морщинистую физиономию, что из зеркала на меня глядит, и из вашего зеркала тоже вскоре глянет, мисс Тиммс… вы и не представляете, как быстро это произойдет. Вот этого мы и хотим больше всего на свете, вот об этом мы всю жизнь и мечтаем. И мечта эта остается неизменной, лишь антураж со временем меняется: то философский камень, то волшебный источник в далеком Тибете, дарующий вечную молодость, то лишайники, замедляющие распад клеток, то криогенные установки, предлагающие многовековую заморозку, то компьютеры, готовые навечно сохранить нашу личность в виде нулей и единичек. Иначе говоря, бессмертие.

Стрелка шизоуловителя застыла на крайней отметке.

– Ах вот как!

Фред Пинк уныло кривит губы:

– А самое обидное, что бессмертие – тоже выдумка. Верно?

Я отпиваю недиетический тоник.

– Вы спросили, я отвечу. Верно.

Он надевает очки:

– А что, если иногда, очень редко, бессмертие действительно существует?

Итак, в 8 часов 52 минуты Фред Пинк неопровержимо доказывает, что расстался не только с женой, но и с разумным восприятием реальности.

– Если бы изобрели способ избежать смерти, то его вряд ли хранили бы в секрете.

Он сочувственно смотрит на меня:

– А почему вы так считаете, мисс Тиммс?

Подавив раздраженный вздох, я отвечаю:

– Потому что те, кто это изобрел, скрывать его не стали бы. Их ждала бы всемирная известность, слава, Нобелевская премия…

– Нет, вы не поняли. Они ведь хотели НЕ УМИРАТЬ, так? А что будет, если огласить это повсеместно? Подумайте, ради чего люди сейчас убивают друг друга? Ради нефти, ради торговли наркотиками, ради контроля над оккупированными территориями. Ради захвата этих территорий. Ради воды.

Ради Господа Бога, Его волей и по Его слову, и ради Его вящей славы. Кому пришла в голову гениальная мысль, что если свергнуть гнусного диктатора и все разбомбить, то Ирак в одночасье превратится в Швецию? А что, по-вашему, предпримут все эти милитаристы, олигархи, правящие элиты и электораты ради того, чтобы заполучить в свои руки весьма ограниченное количество эликсира Жизни Вечной? Да они тут же начнут третью мировую войну, а наших великих изобретателей либо в какой-нибудь бункер поглубже упрячут, либо их маньяки на части разорвут, либо ядерная бомбардировка прикончит. Но допустим, волшебного эликсира на всех хватит, тогда что? Да еще хуже будет, вот что. Люди перестанут умирать, но не прекратят плодиться и размножаться. Вы же знаете, мисс Тиммс, мужики – псы поганые. И спустя двадцать, тридцать, пятьдесят лет население нашей крохотной планеты вырастет до тридцати, сорока, а то и до сотни миллиардов. И будем мы, утопая в собственном дерьме, выдирать друг у друга последнюю упаковку лапши в супермаркете. Как ни кинь, всюду клин, понимаете? Так что если у кого ума хватит бессмертие изобрести, то они волшебным эликсиром в первую очередь сами запасутся и никому об этом не скажут. Вот как Грэйеры на чердаке своего особняка восемьдесят лет назад. – Фред Пинк удовлетворенно откидывается на спинку стула.

Его неколебимая уверенность ужасает.

– А как Грэйерам удалось достичь того, о чем вы говорите? – осторожно спрашиваю я.

– Для этого потребовалось не одно, а четыре психозотерических открытия. Во-первых, они создали лакуну. Что это такое? Лакуна – это полость, неподвластная времени, то есть, например, зажженная в ней свеча никогда не догорит, а человек ни на минуту не постареет. Во-вторых, они усовершенствовали трансверсию, которой их обучил сеид – придурки-ньюэйджеры именуют ее астральной проекцией, – и получили возможность выходить из своих тел куда угодно и на неограниченное время. В-третьих, они развили свои способности к увещеванию, и теперь их души могли вселяться в чужие тела на неопределенно долгий срок. Иначе говоря, Грэйеры получили возможность оставлять свои тела в лакуне на чердаке Слейд-хауса, а свои души внедрять в тела людей за ее пределами. Вам все понятно?

Да уж, понятнее некуда. У Фреда Пинка крышу сорвало.

– Да, конечно. При условии, что души существуют на самом деле.

– Душа такой же орган, как желчный пузырь, мисс Тиммс. Уж вы мне поверьте.

– Но почему же ее до сих пор не обнаружили, даже на рентгеновских снимках?

– А рассудок можно рентгеном просветить? Или голод? Или зависть? Или время?

– По-вашему, души порхают по миру, как фея Динь-Динь?

В стене стонет водопроводная труба.

– Да, души Одаренных на это способны.

– Чьи души?

– Одаренных. Одаренный – это человек, наделенный паранормальными способностями. Экстрасенс или потенциальный экстрасенс. Да, почти как фея Динь-Динь, только они могут невозбранно жить в умах ничего не подозревающих людей, управлять их поступками, подменять воспоминания. Или даже убить.

Мой мобильник опять вибрирует.

– Значит, Грэйеры – парочка вечных скитальцев, непрошеные обитатели чужих тел, в то время как их собственные тела хранятся в некоем анабиозе, в зачарованной комнате на чердаке Слейд-хауса, где вечно длится тысяча девятьсот тридцать первый год.

Фред Пинк залпом допивает бренди.

– Не тридцать первый, а тридцать четвертый. Для того чтобы усовершенствовать метод, потребовалось несколько лет и определенное количество подопытных мышей. Видите ли, тут есть одна закавыка: для работы устройства нужна энергия, но не электрическая, а психическая. Психовольтаж называется. Им обладают только Одаренные. И каждые девять лет устройство приходится подзаряжать. Для этого Грэйерам необходимо заманить нужного человека в особую ловушку… своего рода слепок реальности, ограниченный в пространстве и времени. Грэйеры называют его «оризон». Кстати, это как раз их четвертое изобретение. В оризоне гостя надо напоить или накормить обалдином – специальным препаратом, разрушающим связь между душой и телом. А потом, перед самой смертью, душу извлекают.

Старый маразматик явно надеется, что я по достоинству оценю всю важность его бредовых исторических изысканий.

– Что ж, звучит впечатляюще.

– Понимаете, вот с виду все легко и просто, но на самом деле это непростое искусство, а Грэйеры – его гениальные создатели и творцы.

Не знаю, как Грэйеры, но Фред Пинк точно псих. На часах 8:56.

– А при чем тут моя сестра?

– Так ведь она была Одаренной, мисс Тиммс, потому Грэйеры ее и

убили. Ради ее психовольтажа.

Ох, мне будто под дых саданули. Очень хочется пристукнуть Фреда Пинка за то, что еще и Салли в своих дурацких россказнях упомянул.

– Ну, я точно знал, что Алан – не Одаренный, а когда с родственниками остальных четверых встретился, ни в ком искры не заметил. А вот у вас искра есть, поэтому я теперь совершенно уверен, что Грэйеры на Салли позарились.

Я впадаю в совершеннейшее смятенье, в голове, как в блендере «Мулинекс», кружат обрывки мыслей и чувств.

– Мистер Пинк, вы же Салли в жизни не видели!

– Верно, зато я ее дело досконально изучил. Когда я прочел записи ее сингапурского психотерапевта, то сразу понял, что она обладала паранормальным…

– Погодите-ка. Что вы прочли?

– Она же в Сингапуре психотерапевта посещала. Да вы знаете, наверное…

– Конечно знаю. А вы-то тут при чем? Вы ознакомились с конфиденциальными записями лечащего врача Салли?

– Да, – удивленно говорит Фред, будто не понимает, чем я так возмущена. – А как же иначе?

– А кто вам дал на это право? И вообще, как вы раздобыли эту информацию?

Покосившись на вход, он шепчет:

– С большим трудом. Но с чистой совестью. Ведь это же для общего блага. Поверьте, мисс Тиммс, если бы Грэйеров остановили девятью годами раньше, то мой племянник и ваша сестра остались бы живы. Только остановить их никто не мог, ведь все, что я вам рассказал, никому не известно. Один я об этом знаю. Один я пытаюсь их остановить. Это война, мисс Тиммс, а на войне цель оправдывает средства. Война – это цель, оправдывающая любые средства. Так что хотите – верьте, хотите – нет, но я – тайный боец невидимого фронта. Да! – восклицает он, брызжа слюной. – И мне ничуточки не стыдно за то, что я без спросу ознакомился с записями сингапурского и малвернского психотерапевтов. Потому что они помогли мне сложить воедино…

Так, минуточку!

– В Малверне Салли не обращалась к психотерапевту. Ей там очень нравилось.

Старик глядит на меня с неподдельной жалостью:

– Мисс Тиммс, в Малверне Салли было очень плохо. Над ней

постоянно измывались, насмешками изводили. Она едва руки на себя не наложила.

– Не может быть, – говорю я. – Вот этого не может быть. Она бы мне сказала. Мы же сестры, мы были очень близки.

– Всякое бывает, – хмыкает Фред Пинк, почесывая ляжку. – Родные и близкие часто последними узнают об истинном положении дел, не правда ли?

Он что, намекает на мою сексуальную ориентацию? Вообще-то, он не дурак, хотя временами его, конечно, заносит. Глотаю тоник, смотрю на пустой стакан. Время 8:57. Пора идти. Давно пора.

– А вы ведь тоже Одаренная, – заявляет Фред Пинк, разглядывая мой лоб. – Вот называйте это как хотите – аурой, там, или шестым чувством. Вас психовольтаж переполняет, гудит, как провода под напряжением. Поэтому мы с вами и встретились здесь, в пабе, а не в проулке Слейд. Там, в проулке, расположена апертура… ну, вход в оризон Грэйеров. Они бы вас сразу учуяли.

У людей, страдающих бредовыми расстройствами психики, всегда готов ответ на любой вопрос – поэтому они и страдают бредовым расстройством психики. И все же я не могу удержаться:

– Хорошо, допустим, что эти энергетические вампиры охотились за душой Салли. Но зачем им понадобились остальные пятеро студентов? И где теперь Алан и его приятели?

– Грэйерам лишние свидетели ни к чему. Так что от Алана и его товарищей просто… – Фред Пинк морщится, как от боли. – От них просто избавились. Скинули тела в щель между оризоном и реальностью, как мешки мусора в мусоропровод. Одно хорошо – их души вознеслись, а вот душу Салли… ну, трансформировали, что ли. Грубо выражаясь, ее съели.

Я отчаянно надеюсь с помощью логики развеять заблуждения Фреда Пинка; вдобавок меня распирает от нездорового любопытства – надо же, какой замысловатый психоз!

– А почему полиция Слейд-хаус не обыскала? Он ведь совсем рядом с тем местом, где исчезли Салли и Алан!

– Слейд-хаус полностью разрушен в сороковом году, прямым попаданием немецкой бомбы. После войны развалины расчистили, а по территории поместья проложили улицы Крэнбери-авеню и Вествуд-роуд.

На часах 8:59.

– И как же Салли в девяносто седьмом году туда заманили?

– Ее заманили в *оризон* Слейд-хауса. В копию. В театр теней. Для подготовки к хирургической операции, так сказать.

– А разве бомба не уничтожила тела Грэйеров в лакуне на чердаке?

– Понимаете, в лакуне всегда чуть позже одиннадцати вечера в субботу, двадцать седьмого октября тысяча девятьсот тридцать четвертого года. Тот самый миг, когда лакуна заработала. Стороннему наблюдателю показалось бы, что Грэйеры просто исчезли – вжжжухх! – как увиденное за окном поезда, несущегося со скоростью времени. Внутри лакуны время застыло навечно. Она гораздо надежнее самого глубокого ядерного бункера в Скалистых горах.

Старая карга Мэггс права – я действительно потакаю бредовым фантазиям несчастного старика. Мой мобильник снова вибрирует. Стрелка часов сдвигается к девяти. Мэггс внизу заходится резким смехом – звук напоминает пронзительные скрипичные запилы в сцене убийства в ду́ше из хичкоковского «Психоза»[{43}].

– Должна признать, мистер Пинк, что ваша версия очень тщательно и подробно разработана, однако же…

– Чепуха все это, да?

Фред Пинк щелкает по пустому бокалу. Стекло звенит.

Я выключаю диктофон.

– Мистер Пинк, я в колдовство не верю.

Старик выдыхает – длинно, с тонким дребезжащим присвистом, будто выдавливает из легких весь воздух.

– Эх, жаль! Вы ведь журналистка… Я так надеялся, что вы в «Подзорной трубе» большую статью опубликуете, вроде как обличительную. Чтобы власти внимание обратили, глядишь, и зашевелились бы. – Он глядит в темное окно. – А какие доказательства вас убедят?

– Реальные доказательства, а не ваши личные убеждения под маской доказательств. Я на веру принять их не могу.

– А, вот как.

Он рассеянно разглядывает пожелтевшие от табака ногти в пятнах чернил. Хорошо, что он спокойно воспринял отказ.

– Доказательства. Вера. Такие вот слова, да?

– Простите, мистер Пинк, но я вам не верю. И поверить не могу, как бы мне ни хотелось. А сейчас мне пора. Меня дома ждут.

Он кивает:

– Ну, раз я вам обещал вызвать такси, значит вызову. Может, я и псих ненормальный, но слово держать умею. – Он встает. – Не волнуйтесь, я быстро. Вы пока проверьте, вам там сообщения прислали. Наверное, волнуются.

Все кончено. Внутри меня пустота. Эврил прислала шесть эсэмэсок.

Ты когда закончишь? Я тыквенный суп сварила

Суп перед сном – самое то. Читаю следующее.

Последний поезд в Лондон в 12:12. Ты на нем?

Эврил, как всегда, позаботилась узнать расписание электричек, но сообщение странное – ведь сейчас всего девять вечера. Наверное, она спрашивает, поеду ли я на нем, если задержусь.

Читаю третью эсэмэску.

Волнуюсь, звонки не проходят. Ты где?
В гостинице заночуешь? ПОЗВОНИ хЭ

В гостинице? Эврил волнуется редко. Зачем мне гостиница? И почему звонки не проходят, а эсэмэски я получаю? Может, что-то с сетью?

Следующая эсэмэска:

3 часа ночи. Эй бесстрашный репортер ты там как? ПОЗВОНИ. Я не сплю. Напоминаю у Лотты завтра свадьба

Три часа ночи? О чем она? Время на моем мобильнике 21:02, то же, что и на стенных часах. Эврил никогда не упивается вдрабадан и травку не курит. Перезваниваю ей, но на мобильнике высвечивается «СЕТЬ НЕДОСТУПНА». Отлично. Сообщения от Эврил я получила, а потом «Водафон» решил проапгрейдить сеть. Читаю пятую эсэмэску.

Фрея ты обиделась? Прости пжлст. Ничего не понимаю волнуюсь не сплю. Свадьба Лотты в полдень не знаю идти или в полицию звонить. Где ты? Даже если ты с кем-то СРОЧНО ПЕРЕЗВОНИ

Обычно Эврил розыгрышей не устраивает. Но если это не розыгрыш, то с ней что-то не так. Нервный срыв? «Даже если ты с кем-то…» Как это понимать? Мы – пара, друг другу не изменяем. И никогда не изменяли, с самого первого дня. Эврил это прекрасно знает. Во всяком случае, должна знать. Набираю номер Тома, нашего соседа. На мобильнике опять высвечивается «СЕТЬ НЕДОСТУПНА». А, на первом этаже должен быть телефон-автомат – в пабе «Лиса и гончие» интерьер с 1980-х годов не меняли. В крайнем случае обращусь к Мэггс, может, старая карга

милостиво разрешит мне воспользоваться ее телефоном. За плату, разумеется.

Читаю последнее сообщение.

Предупредила Лотту что у тебя грипп и мы не придем. Ника и Берил не знают где ты. Полиция начнет поиски только через 48 часов.
ФРЕЙЯ СРОЧНО ПОЗВОНИ Я С УМА СХОЖУ!!!

Бредовые фантазии Фреда меня не волновали, а вот эсэмэска пугает до дрожи. Эврил обычно такая разумная и рассудительная, она успокаивает меня, если мне снятся кошмары, поддерживает и помогает, если меня заносит. Неужели она действительно сошла с ума? Пожалуй, это единственное объяснение происходящему. Сбегаю по лестнице на первый этаж…

…и вхожу в комнату на втором этаже, откуда только что вышла. Стою, задыхаясь и дрожа, будто меня бадьей ледяной воды окатили. Хватаюсь за дверной проем. Те же столы, те же стулья, то же темное ночное окно, та же эмалированная табличка с рекламой «Гиннеса» – лепрекон играет на скрипочке, тукан пляшет. Тот же *второй* этаж паба «Лиса и гончие». Я бежала *вниз*, а пришла *наверх*. Рассудок утверждает, что именно так оно и было. Рассудок настаивает, что этого быть не могло. На столе у окна все еще лежит диктофон, который я в панике забыла взять, – рядом с нетронутым стаканом томатного сока, пустыми пакетиками из-под кешью и бокалом, из которого Фред Пинк пил бренди. Лестничный пролет за спиной уходит *вниз*. Пол на первом этаже, выложенный жуткой плиткой, черно-белый, как шахматная доска. Звучит знакомая музыкальная заставка – по телевизору начинается передача «У меня для вас есть новости»[{44}].

«Фрейя, дыши и думай».

Это все стресс – стресс на работе, стресс, потому что какой-то псих утверждает, будто душу сестры превратили в горючее, стресс от эсэмэсок Эврил. Память, скользкая, как уж, любит шутки шутить – легче легкого вообразить, что спустилась на первый этаж, хотя в действительности никуда не уходила со второго. Вот если спуститься по лестнице еще раз – в смысле, сейчас – и не бегом, а шагом, пересчитывая каждую ступеньку, то…

Звонит мобильник. Я торопливо вытаскиваю его из сумки. На экране надпись: «АБОНЕНТ НЕИЗВЕСТЕН». Молю неизвестно кого, чтобы это

оказалась Эврил, взволнованно отвечаю:

– Алло?

В трубке шуршит, набирая силу, песчаная буря статических помех.

– Фрейя Тиммс, слушаю вас, – говорю я. – Кто это?

Подхожу к окну – может быть, там лучше берет, – громко и четко спрашиваю:

– Эврил?

Раскидистые деревья на Вествуд-роуд затеняют свет уличных фонарей.

Шуршание помех складывается в слова:

«Помогите! Я задыхаюсь… помогите!»

Салли. Это Салли. Это Салли! Я оседаю на пол. Сестра…

Не может быть. Нет, может! Да слушай же!

«Не смейте! Это мое! Не троньте! Прекратите…»

Это моя сестра! Измученная, напуганная, но живая! Высвобождаюсь из тугой петли, сдавившей горло, с трудом произношу:

– Сал? Это Фрейя. Где ты, Сал? Где ты?!

Помехи завывают, хлюпают, хлещут, потрескивают, стонут и улюлюкают, а потом выплескивают:

«Ктонибудькогданибудьвасостановитвызаэтопоплатитесь…»

Трубка умолкла. На экране мобильника светится «СЕТЬ НЕДОСТУПНА». Хочется заорать дурным голосом, но это не поможет, поэтому я лихорадочно нажимаю кнопки в поисках списка входящих звонков, но случайно попадаю в «ИГРЫ» и запускаю «Змейку», а чертов телефон не позволяет вернуться к меню, пока игра не загрузится полностью, ну и пусть, зато Салли жива жива жива, надо немедленно звонить в полицию, нет вдруг она снова позвонит а телефон занят, а может быть, ее какой-то псих похитил и в подвале девять лет продержал как ту австрийскую девочку… как ее? Кампуш? которой недавно удалось сбежать…[{45}] а что если…

Телефон пронзительно звенит, экран ярко вспыхивает.

– Салли! – кричу я.

– Нет, голубушка, это старая карга с первого этажа.

Мэггс?

– Послушайте, я сейчас спущусь. Надо…

– Салли уже ничем не поможешь, голубушка.

Мысленно снова слышу ее слова.

Не могу ни ответить, ни шевельнуться, ни думать – вообще ничего не могу…

…в люминесцентной лампе просыпаются дохлые мухи.

– Это было только ее эхо, голубушка. Шелуха. Сор. Сообщение на голосовой почте времени, оставленное девять лет назад. А если называть вещи своими именами, то это был призрак твоей сестры.

От страха меня шатает в сгустившемся, вязком воздухе.

– Кто это?

В голосе Мэггс слышна дружелюбная усмешка.

– Ну, один из лучших репортеров журнала «Подзорная труба» наверняка догадается, кто это, – после всего, что тебе сегодня рассказали.

Что я упустила?

– Передайте трубку мистеру Пинку.

– Настоящий Фред пару месяцев назад помер, голубушка. От рака предстательной железы. Мучительная смерть.

Лихорадочно глотаю воздух, до предела наполняя легкие: значит, я весь вечер разговаривала с психопатом, а все в пабе – его пособники? Ну да, заброшенный паб, опущенные жалюзи, убийство… *Убийство*. Подхожу к окну – оно раздвижное, подъемное, но рама закреплена фиксаторами и не открывается.

Из «Нокии» доносится хриплый голос Мэггс:

– Ты меня слышишь, голубушка? А то связь прерывается.

Нет, надо продолжить разговор.

– Умоляю вас, скажите, где Салли! Мы с вами сможем…

– Салли нет. Она умерла. Умерла. Умерла. Умерла.

Роняю мобильник, хватаю стул чтобы выбить оконное стекло и заорать дурным голосом перебудить всю округу спуститься по водосточной трубе или просто выпрыгнуть наружу поворачиваюсь к окну и… Окно исчезло. Передо мной стена. Окно исчезло. Передо мной стена…

Бросаюсь к лестнице. Лестницы нет. Вместо нее светлая дверь с облезлой золоченой ручкой. За дверью Мэггс. Это она все подстроила. Не знаю как, но подстроила. Она у меня в голове… Или… ох, погодите…

Это все я. Ведь это у меня психоз, а не у Фреда Пинка.

Надо вызывать не полицию, а «скорую». Номер экстренного вызова 999. Надо набрать. Быстрее.

Нет, ну а что больше похоже на правду: нарушение законов физики или нарушение психики у нервной журналистки? Подбираю мобильник с пола, надеюсь, что ясность рассудка сохранится подольше.

– Служба спасения. Алло, слушаю вас, – четко, деловито произносит телефонистка.

– А… здравствуйте, я… меня зовут Фрейя Тиммс… Я… я…

– Фрейя, успокойтесь. – Выговор у нее аристократический, как у

мамы, только интонации увереннее. – Объясните, в чем дело, и мы разберемся, как вам помочь.

Как только я заикнусь о галлюцинациях в пабе, меня перенаправят в службу телефонной помощи. Надо что-то придумать.

– Я… у меня роды начались, я здесь одна, в инвалидном кресле. Пришлите «скорую».

– Ничего страшного, Фрейя, не волнуйтесь. Где вы находитесь?

– В пабе… «Лиса и гончие». Я не из местных, поэтому…

– Все в порядке, Фрейя. Я этот паб знаю. Мы с братом там рядом живем.

«Слава богу!» – думаю я и внезапно все понимаю.

Понимаю, почему в ее голосе звучит насмешка.

Понимаю, что отсюда не выбраться.

– Лучше поздно, чем никогда, – произносит строгий голос в трубке. – Обернись и посмотри на свечу на столе, у тебя за спиной. Немедленно.

Я покорно оборачиваюсь. В комнате темнеет. В замысловатом подсвечнике, покрытом рунами у основания, горит свеча. Пламя едва заметно колышется.

– Смотри в пламя, – велит голос. – Смотри.

Действительность складывается, как оригами, и сгущается до черноты. Тела я не чувствую, но вроде бы понимаю, что стою на коленях. Вокруг меня три лица. Слева от свечи – женщина лет за тридцать. Смутно знакомая… Это Мэггс из паба, но на двадцать лет моложе и изящнее. Блондинка с идеальной кожей, невероятная красавица. Справа от свечи – мужчина того же возраста, тоже светловолосый и тоже смутно знакомый… с чертами молодого Фреда Пинка. Это близнецы. Нора и Иона Грэйер – вот кто это! Оба совершенно неподвижны, как огонь свечи, как третье лицо над пламенем, глядящее на меня. Из зеркала смотрит Фрейя Тиммс. Шевельнуться не могу, даже моргнуть не могу. Нервная система отказала. С Салли то же самое было? Подозреваю, что да. Она обо мне думала? Ждала, что старшая сестра придет на помощь? Спасет? Или к тому времени ей было уже все равно?

– Невероятно!

Дрожащее пламя свечи то скручивается, то развертывается, освещая искаженное гневом лицо Норы Грэйер. Сколько я здесь пробыла – минуты или дни? Чтобы измерить время, нужно время.

– Как ты посмел?!

– Сестрица… – Иона Грэйер двигает челюстью, будто она неправильно вставлена.

Мое тело полностью парализовано – все, кроме глазных яблок.

– Как ты посмел рассказать всю нашу биографию какой-то жалкой журналистке!

– Так ведь Фред Пинк должен был чем-то заинтересовать Хрюшину сестру, иначе она бы раньше времени сбежала. Чего ты истеришь?

– Я? Истерю?

Капельки слюны долетают до пламени свечи.

– Ох, за одно упоминание *la Voie Ombragée* сеид бы тебя уничтожил! И был бы совершенно прав.

– Да? Вряд ли сеиду, да пребудет он в вечном покое, это бы удалось. Ну ты чего так всполошилась? Наша биография – чудо чудное, диво дивное. Когда еще представится случай поделиться ею с благодарным и неболтливым слушателем. Потому что наша гостья неболтлива. Вот давай ее спросим, болтлива она или нет. Чтобы ты волноваться перестала. – Он поворачивается ко мне. – Мисс Тиммс, скажите, вы собирались публиковать рассказ Фреда Пинка, услышанный в этот незабываемый вечер?

Не могу ни кивнуть, ни помотать головой.

– Будем считать, что нет, любезная сестрица. Можешь расслабиться.

– Расслабиться? Ты ведешь себя как разбалованный подросток! Вдобавок гостью мы заманили с большим трудом, от первого обалдина она отказалась, а…

– Нора! Нора, перестань. Прекрати немедленно. Ты опять за свое: пугаешь себя понапрасну всякими «если бы да кабы», вместо того чтобы наслаждаться весьма успешным результатом.

Я отчаянно пытаюсь понять, что происходит. Какой еще результат?

Иона поворачивает ко мне глумливое лицо:

– Фред Пинк тебе все рассказал, солнышко, но так и быть, я тебе еще раз объясню. Очевидно, сестра твоя унаследовала у тебя не только склонность к полноте, но и острый ум. Когда ты отправилась на встречу со мной – то есть со мной в теле какого-то старика, которое я позаимствовал, дабы изобразить мистера Пинка, – то на полпути передумала и решила вернуться. К такому повороту событий я подготовился заранее. За тобой следили, и в укромном уголке парка, у эстрадной площадки, один из наших контрактников из «Блэкуотера» прыснул тебе в лицо чудесным зельем. Ты, бедняжка, тут же упала в обморок. Однако же я и это предвидел, поэтому машина Ассоциации скорой помощи святого Иоанна ждала за углом. Наши

незаменимые помощники усадили тебя в инвалидную коляску и за пять минут довезли к апертуре. Даже позаботились о том, чтобы ты не промокла, капюшоном личико прикрыли – от дождя и от досужих взоров. Итак, тебя доставили в наш оризон, который моя сестрица превратила в копию «Лисы и гончих», того самого паба, куда ты и направлялась, а потом завлекли в лакуну – в самое сердце оризона. Зная, что воспоминания Одаренных корректировать очень сложно, я на всякий случай стер из твоей памяти весь день, поэтому ты и не помнишь, как днем уехала из Лондона. А когда ты очнулась, я рассказал тебе самую сенсационную историю в твоей журналистской практике. – Иона проводит языком по верхним зубам. – По-моему, получилось весьма неплохо. Ах, я чувствую себя великим сыщиком, который на последних страницах книги раскрывает загадочное преступление. – Иона поворачивается к сестре, которая все еще негодующе глядит на него. – Да, любезная сестрица, согласен, томатный сок нашей гостье не понравился, а вот орешки кешью с обалдином она сжевала с большим удовольствием. Да, признаю, в роли Фреда Пинка я несколько увлекся и рассказал чуть больше, чем собирался. Ну и что с того? Через две минуты она умрет, а мертвые журналисты статей не пишут.

Она умрет? Он сказал «она умрет»? Меня сейчас убьют?

– Ох, какой же ты болван, братец! Тебе лишь бы бахвалиться! – говорит Нора напряженным от гнева голосом, но я ее почти не слушаю. – Никогда и ни с кем не смей обсуждать *la Voie Ombragée*. И Своффем, Или, Эр-Риф и Кантильона тоже не смей упоминать. Ни при каких обстоятельствах. Никогда, понял?!

– Обещаю исправиться, любезная сестрица, – с притворной покорностью вздыхает Иона.

– Когда-нибудь твоя наглость тебя погубит, – презрительно замечает Нора.

– И не говори, сестрица.

– И вот тогда, если получится, я сама спасусь, а тебя брошу.

Иона хочет что-то съязвить, но внезапно меняет тему:

– Я изголодался, ты изголодалась, наш операнд изголодался, а ужин давно готов: тушка ощипана, обвязана, обалдином обмазана… – Он всем телом поворачивается ко мне и громко шепчет: – Очарована, околдована и так далее[{46}]. Кстати, ты дышать перестала. Или не заметила еще, солнышко?

Очень хочется считать это очередной садистской издевкой, но я действительно не дышу. Вот и все… Смерть ждет меня не в перестрелке, не в автокатастрофе, не в кораблекрушении, а здесь, внутри этого… кошмара,

которого быть не может, не должно, но он все-таки существует. Близнецы медленно начинают хватать и сворачивать воздух перед собой, все убыстряя и убыстряя темп, стремительно выводя какие-то знаки и узоры, словно обезумевшие каллиграфы. Губы их шевелятся, но я не понимаю, слышу ли шепот, или в ушах шумит эхо мозга, умирающего от недостатка кислорода. Над пламенем свечи возникает какой-то сгусток размером с деформированную, безликую голову. Он пульсирует багряным сиянием, то ярким, то темным, то ярким, то темным, а из боков и снизу высовываются длинные тонкие корешки, будто удерживая его в сумрачном воздухе. Длинные плети тянутся ко мне. Пытаюсь откинуть голову или зажмуриться, но не могу. Хочется завопить, как в фильме ужасов – длинно, протяжно, во все горло, – но не могу. Корешки заползают мне в рот, в нос и в уши, а потом боль копьем вонзается в лоб, будто в глаз циклопа. Из отверстия что-то вытекает и собирается прямо передо мной – прозрачный мерцающий шарик, меньше бильярдного, затуманенный бесчисленными звездами. Вот оно, мое истинное «я». Вот она, моя душа.

Близнецы, подавшись вперед, выпячивают губы и резко вдыхают.

Моя душа растягивается, как примятый воздушный шарик.

Это моя душа, это я, вот только надеяться больше не на что, не на что, не на…

Внезапно в узком просвете между Грэйерами возникает чей-то силуэт. Женская фигура в модной куртке. Широкий торс затеняет и пламя свечи, и пульсирующий сердцемозг. Справа Нора Грэйер в ужасе отшатывается. Иона не может шевельнуться – незваная гостья пухлой короткопалой рукой с маникюром цвета павлиньей лазури хватает его за горло и, взмахнув другой рукой, будто крылом, вонзает толстую шестидюймовую спицу в незащищенное горло, проткнув его насквозь, как гигантскую маслину коктейльной шпажкой. Из обеих ранок вытекает кровь, темная, словно патока на серых камнях. Иона ошарашенно таращит глаза, челюсть отвисает, голова безвольно никнет, он хрипит, кровь в ранках пузырится. Незваная гостья отпускает его, но спица… нет, шпилька для волос остается в горле. Голова Ионы свешивается на сторону, и моему взгляду предстает серебряный наконечник шпильки – лисья мордочка со сверкающими камешками глаз. В сознание откуда-то издалека проникают крики Норы: «Убирайся! Убирайся, проклятый призрак! Пошла прочь!» Незваная гостья и вправду растворяется, исчезает, сквозь нее уже просвечивает пламя свечи. Моя растянутая душа снова собралась в шар и тоже растворяется. Тело умерло, но душа спасена. Зеленый, как океанские глубины, кулон моей спасительницы, качнувшись, проходит сквозь мою душу, освещенный

последними отблесками звездного сияния.

Вечность, маорийский нефрит, я сама его выбирала, я его упаковывала, я когда-то отправила его той, кого люблю.

Астронавты
2015

Айфон вибрирует у сердца Бомбадила. Его холодными пальцами достаю мобильник из балахона лыжной куртки – насупленное утреннее небо обещало ненастье, поэтому пришлось заставить Бомбадила купить ее в магазинчике неподалеку от нашей неприметной гостиницы. Снежная крупка запорашивает экран. Контрактник из «Блэкуотера» прислал сообщение:

Темно-синий «фольксваген-тигуан» припаркован в 50 м от входа в проулок Слейд, на углу Вествуд-роуд.

Отвечаю коротко:

Прекрасно.

Наши контрактники – мастера своего дела и дальнейших указаний не ждут. Из-за мерзкой погоды наша гостья могла задержаться или вообще решила бы не приезжать, что создало бы целый ряд неприятных осложнений, ведь превращать нежелание в желание – процесс трудоемкий и непростой. Однако же все обошлось, наша гостья приехала на четверть часа раньше назначенного времени, можно немного расслабиться. Нахожу на мобильном Бомбадила музыку Филипа Гласса к фильму «Шоу Трумана» и слушаю импровизированный предбанкетный концерт. В конце прошлого века мы с Ионой смотрели этот фильм в Сен-Тропе, в маленьком кинотеатре на тихой улочке. Когда главный герой с ужасом обнаружил громадную пропасть между своим существованием и жизнью остального мира, мы очень расчувствовались. Кстати, Лазурный Берег – весьма подходящее место для отдыха и восстановления сил; после долгих девяти лет, вынужденно проведенных раненым телом Ионы в стазисе, несколько недель на Ривьере пойдут ему на пользу. Там всегда много богатых бездельников, в телах которых Иона сможет развлечься, а я – насладиться ласковыми лучами солнца после пяти дней невыносимой английской погоды. У ног Бомбадила возникает лунно-серая кошка, мяукает, выпрашивает еду.

– Ты не голоднее нас, – говорю я ей.

В проулок Слейд врывается ветер, спиралью взвихривает снежную крупку вперемешку с палой листвой. Натягиваю на голову Бомбадила капюшон, защищая наушники, застегиваю молнию до самого верха – поле моего зрения сужается до овала с меховой опушкой. Вспоминаю песчаные бури на родине сеида, в Атласских горах. Как быстро пролетел двадцатый век. Кошка наконец отвязалась. Ноги Бомбадила леденеют в хлипких кроссовках. Ничего страшного, он умрет раньше, чем успеет их отморозить. Угрызений совести я не испытываю.

А вот и наша гостья. Невысокая и худощавая, укутанная в теплую зимнюю одежду, она идет по проулку Слейд, окруженная снежно-белым летящим светом. Доктор Айрис Маринус-Фенби, врач-психотерапевт из Торонто, консультант в психиатрической лечебнице Докинса, неподалеку от Слау. Волею случая – точнее, двух – она выбрала путь, который и привел ее к нашей апертуре. Первой случайностью стало то, что в 2008 году она ознакомилась с дневниками Фреда Пинка, бывшего пациента психиатрической лечебницы Докинса, умершего в 2005 году, а по результатам изучения этих записей опубликовала ряд научных работ о психозе похищения. В этих трудах неоднократно упоминается, что Фред Пинк был одержим неотвязным страхом преследования и маниакально боялся энергетических вампиров, пожирающих души, – неких Иону и Нору Грэйер, давно умерших. А вторая случайность, вероятность которой вообще ничтожно мала, заключается в том, что Айрис Маринус-Фенби – Одаренная, и это делает ее весьма желанной добычей. Заманить мозгоправшу-искусницу в ловушку оказалось легче легкого. Вот она останавливается – негритянка лет за тридцать, с кожей гладкой, блестящей и черной-пречерной, как косуха, на фоне которой ярко блестят зубы и белки глаз. Доктор Маринус-Фенби, работник умственного труда, одевается немодно и безвкусно, скрывает фигуру под бесформенным, почти мужским нарядом: летная куртка из овчины, широкие мятые штаны, туристические ботинки, темно-зеленый берет, шея обмотана куфией, никакой косметики. Жесткие курчавые волосы коротко острижены. На плече висит холщовая сумка цвета хаки. Мозгоправша-искусница невозмутимо глядит на Бомбадила, тощего паренька лет двадцати, с прыщавой кожей, воспаленными глазами и лабретой в губе над акульим стесанным подбородком. Лыжная куртка размера XXL болтается на давно не мытом теле, от которого тянет кислой, творожистой вонью. Айрис Маринус-Фенби, доктор философских наук, изучает очередной объект своих будущих исследований, нового Фреда Пинка – вот только с этим она

знакомится лично. По моему наущению Бомбадил извлекает наушники из ушей, изображает на лице немой вопрос: «В чем проблема-то?»

Маринус-Фенби произносит условленный пароль глубоким, четким голосом со среднеатлантическим акцентом:

– Я ищу паб «Зеленый человек».

Бомбадил сам, без моего вмешательства, нервно выпаливает отзыв:

– «Зеленый человек» давным-давно закрылся, как «Лиса и гончие».

Айрис Маринус-Фенби протягивает ему руку в перчатке:

– Бомбадил?

Пальцы, обтянутые кашемиром, искрят психической энергией.

– Доктор Айрис Маринус-Фенби?

– Девять слогов произносить замучаешься. Зовите меня просто Маринус.

Вблизи заметно, что синяя клетка куфии – крошечные щиты Давидовы. Какой нарочитый символизм! Рукопожатие завершается.

– Вроде как по фамилии, что ли?

Мозгоправша-искусница мысленно отмечает чуткость испытуемого к требованиям номенклатуры.

– Маринус – не фамилия, а своего рода традиционное семейное прозвище.

Заставляю Бомбадила пожать плечами.

– Добро пожаловать в проулок Слейд, Маринус.

– Спасибо за приглашение. Я польщена вашим доверием. – Судя по всему, она понимает, что настоящего имени субъекта спрашивать не стоит. – Меня очень заинтересовали ваши мейлы.

– Ну, вам оризон своими глазами увидеть вроде как полезно будет. Для науки.

– Да, Бомбадил, мне очень любопытно, что мы сегодня увидим. Ох, здесь, на ветру, кожу как бритвой дерет. Может быть, пойдем куда-нибудь в тепло? У меня машина за углом припаркована. А на площади есть «Старбакс». Вы уже обедали? Если нет, то я угощаю.

– Нет, я в непроверенном месте разговаривать не собираюсь. Везде жучки прослушки, – говорю я.

Маринус делает еще одну мысленную пометку.

– Да-да, разумеется.

Киваю в сторону проулка:

– Лучше сразу туда пойдем.

– Сразу в «оризон»?

– Ага. Он пока никуда не делся. Я вчера там был.

– Значит, и в четверг, и вчера – два посещения, так?

– Один плюс один равно два. – Меня забавляет ее профессиональный подход. – Такой случай не каждый день представляется.

– И вход в… «апертуру» все там же? – Она вглядывается в клаустрофобическую темень проулка Слейд.

– А где ж ему еще быть, док? Точно в том месте, где, по словам Фреда Пинка, его Гордон Эдмондс нашел. Вы же сами про это писали.

Маринус удивленно разглядывает гиковатого английского недотыку, который, оказывается, читает «Американский психиатрический журнал»[{47}].

– Что ж, пойдемте.

Через двадцать шагов мы останавливаемся у апертуры, и тут наша гостья впадает в совершеннейшую растерянность.

– Вот, маленькая, черная и железная, – с удовольствием объявляю я, подчеркивая очевидные вещи. – Фред Пинк ее так и описывал.

Маринус прикасается к дверце:

– Три года назад ее здесь не было.

– Ее *три дня назад* здесь не было. А в четверг с утра пораньше я сходил на разведку – и вуаля.

Маринус оглядывается по сторонам, садится на корточки, разглядывает дверную раму:

– А похоже, что она здесь давным-давно. Очень странно. Все лишайником поросло, цементная кладка растрескалась.

– Апертуры – как хамелеоны, маскируются под окружающую среду.

Она переводит взгляд на Бомбадила. Очевидно, что ее вера в существование логического объяснения несколько поколеблена, но не уничтожена.

– А что за дверью?

– Ой, там самое прикольное! Если взобраться по двенадцатифутовой стремянке и заглянуть за стену, то видно вот что… – Заставляю Бомбадила извлечь из внутреннего кармана фотографию. – Задний двор дуплекса, построенного в пятьдесят втором году. Жильцы дома – Джамал и Сью аль-Ави и два и четыре десятых ребенка[{48}]. В полном смысле слова – хозяйка дома, Сью, на втором триместре беременности. Но если войти в апертуру… – я стучу костяшками пальцев по беззвучной дверце, – …то попадаешь на садовые террасы Слейд-хауса, в теплый туманный день где-то в середине тридцатых.

Маринус оценивающе смотрит на меня.

– Ага, все в тумане, представляете? – говорю я.

Она явно жалеет, что не записывает происходящего на диктофон.

– Вы имеете в виду Слейд-хаус, уничтоженный при налете немецких бомбардировщиков в сороковом году?

– Ага, двадцатого декабря сорокового года. Под самое Рождество.

– По-вашему, эта дверца – своего рода временной портал?

– Да нет же! Вот все так думают, но это ошибка. Апертура – портал в оризон. В полость реальности. Эх, док, посмотрели б вы сейчас на себя со стороны. Полный отпад!

Мозгоправша-искусница ошеломленно и недоверчиво глядит на меня:

– Я понимаю, что вы в это верите, Бомбадил, но наука требует доказательств, вы же знаете.

– Ага, а доказательства должны представить надежные очевидцы, – по моей подсказке отвечает Бомбадил. – Желательно со степенями и званиями.

Порыв ветра швыряет об стену пустую пластмассовую бутылку, она отскакивает, подкатывается к нам. Колышутся высокие стебли сорняков.

Маринус стучит костяшками пальцев по апертуре:

– Хм, звука она не издает. Странно, металл теплый, хотя на улице холод. Замочной скважины нет. Как вы ее открыли?

Заставляю Бомбадила хитро улыбнуться.

– Силой мысли.

Маринус, ежась от холода под слоями теплой одежды, ждет объяснений.

– Визуализируйте замочную скважину, – говорю я, – потом ключ, потом представьте, как вставляете его в замок, поворачиваете – и дверь открывается. Если действовать умеючи, в апертуру проникнуть легко.

Маринус серьезно кивает, давая понять, что принимает мои слова на веру. Смешная женщина.

– А что вы делали, когда оказались внутри?

– В четверг я из кустов не выходил – нарвался в нью-мексиканском оризоне на неприятности, теперь осторожничаю. Ну, минут десять я в кустах посидел, огляделся, а потом вышел. Вчера чуть осмелел, дошел до дерева гинкго – ясен пень, я тогда не знал, как оно называется, поэтому взял с собой палый лист и проверил. У меня в мобильнике специальное приложение есть.

– А этот лист у вас с собой? – вполне предсказуемо спрашивает Маринус.

По моему велению Бомбадил протягивает ей прозрачный пакетик для заморозки.

Она рассматривает его на просвет:

– Да, это листок гинкго.

Разумеется, не добавляет, что листок можно подобрать где угодно.

– А фотографий внутри вы не делали?

Раздуваю полузамерзшие Бомбадиловы щеки.

– Пробовал. В четверг штук пятьдесят на мобильник нащелкал, но как вышел – они все стерлись. Вчера принес старый фотоаппарат «Никон», целый ролик фотопленки отснял, а вечером проявил – все засвечено. Если честно, то я особо и не надеялся. Я знаком с пятью астронавтами, настоящими, без обмана, – никому ни разу ничего заснять не удалось. Оризоны – странная штука, сфотографировать их невозможно.

– А кто такие астронавты?

– Ну, это мы себя так называем. В сети так удобнее общаться, потому что вокруг «искателей оризонов» нездоровый ажиотаж разведут.

Маринус возвращает ему пакетик с листком.

– Значит, астронавты могут выносить из оризонов образцы растительности, но не фотографии.

Снова заставляю Бомбадила пожать плечами.

– Док, ну так оно устроено, я ж не виноват.

За стеной кто-то прыгает на скрипучем батуте.

– А признаков жизни в оризоне вы не заметили? – спрашивает Маринус.

Мозгоправша-искусница все еще полагает, что имеет дело с психиатрическим, а не с онтологическим феноменом. Ничего, терпения у меня достаточно, мы ее вразумим.

– Дроздов видел. Белку – рыжую, симпатичную, хотя сейчас в парках все больше мерзкие серые водятся. Рыбок в пруду. А людей не видать. Шторы в окнах задернуты, дверь закрыта, из апертуры никто не выходил с четырех часов дня в четверг.

– Откуда вы знаете?

– А вот отсюда. – Я касаюсь кирпича напротив апертуры. – Вот, видите?

Мозгоправша-искусница встает и приглядывается:

– Да. Кирпич.

Ребенок на батуте заливисто хохочет. Маленький мальчик.

– Нет, это кирпичная пластина, укрепленная на стальной коробке, в которой установлены веб-камера, блок питания и электронный датчик, реагирующий на инфракрасное излучение. Изображение, получаемое через двухмиллиметровое отверстие в пластине, передается на мобильник.

Показываю ей айфон, на экране которого я показываю ей айфон.

Она с уважением глядит на меня:

– Серьезное устройство. Вы его сами установили?

– Ага, только это израильское изобретение – схему я у моссадовцев хаканул.

Ласково похлопываю кирпич, установленный сегодня контрактниками из «Блэкуотера», и оборачиваюсь к апертуре:

– Ну что, готовы к приключениям?

Маринус неуверенно кивает – мало ли как я отреагирую, когда увижу, что никакого райского сада за стеной нет. Но любопытство исследователя берет верх над разумной осторожностью.

– Что ж, ведите меня в оризон.

Опускаюсь на колени перед апертурой, прикладываю замерзшую ладонь Бомбадила к ласковому теплу, устанавливаю телеграмматический контакт с Ионой.

«Братец, наша гостья пришла. Надеюсь, у тебя все готово?»

«О, явилась, не запылилась! – слабо отзывается он. – Я думал, ты опять в свою Кирисиму слиняла…»[{49}]

Ох, где бы сил взять!

«Иона, ты же помнишь, сегодня – День открытых дверей, я выполняю свою задачу извне, а ты должен подготовить оризон и суборизон к приему гостя».

Иона телеграмматично хлюпает носом.

«Да-да-да, как мило с твоей стороны навестить брата, запертого в темнице…»

«Я тебя вчера навещала, – напоминаю я. – А в Кирисиму ездила шесть лет назад, меня всего тринадцать месяцев не было».

Обиженное молчание, а потом:

«Для запертого в лакуне тринадцать месяцев – все равно что тринадцать вечностей. Окажись ты на моем месте, я бы тебя в одиночестве не оставил…»

Я не выдерживаю:

«Ага, не оставил бы! А кто меня в Антарктиде два года проторчать заставил, шутки ради? А на островах Товарищества кто меня бросил, а сам отправился с друзьями-сайентологами на круизном лайнере кататься?»

Снова обиженное молчание.

«Так ведь в твоем перворожденном теле из горла шпилька для волос не торчит…»

Я почти сто двадцать лет прожила бок о бок с братом и хорошо знаю о

его склонности погружаться в вязкое болото жалости к себе, но сейчас этого допускать нельзя.

«И в твоем бы не торчала, если бы ты последовал моему совету и обратил внимание на неполадки в работе операнда».

Гостья ждет, тело Бомбадила дрожит от холода.

«На счет „три“ я открываю апертуру, так что немедленно проецируй сад, иначе убьешь нас обоих, из упрямства и вредности. Ну же! Раз… два…»

Тело Бомбадила проскальзывает в дверцу. Все в порядке. Мозгоправша-искусница протискивается следом, ожидая увидеть заброшенный дворик, но оказывается у подножья длинного холма с садовыми террасами на склоне. Особняк на вершине – будто карандашный эскиз на стене тумана. Слейд-хаус. Айрис Маринус-Фенби, практикующий психотерапевт, медленно выпрямляется, челюсть у нее отвисает, глаза округляются. Заставляю Бомбадила хихикнуть. Энергии в операнде почти не осталось, сегодняшняя проекция поддерживается жалкими крохами психовольтажа, но сейчас нам без надобности заманивать гостью на веселую хеллоуиновскую вечеринку или завлекать роскошным образом жизни богачей-аристократов. По моему велению Бомбадил довольно хмыкает и говорит:

– Ну, док, как вам такое доказательство?

– Да. Большой дом. Огромный. Такой же настоящий, как мы с вами. – Маринус нерешительно машет в сторону особняка и оборачивается к апертуре, скрытой кустами камелий.

– Не волнуйтесь, апертура стабильна, не захлопнется.

Мозгоправша, вспомнив об осторожности, пригибается и выглядывает в проулок. Номер телефона контрактников в мобильнике наготове, но тут Маринус встает, стягивает с головы берет, снова надевает его. По-моему, она просто тянет время.

– В бумагах Фреда Пинка я нашла старую открытку с изображением Слейд-хауса, – дрожащим голосом произносит она и кивает на особняк. – Вот этого самого. Но я проверила муниципальные архивы, кадастровые реестры, топографические карты и даже панорамный обзор местности в «Гугле». Слейд-хауса нигде нет. А даже если бы он и существовал, то между Вествуд-роуд и Крэнбери-авеню места для него нет. Нет его. Его здесь быть не может! Но он есть.

– Вот именно, док. Это какой-то парадокс. А что, если… – Я понижаю голос до таинственного шепота. – А что, если Фред Пинк вовсе не был

психом, а говорил чистую правду? А?

В кроне старой сливы гулит горлица, но самой птицы не видно.

Маринус, решив, что ей послышалось, вопросительно смотрит на меня.

Заставляю Бомбадила улыбнуться.

– Горлица.

Маринус с силой прикусывает большой палец, разглядывает отпечаток зубов.

– Нет, вы не спите, – говорю я. – И вообще, не оскорбляйте оризон, не то он обидится.

Маринус срывает листок камелии, пробует его на зуб, пристально рассматривает, потом швыряет камешек на циферблат солнечных часов. Камешек со стуком отскакивает.

Она прижимает ладонь к росистой траве – на лужайке остается отпечаток.

– Боже мой, – ахает Маринус и смотрит на меня. – Так здесь все настоящее?

– Да, только локально, в изолированной временной полости оризона.

Мозгоправша-искусница встает, молитвенно сжимает ладони, на миг прикладывает их к лицу, закрывая нос и рот, потом засовывает руки в карманы летной куртки.

– Значит, мои пациенты в больнице Докинса, в Торонто, в Ванкувере… с диагнозом «мания похищения»… Получается, все они говорили правду? Они побывали в… в таких местах, а я… я прописывала им нейролептики и успокоительные?

Наступает критический момент операции. Не хватало еще, чтобы доктор Маринус, терзаемая угрызениями совести, решила отсюда выбраться. Надо срочно заманить ее в дом, но так, чтобы она не заподозрила подвоха.

– Понимаете, оризоны – редкая штука, так что среди ваших пациентов настоящих астронавтов очень мало – меньше одного процента, это точно. А всем остальным нужна ваша помощь и лекарства. Вам не за что себя винить, док.

– Один процент – это все равно слишком много. – Маринус закусывает губу, мотает головой. – А первая заповедь врача: «Не навреди».

– Ну, на медицинском факультете оризоны не изучают, и статей про них в научных журналах не печатают. Если вы хотите помочь своим пациентам, вот он, ваш шанс. Осмотритесь, обследуйте все хорошенько, понаблюдайте. Вы же не закоснелый ретроград, умеете мыслить

прогрессивно. Поэтому я с вами и связался.

Маринус обдумывает мои слова, делает несколько шагов по лужайке, смотрит в пустое влажно-белое небо.

– Еще совсем недавно я считала Фреда Пинка психически больным. В своих записях он предупреждал, что Слейд-хаус – опасное место. Как по-вашему, он прав?

По моему наущению Бомбадил расстегивает молнию на лыжной куртке.

– Нет. Не думаю.

– Но… о господи, даже не верится, что я это говорю… мы только что шагнули из одной реальности в другую, так?

Она что, оробела?

– Мы – астронавты, – с напускным разочарованием говорю я. – Да, это опасное хобби, это вам не кубики лего собирать. Но по-моему, Слейд-хаус – заброшенный оризон, функционирует на автопилоте. Судя по всему, здесь уже давно никого не было. Впрочем, если вас это пугает, то, конечно, возвращайтесь к себе в лечебницу, накачивайте своих Фредов Пинков изунолетой и антидепрессантами, запирайте их в изоляторы, наряжайте в смирительные рубашки, только помните, что вы первый и единственный практикующий психотерапевт, отказавшийся от возможности исследовать настоящий оризон. И радуйтесь, что вас в этом никто не обвинит. Удачи вам, док! – говорю я и иду к солнечным часам.

– Бомбадил! – Маринус торопливо идет следом. – Погодите!

Так-то вот. Профессиональный долг и сознательность – ошейник, а поводок у меня в руках.

Туман крошечными каплями оседает на стеблях лаванды. Запах лаванды – одно из немногих счастливых воспоминаний из нашего с Ионой детства, проведенного в норфолкском поместье Своффем; арендаторы Четвинд-Питтов выращивали лаванду для лондонских парфюмеров. Маринус срывает стебелек, разминает в пальцах, принюхивается.

– Пахнет, как настоящая, – говорит она. – А почему все стало черно-белым? У входа цвели красные и розовые камелии, но лаванда посерела на глазах. И розы цвет потеряли.

Я точно знаю почему: операнд вот уже восемнадцать лет существует на крохах психовольтажа, а на поддержание цветовой гаммы требуется энергия. Придется сказать полуправду.

– Наверное, оризон разрушается – верный признак того, что Грэйеров здесь уже давно нет. Расслабьтесь, док. Мы бродим среди руин.

Маринус с облегчением переводит дух и разматывает куфию.

– Неужели все это – дело рук человеческих? Каждый камешек, каждая былинка, каждая капля тумана, каждая веточка? Каждый атом? – Она пораженно качает головой. – Больше похоже на творение Господне.

– Знаете, док, ядерная физика тут ни при чем. Да, все это создано не богами, а людьми. Оризон – это своего рода театральные декорации, ну или как-то так. Осторожно, не запутайтесь в ежевике.

Маринус отцепляет колючую плеть от куртки.

– Ай! Даже колючки настоящие. А еще где-то такие места существуют? Вы там бывали?

Извлекаю нужные мне сведения из памяти Бомбадила:

– Это мой третий оризон. Первый – на Ионе, одном из Гебридских островов у побережья Шотландии. О нем вроде как давно известно тем, кто в этих вещах разбирается. Ну, относительно. Там очень клево. Он расположен в апсиде монастыря, только просто так его не найдешь, надо в строго определенное время пройти под одной из арок. А временной разрыв там крышу сносит. Я внутри всего день провел, а когда вышел, оказалось, что два года прошло. Вернулся домой, обалдел: мать вышла замуж за разведенного мудака из «Майкрософта».

– Невероятно! – ошеломленно лепечет мозгоправша-искусница.

– Ага, я то же самое подумал – невероятно. Из «Майкрософта», с ума сойти. А второй оризон был хардкорный. Вообще жесть! Йойо, астронавт из Сидар-Рапидс, обнаружил апертуру в кладовой художественной школы в Санта-Фе.

– А чем тот оризон отличался от того, что на Ионе, или вот от этого?

– Несчастливым концом, вот чем. Йойо оттуда не вышел.

Маринус останавливается:

– Он там *погиб*?

– Не-а, он решил там остаться – и до сих пор, наверное, там торчит. Понимаете, мы туда сунулись, а создатель оризона дома оказался. Мы же не знали, что он себя Иеговой вообразил, назвал свой мирок «Молоко и мед»[{50}]. Ну, я хотел уйти, а он обозвал меня отступником и… в общем, чуть не убил. Но это к делу не относится. А вот здесь… – по моему мысленному приказу Бомбадил широко раскидывает руки, – здесь тишина и покой. Благодать! Ой, смотрите, земляника!

Мы с Ионой уговорились накормить гостью обалдином под видом земляники. Если Маринус сейчас одну съест, то суборизон в доме создавать не понадобится. Срываю пару ягод покрупнее, засовываю одну в рот.

– Надо же, какая сладкая! Попробуйте.

Маринус протягивает руку и тут же ее отдергивает:

– Нет, спасибо.

Тьфу ты! Заставляю Бомбадила усмехнуться:

– Что, боязно?

Мозгоправша-искусница отводит глаза:

– Да так, вспомнилось… Во всех сказках, мифах и легендах упоминается о том, что в зачарованных местах ничего ни есть, ни пить нельзя – ни гранатового зернышка, ни волшебного вина фей, – иначе оттуда не выбраться.

Мысленно я проклинаю все на свете – и особенно доктора Маринус.

– В сказках, док? С каких это пор мифы и легенды считаются наукой?

– В сомнительных случаях, вот как сейчас, я всегда следую примеру Карла Юнга и полностью полагаюсь на интуицию.

Настаивать не стоит, она заподозрит неладное. Что ж, придется Ионе поднапрячься и создать суборизон.

– Как хотите, – говорю я и съедаю вторую земляничину. – Мне больше достанется.

Если бы Маринус не была такой Одаренной, я бы прибегла к увещеванию, вот только от неодаренных нам сейчас никакого проку. Маринус здесь именно потому, что она – Одаренная. Черт!

С вьющихся плетей глицинии свисают тяжелые кисти цветов, хотя в мире за стеной – октябрь. Маринус тянется к цветку, но рука ее хватает воздух. В оризоне посерело все, кроме нашей одежды. Одежда… Не могу отделаться от ощущения, что упустила какой-то важный момент. Что? Одежда? Вещи? Что именно? Такое же чувство возникло у меня перед нападением Салли Тиммс девять лет назад, но тогда я не обратила на него внимания. Иона с трудом контролирует оризон, иначе бы я его попросила сделать паузу и разобралась бы, в чем дело. Выходим на газон перед домом. Дорогу нам перебегает черно-белый павлин и тут же меркнет, оставив после себя лишь затухающий крик «Ки-и-и-я! Ки-и-и-я! Ки-и-и-я!». К счастью, Маринус этого не замечает, разглядывает дерево гинкго, которое приближается к нам слишком быстро, хотя идем мы медленно и с опаской.

– Я вчера вот до этого места дошел, – говорю я и замираю: тысячи опавших листьев взлетают с серой лужайки и возвращаются на ветви.

Маринус завороженно смотрит на дерево, но Бомбадила подташнивает. Это серьезное нарушение проекции, а не каприз оператора. Иона теряет контроль над оризоном.

– Здесь как во сне, – зачарованно шепчет Маринус.

«Заходите в дом, быстрее, все рушится», – телеграммирует брат.

Вот только как этого добиться?

– Давайте заглянем в дом, – предлагаю я гостье.

– В дом? А это безопасно?

Я заставляю Бомбадила беспечно ответить:

– Конечно. Что нам здесь угрожает?

Помолчав, она встревоженно спрашивает:

– Вы уверены?

Что ж, придется воззвать к чувству, которое наверняка преобладает над трусостью нашей гостьи.

– Знаете, док, не хотелось раньше об этом говорить, но есть шанс, что Фред Пинк жив и не знает, как отсюда выбраться, – замечаю я, глядя на окна верхнего этажа.

– Жив? Девять лет спустя? Почему вы так решили?

«Сестрица, вы уже внутри или как? – телеграммирует Иона. – Поторапливайтесь!»

– В оризонах вообще много непонятного, док, – отвечаю я. – Время в них течет иначе, поэтому вполне возможно, что он уцелел. По-моему, надо проверить. В конце концов, без его заметок мы бы это место ни за что не отыскали, так что, я считаю, мы перед ним в долгу.

Чувство вины действительно пересиливает страх перед неизвестным.

– Да-да, конечно. Ведь если существует хоть малейшая вероятность, что он жив, то проверить надо обязательно.

Маринус решительно шагает по лужайке к Слейд-хаусу, потом оборачивается ко мне и вдруг, испуганно округлив глаза, восклицает:

– Бомбадил!

Я оглядываюсь.

Дальний конец сада затушевывается сам собой.

– Что это? – спрашивает Маринус. – Как мы отсюда выберемся?

Изогнутая стена пустоты развоплощает сад – оризон начал схлопываться. Я надеялась, что наша гостья, искрящая психовольтажом, спасет нас с братом, нашу лакуну и наш операнд. Неужели я слишком поздно ее привела?

– Ничего страшного, док, это просто туман.

– Туман? Вот это – туман? А почему он так быстро…

– Туман в оризоне всегда такой. На Ионе то же самое было.

Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Маринус сдуру вбежала в стену небытия. Я невозмутимо иду дальше.

– Док, говорю же – ничего страшного. Пойдемте. Было бы что не так, я бы вас предупредил.

Ступени крыльца поросли мхом, некогда величественная дверь облезла и прогнила, дверной молоток проржавел. Открываю дверь, поспешно загоняю мозгоправшу в дом. В тридцати шагах от нас разрушающийся оризон поглощает дерево гинкго. Захлопываю дверь, телеграммирую Ионе: «Мы внутри». Что-то трещит и грохочет, будто ломается и падает мебель, в ушах у меня стреляет: оризон сузился, облепил стены дома. Гляжу в ромбики дверного оконца – за ним зияет пустота. Ужасающее ничто.

– Что это было? – шепчет Маринус.

– Гром. Здесь давно за погодой не следили, вот она и разгулялась – то туман, то грозы. Сейчас вот жара наступит.

– Правда? – лепечет мозгоправша-искусница.

Шахматная доска пола в вестибюле усыпана палой листвой. Наша чешская экономка пришла бы в ужас – в те дни, когда мы с Ионой еще не создали оризон, она содержала дом в идеальной чистоте. А сейчас карнизы задрапированы клочьями паутины, двери сорвались с петель, стенные панели с облезшим лаком проедены древесным жучком.

– И что дальше делать будем? – спрашивает Маринус. – Осмотрим первый этаж или…

Грохочущее рокотание обрушивается на стены, вздрагивает весь дом.

Маринус закрывает уши:

– О господи, что происходит?

«Братец! – телеграммирую я. – Мы внутри. Что случилось?»

«Операнд умирает, вот что! – с отчаянием восклицает Иона. – Дом вот-вот развалится. Немедленно отведи гостью в лакуну».

– Ничего страшного, обычные атмосферные явления, – успокаиваю я мозгоправшу.

«Позови нас!» – велю я Ионе.

Помолчав, он спрашивает:

«Это еще зачем?»

«Притворись, что ты – Фред Пинк, запертый на чердаке».

Он снова молчит, потом недовольно заявляет:

«Откуда мне знать, какой у него голос?»

«Ты же его в прошлый раз изображал. Голос как голос, хриплый, с английским выговором».

– Бомбадил, а вы уверены, что это нормально? – испуганно спрашивает Маринус.

– В «Молоке и меде» был барометр, – начинаю выдумывать я, –

который…

До нас доносится какой-то звук. Маринус предостерегающе воздевает палец, смотрит на лестницу, ведущую на второй этаж, шепчет:

– По-моему, там кто-то есть. Вы слышали?

Я неопределенно киваю. Мы напрягаем слух. Ничего. Тишина в милю толщиной. Маринус опускает воздетый палец, но тут дребезжащий старческий голос Фреда Пинка произносит:

– Эй! Эй, там есть кто-нибудь?! Ау!

Бесстрашная мозгоправша тут же откликается:

– Мистер Пинк? Это вы?

– Да, да! Я… я… упал. Я здесь, наверху. Помогите…

– Погодите, мы идем!

Маринус без оглядки мчится по лестнице, перескакивая через две ступеньки. Впервые после того, как мы вошли в апертуру, я чувствую, что контролирую ситуацию. Заставляю Бомбадила пойти следом за мозгоправшей. Надо же, дипломированный специалист из Государственного университета Колумбуса, практикующий психотерапевт, знает несколько языков – и так легко поддалась на старую как мир уловку моего брата. Ковер на ступеньках ветхий, на перилах корочкой спеклась пыль, напольные часы на лестничной клетке молчат, а циферблат такой измызганный, что слов на нем не разобрать. Портреты наших гостей изъедены плесенью, будто пятнами проказы. Маринус, ошеломленная наистраннейшим происшествием в ее жизни, пробегает мимо портретов, не удостаивая их взглядом. Мозгоправша без страха и упрека замечает светлую дверь на втором этаже и несется к ней, переступая на ходу через иссохший трупик совы. Прохожу мимо портрета Салли Тиммс, с размаху шлепаю по нему – бессмысленный, глупый жест. А ведь это она во всем виновата, точнее, ее «призрак», который проткнул горло моего брата в самый важный миг. Мы не смогли зарядить операнд психовольтажом Фрейиной души и тем самым обрекли себя на психоэнергетический голод. Но сегодня все закончится. Мы насытимся. Внезапно я утыкаюсь в спину мозгоправши. Маринус стоит в нескольких шагах от светлой двери, рядом с портретом Фрейи Тиммс, покрытым слоем грязи.

– Не задерживайтесь, док! – шиплю я.

Она вслушивается в погромыхивающую тишину.

– А это точно та лестница, которая нам нужна?

– Конечно, – отвечаю я.

В вестибюле на первом этаже с треском раскалываются деревянные панели. Иона в роли Фреда Пинка выкликает из-за двери над нами:

– Эй, я здесь! Помогите! Спасите! Эй, кто-нибудь! Лю-у-уди-и, ау-у-у!

Братец, как всегда, переигрывает, кричит слишком громко. Маринус поворачивает круглую ручку, скрывается за дверью. В любой другой День открытых дверей я решила бы, что дело сделано, гость доставлен в лакуну на чердаке, но сегодня я ни в чем не уверена. Телеграммирую брату:

«Иона, как там она?»

В ответ с грохотом рушится каменная кладка, звенит разбитое стекло, трещит дерево – периметр оризона уничтожает остов Слейд-хауса. Разрушения перебрасываются на нижний лестничный пролет, но ноги Бомбадила словно прилипли к ступенькам, его разум бессознательно пытается отнять у меня контроль над обезумевшей от адреналина нервной системой заимствованного тела. Глазами Бомбадила вижу, как бурлящая стена пустоты взбирается на лестничную площадку, стирает и ее, и мертвые напольные часы, а потом волной подкатывает к тощему, татуированному Бомбадилу. Это смерть. «Пора выпрыгивать!» – мелькает мысль, но операнд требует присутствия обоих Грэйеров, и если я поддамся непрошеному побуждению, то убью Иону. Эгрессирую лишь в самый последний миг, психическим усилием столкнув худенькое тело со ступенек. Бдымц-бдымц-бдымц. Бомбадил запоздало вскрикивает – сознание вернулось слишком поздно, падения не остановить, да и соображать он еще не может. И все кончено – исчезает лыжная куртка, ознобыши, айфон, любовь к интернет-порно, детские воспоминания, тело и все остальное. Поглощается не-вспышкой. Я-душа поворачиваюсь и трансверсирую в светлую дверь.

Попадаю в прекрасно выполненную копию отдельной палаты в Королевской больнице Беркшира, где совсем недавно провела неделю в роли пациента и все хорошенько изучила. Разумеется, Маринус – психотерапевт, а не врач отделения неотложной помощи и с американскими больницами знакома лучше, чем с английскими, но стоит допустить мельчайшую неточность, малейшее отклонение от нормы – и она, учуяв подвох, откажется принять обалдин, без которого душу извлечь можно лишь с величайшим трудом, да и то не полностью. Поэтому мы с Ионой воплотили воображаемую палату с невероятной тщательностью, чтобы она ничем не отличалась от настоящей: телевизор на стенном кронштейне, умывальник, смеситель с поворотным изливом, два пластмассовых стула, прикроватный столик, ваза с отколотым краешком, дверь с окошком, закрытым льняной занавеской, большие настенные часы, стрелки которых показывают одну минуту девятого. Жалюзи на окнах опущены –

предполагается, что сейчас вечер, а не утро. Пахнет хлоркой, а больничное звуковое сопровождение включает в себя электронный писк двери лифта, шорох колес каталки по линолеуму и надрывный звон телефона. Доктор Айрис Маринус-Фенби лежит без сознания, в шейном корсете и с капельницей в вене. Входит мой брат, воплощенный в себя самого, в белом докторском халате. Видит мою душу.

– А, Нора! Опаздываешь.

Я гляжу на Иону в виде Ионы, радуюсь его радости – он наслаждается возможностью двигаться, пусть и такой же иллюзорной, как эта больничная палата. Принимаю облик строгой сорокалетней женщины – старшего врача, отвечаю своим голосом:

– На дорогах пробки.

– Молодец, сестрица! Как я выгляжу?

– Добавь круги под глазами, подпусти щетины по щекам и подбородку – и тоже будешь молодец.

Иона подправляет лицо, поворачивается ко мне в профиль:

– Так лучше?

– Лучше. Как там наши тела?

– Твое, как обычно, в безмятежном покое. А у меня в горле по-прежнему дурацкая шпилька торчит. Чердачные стены выдержат, но операнд на последнем издыхании, сестрица. Минут пятнадцать еще протянет.

Поворачиваюсь к Маринус:

– Значит, надо будить пациентку. Ей пора принимать лекарство. А потом мы зарядим операнд и починим твое горло, клетку за клеткой.

Иона с вожделением глядит на женщину, лежащую без сознания:

– Сестрица, а вдруг она сопротивляться вздумает?

– В саду она от земляники отказалась, сославшись на Карла Юнга и на интуицию, но, скорее всего, потому, что ягода была цвета сырой печени. Сейчас она очнется и ей будет все равно, май, Марракеш или Монтеверди. Где обалдин?

Иона воплощает на ладони красно-белую таблетку.

– Вполне обычная, правда?

– Сделай ее чуть поменьше, чтобы глотать было удобнее. И стакан воды не забудь. Главное – не дать ей возможности обдумать увиденное.

Иона уменьшает таблетку, кладет ее в стаканчик, воплощает стакан и бутылку воды «Эвиан» на прикроватном столике.

– Знаешь, когда ты мне из проулка Слейд телеграммировала, я был не в самом лучшем состоянии…

– Ты вот уже восемнадцать лет живешь без подпитки психической энергией, из которых девять провел в травмированном теле. Твоя неуверенность в своих силах вполне естественна. Я бы на твоем месте давно с ума сошла.

– Нет, сестрица, не перебивай. То, что я тебе «сказал», было умирающим эхом моих прежних убеждений. Ты была и остаешься права.

Проекция меня глядит на проекцию моего брата.

– Права? Ты о чем?

– О старых привычках, новых идеях, об ошибочности полной изоляции от *la Voie Ombragée* и… и о высшей цели. Этого достаточно?

Какой неожиданный поворот.

– Уж не в оризон ли я случайно забрела?

– Знаешь, сестрица, если ты злорадствовать собралась, то…

– Да не злорадствую я, Иона! Я тридцать лет ждала, пока ты до этого додумаешься. Поедем на гору Сирануи[{51}]. На западе Японии осенью просто рай. Эномото-сэнсэй очень хочет с тобой познакомиться. Кстати, она готова помочь нам усовершенствовать операнд.

Проекция Ионы погружается в задумчивость, осмысливает конец и начало.

– Вот и славно. Значит, решено.

Сто шестнадцать лет назад наши с братом эмбрионы сосуществовали в матке Нелли Грэйер, а наши перворожденные тела вот уже восемьдесят лет сосуществуют в лакуне. Все посторонние – «они», любовник – сначала «ты», а потом «мы», но Иона – половинка моего «я». Впрочем, сейчас не до растроганных излияний, надо сосредоточиться.

– Когда я шпильку у тебя из горла вытащу, будет очень больно, – предупреждаю я. – Но я ранки прижгу и…

– Ну что, пора, сестрица.

Иона прикладывает указательный палец левой руки к фронтальной чакре нашей гостьи, правой рукой вычерчивает глиф пробуждения…

…и зрачки Айрис Маринус-Фенби расширяются в неверном свете оризона.

– Не двигайтесь, Айрис, – говорит Иона. – Вы попали в аварию, но все обошлось. Вы в больнице. Не волнуйтесь, с вами все в порядке.

– В аварию? – лепечет она.

По голосу ясно, что она испугана и растеряна.

– Гололедица на трассе эм-четыре, – поясняет Иона. – Ваш «фольксваген» в лепешку разбился. К счастью, больше никто не пострадал,

да и вы сама легко отделались. Вы в Королевской больнице Беркшира, вас днем сюда доставили.

Маринус сглатывает и ошалело спрашивает:

– Я… а кто…

– Ах да, меня зовут Гарет Белл, а это моя коллега, доктор Хейз. Ну вот, все лекари собрались. Айрис, для того чтобы точно установить ваше состояние, надо провести медицинское обследование. Как вы себя чувствуете? Сможете ответить на несколько вопросов?

– Ох… – Одурманенная мозгоправша недоуменно морщится. – А, да, конечно. Приступайте.

– Спасибо, Айрис, – вступаю я. – Отлично. Для начала скажите, у вас что-нибудь болит?

Маринус осторожно шевелит руками, потом ногами:

– Нет… Все хорошо… Только слабость и онемение. Суставы ноют.

– Так, – задумчиво тяну я, выводя каракули в блокноте. – Вам капельницу поставили, с обезболивающими и противовоспалительными препаратами. Вы сильно ударились левым боком, там серьезные кровоподтеки. Дальше… подвижность вы нам только что продемонстрировали. Прекрасно. А говорят, будто доктора – трудные пациенты.

– Наверное, к психотерапевтам это не относится.

Я улыбаюсь:

– Так и запишем, на будущее.

– А переломов у меня нет? – спрашивает Маринус, пытаясь приподняться.

– Ну-ну, полегче, – говорит Иона – доктор Белл. – Айрис, не торопитесь. И не волнуйтесь, шейный корсет – это временная мера предосторожности. Рентгеновских снимков мы делать не стали, на случай, если вы беременны. Кстати, вы беременны?

– Нет. Абсолютно точно.

– Отлично. Через часок отвезем вас в рентген-кабинет. А пока проверим зрение. Сколько пальцев? – спрашиваю я, вытягивая четыре.

– Четыре, – отвечает Маринус.

– А сейчас?

– Ни одного.

– Великолепно, – говорит Иона. – Но все равно надо проверить, как бы сотрясения не было. У вас на затылке здоровенная шишка. После рентгена сделаем вам томограмму. А вы помните, как произошла авария?

– А… – устало и рассеянно вздыхает Маринус. – Ну…

Мы усаживаемся на краешек ее кровати.

– Вы помните, как вели машину?

– Да. И помню, как добралась до нужного мне места.

– Это куда? – спрашивает Иона.

– На окраину города, к проулку на углу Вествуд-роуд. Проулок Слейд. Мне там Бомбадил встречу назначил.

– Бомбадил? Тот самый, который помесь лепрекона с Зеленым человеком, из толкинского «Властелина колец»? – спрашивает Иона. – Очень странное прозвище.

– Ну, я «Властелина колец» не читала. Мой Бомбадил – конспиролог. Его настоящего имени я не знаю. Понимаете, я пишу статью о психозах и мании похищения, и он – объект моего клинического исследования. Он меня дожидался… в проулке… а еще там в стене… была дверца… которой на самом деле не было…

– Поразительно. – Я подпускаю тревоги в голос. – Видите ли, Айрис, сегодня вы весь день провели в больнице. Здесь, в Королевской больнице Беркшира.

– Вы же лучше нас знаете, что после серьезной травмы или аварии мозг способен создавать весьма изощренные фантазии, – непринужденно добавляет Иона. – Но, как бы то ни было, ничего страшного. Всю необходимую информацию вы нам уже сообщили. Вот, выпейте-ка парацетамол, во избежание точечных внутренних кровоизлияний. – Он поворачивает шарнирный столик к кровати, выкладывает таблетку на белое блюдечко. – Я свяжусь с Вив Сингх в лечебнице Докинса, там весь день за вас волнуются. Пошлю им эсэмэску, что вы в полном сознании, речь не нарушена.

– Да-да, спасибо. Я… – Маринус задумчиво смотрит на крохотную таблетку.

Воплощенное сердце в моем воплощенном теле учащает биение.

Иона ставит рядом с блюдечком стакан воды «Эвиан».

– Спасибо. – Маринус рассеянно берет таблетку.

Я отвожу взгляд и думаю: «Глотай, ну глотай же скорее!»

– Не за что, – безмятежно отвечает Иона, словно наши метажизни не зависят от того, выполнит ли эта капризная особа наше требование. Он глядит на экран мобильника, словно ищет фамилию в списке контактов, бормочет: – Вив Сингх, Вив Сингх…

– А… можно спросить? – произносит Маринус.

– Да, конечно, – говорит Иона, не отрывая глаз от айфона.

– Ох, ради одиннадцати тысяч одиннадцати имен Бога, с какой стати

мне принимать отраву из рук двоих паразитов-душегубов?

Настенные часы замирают; мигающие огоньки на мониторах гаснут; звон телефона обрывается. Иона, обернувшийся спиной ко мне и к Маринус, застывает на месте. Я встаю и, спотыкаясь, отхожу от кровати. Не могу отвязаться от мысли, что Маринус, наша гостья, не может знать о нас с Ионой больше, чем мы с Ионой знаем о ней. Простой смертный, пусть даже и психотерапевт, не может лежать в воплощенной кровати внутри оризона и глядеть на нас с откровенной скукой, будто на затянувшемся собрании. И тем не менее очевидно, что именно это и происходит. Хотя этого не может быть.

– У вашего операнда масса недостатков, но самое нелепое – это ваш обалдин, – невозмутимо продолжает наша гостья. – Нет, судите сами: анима-абортивное средство, которое пациент должен принять исключительно по своей воле, иначе оно не сработает. Полный нонсенс! Такой примитивной формулой на Пути Мрака вот уже лет шестьдесят никто не пользуется. На что вы надеялись, Грэйеры, когда его изобретали? В усовершенствованном виде вы бы мне его без особых хлопот скормили. Ну, во всяком случае, теоретически.

«Сестрица, кто она такая?» – телеграммирует Иона.

«Тревога! – телеграммирую я. – Готовься к битве. Иначе нам конец».

«Давай ее убьем. Немедленно», – настаивает он.

«Если ее убить, то ее душа от нас ускользнет, – телеграммирую я открытым текстом. – А если ее душа ускользнет, операнд умрет. Он и девяти часов не продержится, не то что девяти лет. А если операнд умрет, то исчезнет и лакуна».

– А без лакуны все захлестнет время внешнего мира, ваши перворожденные тела иссохнут, а ваши души уйдут во Мрак, верно? – неторопливо произносит Маринус. – Сто шестнадцать лет пожили – и хватит.

Иона, ошарашенный не меньше моего, телеграммирует:

«Сестрица, что происходит? Неужели эта ушлая стерва нас *слышит*?»

Маринус укоризненно цокает языком:

– Мистер Грэйер, как вам не стыдно! Выражений похлеще нельзя было подобрать? В наши дни «стерва» – похвала, а не оскорбление. Вы б еще веточкой сельдерея на меня замахнулись, право слово! Значит, я стерва, да к тому же ушлая? Вы же меня сами в гости пригласили, я не напрашивалась. В чем вы здесь ушлость усмотрели? Нехорошо. Очень некрасиво с вашей стороны.

Небрежно вычерченным глифом Маринус мгновенно развоплощает шейный корсет и капельницу. Мы ошеломленно глядим на нашу гостью.

– Да-да, я знаю, суборизон в оризоне, пузырек в пузыре на чердаке дома. Вполне сносная копия. Но откуда в государственной больнице взялась минеральная вода «Эвиан»? Нет, можете не объяснять, и так понятно, кому принадлежит эта гениальная идея. – Она глядит на меня, но кивает на брата.

Я молчу. Она неторопливо встает с кровати. Мы с Ионой отступаем на шаг.

– Вы, мисс Грэйер, не стали бы тратить силы на воплощение бутылки французской минералки в воображаемой палате государственной больницы, особенно после вашей сверхсекретной вылазки в лечебницу Докинса. Да-да, я заметила, что вы меня глазами Вив Сингх изучали. Вы меня обольщали, а я вас обольщала. Такая вот компания обольстителей подобралась. Хороша пижамка-то… – Она делает небрежный росчерк в воздухе и оказывается в прежней одежде. – Только я к своему наряду больше привыкла.

Иона ослабляет контроль над оризоном, чтобы не растрачивать психовольтаж попусту, – мудрое решение. А вот то, что он намерен атаковать Маринус, – решение опрометчивое. Этого делать ни в коем случае нельзя, она наверняка к этому готова.

– Признаюсь, мы в растерянности, – говорю я. – Кто вы? Представьтесь, пожалуйста.

– Я – это я, мисс Грэйер. Айрис Фенби, родилась в тысяча девятьсот восьмидесятом году в Балтиморе. Имя Маринус добавлено позднее, по семейной традиции, но это долгая история. Моя семья переехала в Торонто, я поступила на медицинский факультет, изучать психиатрию. Вот и все.

– Но вы – телепат, владеете глифами… – продолжаю я. – Вам известно, что это?

Направляю в ее сторону слабую психоволну. Маринус с легкостью перебрасывает ее на бутылку «Эвиан», бутылка падает, подкатывается к краю столика, но исчезает, не успев свалиться на пол.

– Ах, Иона, да мы с нашей гостьей – три горошины в психозотерическом стручке! – с улыбкой восклицаю я.

Маринус не смешно.

– Нет уж, увольте, мисс Грэйер. Не надо меня в свой стручок засовывать. Я не обращаюсь с людьми, как с одноразовыми перчатками. Бедного Марка – того самого, который себя Бомбадилом называл, – вы даже не поблагодарили, просто выбросили его, будто мусор, и дело с

концом.

– Да уж, взойдя на высокую и превознесенную гору[52] милосердия Божия, легко заботиться обо всех и каждой из семи миллиардов хнычущих, блюющих и похотливых тварей, именующих себя человечеством, – язвительно замечаю я.

– А вы и рады этим свои поступки оправдывать, – говорит она.

– Да неужели? А откуда вам известно, кто мы такие и как нас зовут?

– Вопрос, конечно, интересный…

Маринус достает из кармана летной куртки какое-то устройство и показывает нам. На корпусе надпись: SONY.

– По-моему, один из вас этот цифровой диктофон видел. Полагаю, это были вы, мистер Грэйер. – Она поворачивается к Ионе, тот вглядывается. – Да-да, смотрите повнимательнее. Может быть, что-нибудь и припомните.

Маринус нажимает кнопку, звучит уверенный женский голос: «Интервью с мистером Фредом Пинком в пабе „Лиса и гончие“, суббота, двадцать восьмого октября две тысячи шестого года, девятнадцать часов двадцать минут…» Фрейя Тиммс. Маринус выключает диктофон. Выражение наших лиц не требует объяснений.

– У нее была жизнь, – говорит Маринус, с трудом сдерживая гнев. – У нее была любимая сестра. Помните, как ее звали? Говорите, не стесняйтесь. Что, стыдно?

Ошеломленный Иона словно бы утратил дар речи. Так ему и надо, дуралею! Девять лет назад, в роли Фреда Пинка, он расхвастался перед Фрейей Тиммс в моем оризоне, созданном по образцу и подобию паба «Лиса и гончие», и тем самым протянул нить Ариадны, которая и привела доктора Маринус в самое сердце нашего операнда. Наконец мой брат приходит в себя и, разумеется, спрашивает совсем не то, что надо:

– Откуда это у вас?

Маринус презрительно смотрит на него и поворачивается ко мне.

Я без малейшего смущения гляжу ей в глаза и говорю:

– Фрейя Тиммс.

Она сверлит меня взглядом, потом всматривается в полупрозрачные жалюзи на призрачном окне:

– А ночи здесь темные. Мы на чердаке Слейд-хауса?

Я молчу.

Она отвечает на вопрос Ионы:

– Да, ваш «крематорий» избавляется от тел, а вот неорганические предметы проскальзывают в щели. В прошлом оброненные пуговицы и заколки для волос значения не имели… – Маринус, обернувшись к нам,

подкидывает диктофон на ладони. – А в этом веке ангелы и впрямь умещаются на булавочную головку, а жизни многих тысяч – на флешку. Нас мало, мисс Грэйер, но у нас хорошие связи. И подобные вещицы рано или поздно нас находят, – говорит она, пряча диктофон в карман.

Я начинаю догадываться, кто она. Эномото-сэнсэй упоминала о неких «мстителях» из Вневременных, которые с патологическим упорством уничтожают таких же, как они.

– «У нас» – это у кого? – спрашивает Иона.

– А вы у сестры поинтересуйтесь. Она с миром лучше знакома.

Я не спускаю глаз с Маринус.

– Она из Раскольников.

– Тепло.

– *Le Courant Profond*, – предполагаю я. – Глубинное течение.

Руки у нее свободны, глифы она может в любой момент начертать.

– Теплее.

Мне уже надоела дурацкая игра в шарады.

– Вы Хоролог.

– А что так робко? Побольше яду, мисс Грэйер, – подбадривает Маринус.

Похоже, она, как и мой брат, обожает дешевый бурлеск. Что ж, может быть, как и мой брат, она допустит ошибку.

Иона, как и следовало ожидать, понятия не имеет о Хорологах.

– Она что, часовщик?

Маринус смеется – искренне и беззлобно:

– Мисс Грэйер, теперь мне почти ясно, почему вы так долго терпите выходки этого неразумного юнца, несостоявшегося канцеляриста, бесталанного актеришки, мелкой шавки, возомнившей себя волком. Строго между нами, согласитесь, он ведь мертвый груз, балласт, кандалы, ярмо и альбатрос на шее. У него даже имечко подходящее – Иона{53}. Знаете, как ваш сеид своего ученика называл? Самодовольным ничтожеством, вот как. И добавлял, что у него ума – как у поросячьего дерьма. Честное слово. Единственная заслуга вашего брата – то, что с помощью диктофона Фрейи Тиммс мы вашего бывшего наставника в Атласских горах отыскали. Досточтимый сеид умолял ему жизнь сохранить, пытался откупиться, рассказал нам много интересного. Мы с ним обошлись так же милостиво, как он обходился со своими жертвами. Так что теперь, когда вы окончательно убедились, что Иона представляет для вас смертельную опасность, можно…

Внезапно она умолкает, потому что мой брат, кипящий негодованием,

забывает об осторожности и голыми руками выводит глиф пиробласта.

«Не смей!» – телеграммирую я, но в голове Ионы беснуется яростный вопль.

– Не смей! – кричу я во все горло.

Очертания больничной палаты исчезают, остается только длинный чердак Слейд-хауса. Восемьдесят лет метажизни оканчиваются здесь, на распутье. Что делать? Присоединиться к Ионе и напасть на врага, о силе и способностях которого мы не имеем ни малейшего представления? Вдруг Маринус нас неспроста спровоцировала? Вдобавок даже если мы победим, то обречем себя на психоэнергетический голод. Или обречь Иону на смерть в безумной надежде на то, что мне самой удастся уцелеть? Пока Иона безрассудно и опрометчиво опустошает свою душу, выжимая из нее последние капли психовольтажа для того, чтобы испепелить Маринус, я не знаю, что делать…

…Маринус стремительнее мысли создала вогнутое поле зеркального щита; оно вздрогнуло и затряслось от удара, зашипела лава, лицо Маринус напряглось от боли, и на мгновение во мне вспыхнула надежда, – может быть, враг недооценил наши силы; но зеркальный щит выдержал напор, распрямился и отбросил перефокусированный черный свет к его истоку. У меня не было времени ни начертать защитный глиф, ни удержать, ни вмешаться. Иона Грэйер прожил больше 42 тысяч дней, а погиб в долю секунды, от элементарного, ученического приема – впрочем, примененного мастером. Я успела мельком заметить обугленную фигуру брата, оплавленные губы и щеки, напрасную попытку защитить глаза; потом он превратился в черные головешки, они осыпались катышками золы, и пепельная туманность в форме человеческого тела расплылась облаком сажи и осела на половицы, затушив несгорающую свечу.

Решение было сделано за меня.

Сквозь веки моего перворожденного тела вижу свет свечи. Слышу тихое шипение и потрескивание воска, плавящегося у основания горящего фитиля. Значит, время протекло в лакуну. Наш операнд умер. Когда я открою глаза, то вместо Ионы, открывающего глаза, увижу Скорбь. Мы со Скорбью обменялись любезностями много лет назад, в Или, после смерти мамы. Бедняжка, выхаркивая сгнившие легкие, на смертном одре завещала мне заботиться об Ионе, защищать его, потому что я – рассудительная и обязательная. Больше века я держала данное матери слово, оберегая брата так, как несчастной Нелли Грэйер и не снилось. Все эти годы Скорбь ко

мне не приближалась, пряталась в людской толпе, но сейчас намерена наверстать упущенное время. Я не питаю никаких иллюзий. Душа Ионы отошла во Мрак, его перворожденное тело – слой сажи у меня под ногами и на ниневийском подсвечнике. Скорбь обрушит на меня колоссальную боль, но сейчас, в эти краткие мгновения, среди руин мертвого операнда и жирных зернистых хлопьев, некогда бывших моим братом-близнецом, я осознаю, что способна с необычайным спокойствием оценить сложившуюся ситуацию. Может быть, это спокойствие – вязкая неподвижность отступившего моря перед тем, как на берег с ревом нахлынет огромная, выше гор и шире горизонта, волна цунами, сметая все на своем пути. Как бы то ни было, этим спокойствием надо воспользоваться. Иона рванулся навстречу верной смерти, и я его не остановила; возможно, это доказывает, что моя любовь к жизни сильнее любви к брату. Вдобавок любовь к жизни – хороший союзник в борьбе со Скорбью; если я сейчас поддамся горю, то не выживу. Убийца здесь, рядом со мной, на нашем чердаке. А где ей еще быть? Я недавно слышала, как она встала, постанывая от боли – так ей и надо! – и проскрипела по старым дубовым половицам к свече, будто кошмарный увечный мотылек. Она ждет, чтобы я открыла глаза. Ничего, пусть подождет.

Темнокожее лицо в темноте. Будто охотник, следящий за загнанным зверем, она наблюдает, как я слежу за ней; души соединены зрительными нервами. Маринус-Хоролог, убийца Ионы, принесшая смерть в нашу твердыню. Да, я ее ненавижу. Ненавижу – пустой, незначительный глагол. Ненависть не просто обволакивает душу, но замещает ее; желание изувечить, растерзать, уничтожить и убить эту женщину превращается из чувства в мою суть.

– Я предполагала, что вы с братом вдвоем на меня нападете, – шепчет она похоронным тоном. – Он наверняка надеялся, что вы его поддержите. Почему вы этого не сделали?

Это начало конца.

– Его стратегия была порочна, – хриплю я; горло перворожденного тела пересохло. – Если бы мы проиграли, то оба превратились бы в…

Перевожу взгляд на пепел под ногами, встаю, разминаю затекшие суставы и отступаю на несколько шагов, чтобы оказаться точно напротив Маринус на равном расстоянии от свечи.

– А если бы мы победили, то погибли бы при коллапсе лакуны – время внешнего мира уничтожило бы наши перворожденные тела. Иона с детства отличался неосмотрительностью – наделает глупостей, а потом ждет, что я

порядок наведу. Вот только в этот раз не получилось.

Помолчав, Маринус произносит:

– Примите мои соболезнования.

– Мне претят ваши соболезнования, – невыразительно говорю я.

– Да, скорбь больно ранит. У каждого опустошенного вами человека были родные и близкие, которые страдают так же, как вы сейчас. Вот только им некого обвинять, некого ненавидеть. Вам же знакома пословица, мисс Грэйер: «Кто с мечом к нам придет…»[{54}]

– Давайте без цитат обойдемся. Почему вы меня до сих пор не убили?

Лицо Маринус принимает выражение: «Ах, это очень сложно объяснить».

– Во-первых, последователи Глубинного Течения – не хладнокровные убийцы.

– Да-да, разумеется, сначала надо спровоцировать врага на нападение, а потом утверждать, что вы убили, защищая свою жизнь.

Лицемерка этого не отрицает.

– Во-вторых, я хотела попросить вас об одолжении. – Она указывает на высокое зеркало. – Откройте, пожалуйста, внутреннюю апертуру и выпустите меня отсюда.

Значит, она не всемогуща и не всеведуща. Нет, я не собираюсь объяснять ей, что после смерти операнда апертуру мне не открыть. И подтверждать, что зеркало – это апертура, тоже не собираюсь. Мало ли, вдруг она не знает этого наверняка. Воздух в лакуну не поступает. Представляю себе Маринус, умирающую от удушья, вызванного нехваткой кислорода на чердаке. Умиротворяющее зрелище.

– Ни за что не открою, – отвечаю я.

– Я особо и не надеялась, – признает она. – Хотя это было бы элегантнее запасного плана. Впрочем, он тоже никаких гарантий не дает.

Она подступает к свече, засовывает руку в карман брюк. Я собираю остатки психовольтажа, готовлюсь к защите. Однако она достает не орудие убийства, а смартфон.

– Ближайшая сеть в будущем, в шестидесяти годах отсюда, – напоминаю я. – Сигнала во внешний мир апертура не пропускает. Ах, какая жалость!

Смартфон заливает холодным сиянием темнокожее лицо.

– Я же говорю, никаких гарантий, – замечает она и направляет смартфон на апертуру; смотрит, выжидает, проверяет экран, морщит лоб, чего-то ждет, ждет, обходит свечу и пятно сажи, опускается на корточки у апертуры, изучает поверхность зеркала; снова выжидает, потом прижимает

ухо к стеклу, ждет, а потом вздыхает: – И впрямь никаких. – Прячет смартфон в карман. – Я спрятала полкило взрывчатки в кустах у внешней апертуры. Помните, у меня холщовая сумка была? Вы поняли, что чего-то не хватает, когда мы под глициниеи проходили, пришлось вас отвлечь. Я надеялась, что взрывом разрушит апертуру, но либо детонатор на сигнал не среагировал, либо ваш операнд слишком прочен.

– Примите мои соболезнования, – произношу я, не скрывая удовлетворения. – А еще одного плана у вас нет? Или доктор Айрис Маринус-Фенби все-таки сегодня умрет?

– Да-да, сейчас, по давней традиции, должна произойти еще одна впечатляющая битва между добром и злом. Однако, поскольку мы вряд ли придем к соглашению, кто из нас олицетворяет добро, а кто зло, а наградой победителю будет медленная смерть от удушья, предлагаю традицию презреть.

Ее неуместное, напускное фиглярство ужасно раздражает.

– Впрочем, для вас смерть – всего лишь краткая пауза.

Она обходит свечу и усаживается на место, отведенное для наших гостей, – прямо напротив апертуры.

– На самом деле все несколько сложнее, но в принципе вы правы, мы возвращаемся. Кто рассказал вам о Глубинном Течении – Эномото или сеид?

– Оба наших наставника о вас знали. А почему вы спрашиваете?

– С дедом Эномото я в прошлой жизни встречалась. Не человек, а злобный демон. Вам бы он понравился.

– Вы запрещаете нам то, чем пользуетесь сами, – говорю я. Голос хрипит и срывается; жажда замучила.

– Вы убиваете ради бессмертия. А мы к нему приговорены.

– Ах, приговорены? Можно подумать, вы с радостью откажетесь от метажизни ради нескольких жалких, убогих десятилетий, отведенных простым смертным.

Отчего я так устала? Наверное, все силы уходят на то, чтобы не поддаваться Скорби. Сажусь в шаге от своего обычного места.

– А почему вы, Хорологи, ведете эту… это… – Нужное слово ускользает, оно арабское, но сейчас широко употребляется в английском. – Этот… джихад против нас?

– Мы защищаем святость жизни, мисс Грэйер. Не нашей собственной, а чужой. Наша цель в том, чтобы и в будущем оберегать жизнь ни в чем не повинных людей, которых вы убили бы ради того, чтобы продлить свое существование. Будущие сестры Тиммс, Гордон Эдмондс, Бишопы – все

они уцелеют. В этом и заключается наше призвание. Метажизнь без цели – всего-навсего бессмысленное утоление голода.

Какие еще Бишопы?

– Мы всего лишь хотели… – начинаю я, но голос ослабел, дрожит и срывается. – Мы всего лишь хотели выжить. Это здоровый животный инстинкт…

Маринус презрительно морщится:

– Фу, даже не начинайте. Надоело. Такие, как вы, все время упирают на здоровый инстинкт, закон природы, естественный отбор, мол, кто сильнее, тот и прав… Одно и то же, год из года…

Суставы горят от боли – колени, локти. Раньше такого не было. Что со мной происходит? Наверное, это Маринус виновата. И куда подевался Иона?

– …как стая стервятников…

Женщина продолжает говорить, но мне приходится напрягать слух. А погромче она не может?

– …феодалы, работорговцы, олигархи, неоконсерваторы и такие вот хищники, как вы, подавляют в себе совесть, избавляются от нравственного закона.

Левое запястье ноет. Подношу руку к глазам и в ужасе замираю. Кожа обвисла уродливым рукавом. Ладонь и пальцы… старческие. Подозреваю, что это жуткая иллюзия, нарочно созданная Маринус, чтобы меня запугать. Вглядываюсь – с неподобающим усилием – в апертуру. Оттуда на меня ошарашенно глядит седая старуха.

– Взрывом апертуру не разрушило, но трещина в ней появилась. Вот тут, прямо посередине. Видите? – Она опускается на корточки рядом со мной, проводит пальцем по толстой черте. – Вот. Сквозь нее из внешнего мира сочится время, мисс Грэйер. Как ни прискорбно, каждые пятнадцать секунд вы стареете лет на десять.

Она говорит вроде бы по-английски, но о чем?

– Ты кто?

Женщина уставилась на меня. Да как она смеет?! Это же невежливо! Неужели негров с детства не обучают элементарным правилам приличия?

– Я – кара, мисс Грэйер.

– Кара? Кара, приведи… приведи… – Я знаю его имя. Я знаю, что знаю его имя, но оно меня знать не желает. – Приведи моего брата. Немедленно. Он все устроит.

– Увы, мисс Грэйер, – говорит Кара. – Вы теряете рассудок.

Она встает, берет наш… как это называется? В него свечу вставляют!

Она его украсть хочет?

– Поставь на место! Не тронь!

Хочу остановить ее, но не могу двинуться с места – ноги не слушаются, бессильно елозят по грязи на полу. Почему здесь так грязно? Где горничная? Кто пустил сюда эту негритянку? Кто позволил ей взять наш подсвечник? О, вот оно, слово – подсвечник! Это семейная реликвия. Ей три тысячи лет. Она старее Иисуса Христа. Она из Ниневии.

– Позови Иону! Немедленно!

Негритянка замахивается этой штукой, будто… как… чем-то, ну, вы знаете… и ударяет по зеркалу.

В расколотую апертуру струится дневной свет, залетают снежинки, устилают половицы, роятся в темных углах чердака, как любопытные школьники. Мое тело сморщилось, опало, будто сдувшийся воздушный шар, полный костей. Над ним парит моя душа, спущенная с привязи, отстегнутая, высвобожденная из обезумевшего рассудка. Маринус, не оглядываясь, входит в апертуру, а чердак растворяется в зимнем небе над безымянным городом. Все кончено. Душа Норы Грэйер, больше не скованная перворожденным телом, тоже вот-вот растворится, но пока еще парит в воздухе над местом, которое еще недавно занимал чердак Слейд-хауса. Моя жизнь кончена? Это все? Нет, ведь мне были положены еще долгие-долгие годы. Неужели все мои ухищрения были напрасны? Я ведь так старалась! Я заслужила… Смотрю вниз: крыши, автомобили, чужая жизнь. Женщина с украденным подсвечником в руках надевает зеленый берет и уходит по проулку. В беспокойном воздухе ни прощания, ни похоронного гимна, ни благой вести – только снег, снег, снег и неумолимое притяжение Мрака.

Нет, еще не время. Еще не время. Мрак неуклонно влечет к себе. Да будь он проклят! Проклятый Мрак! Проклятая Маринус. Я упираюсь изо всех сил. «Она убила моего брата и теперь уходит – легко и свободно?!» Скорбь помогает удержаться, ненависть придает сил. Мне остались какие-то жалкие секунды, но, чего бы это ни стоило, я должна отыскать способ отомстить за моего отчаянного Иону, за моего драгоценного близнеца, за мою родную половинку. Кирпичные трубы, шиферные крыши, узкие длинные дворы, сарайчики, собачьи будки, выгребные ямы. Где укрыться душе, жаждущей отмщения? В новорожденном теле. Где его отыскать? Кого я вижу? Брат с сестрой играют в снегу. Нет, этим детям слишком много лет, их души прочно связаны с телом. Вот мальчишка прыгает на батуте… нет, он еще старше. На крышу сарайчика взлетает сорока,

пронзительно, дробно стрекочет, но человеческая душа не в состоянии существовать в птичьем мозге. А вот в соседнем дворе открывается задняя дверь, из дома выходит женщина: на голове – вязаная шапка, в руках – миска картофельных очистков.

– Адиб, не швыряй снежки в сестру! Лучше слепите снеговика. Да тише вы!

Ее беременность заметна даже с тридцатифутовой высоты. Внезапно меня осеняет. Я проникаюсь красотой предначертанных хитросплетений судьбы. Эта женщина не случайно вышла во двор. Нет, она появилась по велению Сценария. Мрак тянет к себе, но я сопротивляюсь. Осознание новообретенной цели наполняет меня силой. Моя новая цель – в один прекрасный день в каком угодно отдаленном будущем прошептать Маринус на ухо: «Ты убила моего брата, Иону Грэйера, – а теперь я убью тебя, навечно». Трансверсирую вниз, вслед за тяжелыми снежными хлопьями, весомыми, живыми, вечными, незримо проникаю сквозь пальто будущей матери, сквозь ее одежду, белье, кожу, сквозь стенку матки. Я дома, я снова дома, недосягаемая для Мрака, – в тепле, в безопасном убежище, в нарождающемся мозгу эмбриона, что безмятежно дремлет в утробе, посасывая крохотный палец. Вот он, мой астронавт.

Благодарности

В работе над книгой существенную помощь оказали Кейт Айсли, Максимилиан Арамбуло, Никки Барроу, Мануэль Берри, Кейт Брант, Эмбер Берлинсон, Джонни Геллер, Луиз Деннис, Уолтер Донохью, Дебора Дуайер, Кадзуо Исигуро, Триш Керр, Джессика Киллингли, Мартин Кингстон, Маделайн Кларк, Сюзан Кэмил, Эван Кэмфилд, Джеки Льюис, Элис Лютьенс, Кэйти Макгоуэн, Кейтлин Маккенна, Салли Марвин, Питер Менделсунд, Дженет Монтефьоре, Николь Морано, Нил Муррен, Джефф Нисинака, Лоуренс Норфолк, Аласдер Оливер, Лора Оливер, Лидевайде Пэрис, Саймон М. Салливан, Джина Сентрелло, Дуг Стюарт, Кэрол Уэлш, Лотти Файф, Люси Хейл, Софи Харрис, Кейт Чайлдс, Кэтрин Чо, Дэвид Эберсхоф, Ричард Элман. Прошу прощения у тех, кого забыл упомянуть.

Как всегда, спасибо моим родным.

Примечания

Ну и напоследок – несколько общих слов. Образованному англичанину выражение «Слейд-хаус» (Slade House) напомнит в первую очередь не о диалектном обозначении поляны, болота или долины и не о названии популярной в 1970-е годы рок-группы *Slade*, а о Феликсе Джозефе Слейде (1788–1868), викторианском эксцентрике, филантропе, меценате, собирателе древностей и основателе школы изящных искусств, по сей день носящей его имя. Феликс Слейд владел обширным имением в лондонском предместье Кеннингтон на территории района Ламбет, где среди построенных на его деньги домов для фабричных рабочих и лондонской бедноты стоял его особняк в переулке Уолкот-Плейс; в 1940 году немецкие бомбардировщики превратили в руины и особняк, и сам переулок, в наши дни на их месте проходит оживленная транспортная магистраль Кеннигтон-роуд… Внимательный читатель наверняка заметит в этой истории некоторое сходство с описанием Слейд-хауса.

«Голодный дом» непосредственно примыкает к предыдущему роману Митчелла, «Костяные часы» (в рус. пер. – «Простые смертные»), а также содержит множество отсылок и к остальным его книгам. В порядке предъявления:

Лунно-серая кошка гуляет из романа в роман – «Сон номер девять», «Облачный атлас», «Лужок черного лебедя», «Тысяча осеней Якоба де Зута», «Костяные часы» («Простые смертные»).

Одаренные – в романе «Тысяча осеней Якоба де Зута» этим словом называют женщин, зачавших детей от настоятелей монастыря в Сирануи.

Ферн Пенхалигон – потомок упомянутого в «Тысяче осеней Якоба де Зута» капитана фрегата «Феб»; о ее брате Джонни Пенхалигоне, а также о семействе Четвинд-Питт рассказывается в «Костяных часах» («Простых смертных»).

Зиззи Хикару, виртуальный секс-символ из романа «Сон номер девять», она же живая кукла-фабрикантка из романа «Облачный атлас», стала маркой одежды.

Очередная инкарнация души доктора Маринуса из «Тысячи осеней Якоба де Зута» и вымышленный лекарственный препарат инзулета упоминается также в либретто Дэвида Митчелла к опере Мишеля ван дер Аа «Затопленный сад» (2011), своеобразного пролога к «Костяным часам» («Простым смертным»).

Сирануи и Кирисима упоминаются в романе «Тысяча осеней Якоба де Зута», Эномото-сэнсэй фигурирует там же и в «Костяных часах» («Простых смертных»).

Журнал «Подзорная труба» упоминается в «Облачном атласе» и в «Костяных часах» («Простых смертных»), контрактники из «Блэкуотер» – в «Костяных часах» («Простых смертных»).

Композитор Вивиан Эйрс, его планер и Зедельгем упоминаются в «Облачном атласе» и в «Лужке черного лебедя».

Оризон, фигурирующий в «Облачном атласе» как устройство для записи и воспроизведения аудио-видео, здесь превращается в зловещий мираж.

Одаренные, Раскольники, Путь Мрака, Глубинное течение, Хорологи и Сценарий фигурируют в «Костяных часах» («Простых смертных»).

Писатель Криспин Херши, упомянутый в книге «Сон номер девять», и его шедевр «Сушеные эмбрионы» также фигурируют в «Костяных часах» («Простых смертных»).

А. Питчер

---

notes

Сноски

1

Мне? *(фр.)*

2

В ду́ше *(фр.)*.

3

«Новокаин для души» *(англ.)*.

4

«Копы заловили» *(англ.)*.

5

«Гипербаллада» *(англ.)*.

6

«В безопасности» *(англ.)*.

7

«Пушистые облачка» *(англ.)*.

8

«Доктор Л. Кантильон, Иностранный легион, кавалер ордена Почетного легиона и ордена Военного креста» *(фр.)*.

Комментарии

1

Мама шагает вперед. / Иду за ней, не наступая на трещины в асфальте. – Аллюзия на английскую поговорку и связанное с этим распространенное суеверие «Step on the crack, break your mother’s back», то есть «На трещину наступишь – родную мать погубишь».

2

«Оксфам» – сеть магазинов одноименной благотворительной организации, где продаются товары, пожертвованные населением.

3

Хэйстекс – от английского «haystack», стог сена.

4

Мимо нас на скутере проезжает мод, как в «Квадрофении»… – «Quadrophenia» (1979) – фильм Франса Роддама о модах (стилягах) середины 1960-х гг., основанный на одноименном альбоме группы *The Who*, выпущенном в 1973 г.

5

…как волшебное зелье на Астерикса… – Астерикс – вымышленный галл, герой французского цикла комиксов «Астерикс и Обеликс».

6

…*насвистывает «Я научу всех в мире петь»*. – «I’d Like to Teach the World to Sing (In Perfect Harmony)» – музыкальная композиция из рекламной кампании «Кока-Колы» 1971 г.

7

Сноудония – район на севере Уэльса, где в 1951 г. был открыт одноименный национальный парк.

8

…как в «Рожденных в поместье». – Имеется в виду британский комедийный сериал «To the Manor Born», транслировавшийся по телеканалу Би-би-си с 1979 по 1981 г.

9

Они похожи на мидвичских кукушат. – «Мидвичские кукушки» (1957) – фантастический роман Джона Уиндема о детях-подменышах, на русском публиковался также под названиями «Кукушки Мидвича», «Мидвичские кукушата» и «Золотоглазые», дважды экранизирован под названием «Деревня проклятых» (в 1960 и 1995 гг.).

10

Роколл – необитаемый скалистый остров в Атлантическом океане, между Великобританией, Ирландией и Исландией.

11

…песенками про черное и белое порядка не добьешься. – Аллюзия на музыкальную композицию «Ebony and Ivory», написанную в 1982 г. Полом Маккартни и Стиви Уандером.

12

…в подавлении Брикстонских беспорядков и… в Оргривском сражении… – Брикстонские беспорядки – вооруженные стычки между полицией и населением лондонского района Брикстон в 1981 и 1985 гг.; Оргривское сражение – мятеж во время забастовки на коксохимическом заводе концерна «Бритиш стил» близ города Оргрив в Южном Йоркшире.

13

…*болельщик «Вест-Хэма»*… – Имеется в виду футбольный клуб «West Ham United».

14

А Бишопы – это та супружеская пара, которая на Ай-ти-ви утреннюю программу ведет? – Имеются в виду супруги Ричард Мэдли и Джуди Финнеган, ведущие ток-шоу «Сегодня утром» с 1988 по 2001 г.

15

Рёскин, Джон (1819–1900) – английский писатель, художник, влиятельный искусствовед.

16

…*«Если упадет звезда, ты желанье загадай…»* – «When you wish upon a star», песня сверчка Джимини Крикета из диснеевского мультфильма «Пиноккио» (1940).

17

Коломбо не такой импозантный, Коджак лысый, Кегни и Лейси женского пола. По-моему, Бержерак – самое подходящее имя для кота. – «Коломбо» (1968–1978, 1989–2003) – американский полицейский телесериал. «Коджак» (1973–1978) – американский полицейский телесериал. «Кегни и Лейси» (1982–1988) – американский полицейский телесериал. «Бержерак» (1981–1991) – английский полицейский телесериал.

18

«Кантри ливинг» (Country Living) – американский глянцевый журнал, в переводе с английского название означает «загородная жизнь».

19

Наливайте, Дживс. – Дворецкий из романов П. Г. Вудхауза. Имя стало нарицательным задолго до появления популярного телесериала «Дживс и Вустер» с Хью Лори и Стивеном Фраем в главных ролях (1990).

20

…насмотрелись «Непридуманных историй»… – Имеется в виду «Unexpected Tales», британский сериал (1979–1988), первоначально созданный по мотивам рассказов Роальда Даля.

21

«Когда Гарри встретил Салли» – романтическая комедия режиссера Роба Райнера «When Harry Met Sally» (1989), в главных ролях Билли Кристал и Мэг Райан.

22

«Богемская рапсодия» («Bohemian Rhapsody») – популярная композиция группы *Queen* с альбома «A Night at the Opera» (1975).

23

«Кэндимэн» («Candyman») – художественный фильм режиссера Бернарда Роуза, снятый в 1992 г. по мотивам рассказа Клайва Баркера «Запретное», в России также выходил под названием «Леденец».

24

«Шоу ужасов Рокки Хоррора» (Rocky Horror Picture Show, 1975) – культовая экранизация популярного британского мюзикла «Rocky Horror Show»; фильм снят режиссером Джимом Шарменом, в главных ролях Сьюзен Сарандон и Тим Карри.

25

«Novocaine for the Soul» («Новокаин для души») – песня группы *The Eels* с альбома «Beautiful Freak» (1996).

26

…*в «Обезьяньей лапке»*. – «Обезьянья лапка» («Monkey’s Paw»), одноактная хоррор-драма по одноименной повести Уильяма Уаймарка Джейкобса, выпущенной в 1902 г.

27

«Caught by the Fuzz» («Копы заловили») – первый сингл рок-группы *Supergrass*, выпущен в октябре 1994 г. Песня включена в дебютный альбом группы, «I Should Coco» (1995).

28

…*попрощаться можно, а уйти нельзя*. – Аллюзия на песню «Hotel California» группы *The Eagles* с одноименного альбома (1977).

29

Сингапурская Сал… Почти как мой любимый коктейль… – Имеется в виду коктейль «Сингапурский слинг» (джин, вишневый ликер, апельсиновый ликер куантро, гренадиновый ликер, ананасовый и лимонный сок, биттерс, содовая).

30

«Hyperballad» («Гипербаллада») – песня с альбома Бьорк «Post» (1996).

31

«Safe from Harm» («В безопасности») – песня первопроходцев трип-хопа группы *Massive Attack* с альбома «Blue Lines» (1991).

32

«Little Fluffy Clouds» («Пушистые облачка») – композиция электронной эмбиент-группы *The Orb* с альбома «The Orb’s Adventures beyond the Ultraworld» (1991).

33

«Скафандр и бабочка» (Le Scaphandre et le Papillon) – автобиографическая книга Жана-Доминика Боби, опубликованная в марте 1997 г.

34

«Прослушка» (The Wire) – американский телесериал Дэвида Саймона, снятый для канала кабельного телевидения HBO, транслировался с 2002 по 2008 г.

35

…мой приятель Дэвид Айк… – английский писатель-конспиролог, род. в 1962 г.; утверждает, будто мы живем в иллюзорном мире наподобие компьютерной симуляции, а также что всеми процессами на Земле управляет «межразмерная» раса рептилоидов.

36

«Книга Судного дня» – материалы первой в Европе всеобщей переписи, проведенной в Англии в 1085–1086 гг. по приказу Вильгельма Завоевателя.

37

«Кто последует за Мною, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни». – Ин. 8: 12.

38

…во время боевых действий на Берегу Слоновой Кости, в войнах Мандинго, а потом принял участие в Южно-Оранской кампании. – Имеется в виду серия войн между французскими колонизаторами и империей Вассулу на территории современного государства Кот-д’Ивуар, 1885–1898 гг., а также ряд вооруженных стычек между французскими колонизаторами и марокканскими племенами в приграничных районах современного Марокко и Западного Алжира, 1903–1904 гг.

39

…с прусскими теософами и с армянскими духовными наставниками, с ибадитскими имамами… – Аллюзия на бывавших в Алжире Макса Теона, основателя так называемого Братства Луксора, и Георгия Гурджиева, армянского философа-мистика, основоположника так называемого Четвертого пути; ибадизм, одно из течений в исламе, возникшее в VII в., названо по имени одного из основателей, Абдуллаха ибн Ибада.

40

…*жил «в доме со многими обителями»*… – Парафраз Ин. 14: 2 («В доме Отца Моего обителей много…»).

41

…*«Сыщик»?* – Имеется в виду британский сатирический еженедельник *Private Eye*, издаваемый с 1961 г.

42

«Мой дух не устрашат ни время, ни пространство. Я в себе обрел свое пространство и создать могу в себе из Рая – Ад и Рай из Ада». Между прочим, это Мильтон написал. – Джон Мильтон. Потерянный рай. Книга 1. Перев. А. Штейнберга.

43

…скрипичные запилы в сцене убийства в ду́ше из хичкоковского «Психоза». – Имеется в виду культовый психологический триллер, снятый в 1960 г. режиссером Альфредом Хичкоком по одноименному роману Роберта Блоха; музыка к фильму написана композитором Бернардом Германном.

44

«У меня для вас есть новости» (Have I Got News for You) – еженедельная популярная сатирическая телепрограмма, идущая на телеканале Би-би-си с 1990 г.

45

…может быть, ее какой-то псих похитил и в подвале девять лет продержал, как ту австрийскую девочку… как ее? Кампуш? которой недавно удалось сбежать… – Имеется в виду похищенная в 1998 г. Наташа Кампуш (р. 1988), которая провела в заточении 8 лет, до 2006 г., когда ей наконец удалось сбежать.

46

Очарована, околдована и так далее… – Имеется в виду вошедшая в поговорку фраза «bewitched, bothered and bewildered» из мюзикла Джона О’Хары на либретто Ричарда Роджерса и Лоренца Харта «Дружище Джоуи» (Pal Joey, 1940); в 1960 г. мюзикл был экранизирован, главную роль исполнил Фрэнк Синатра.

47

«Американский психиатрический журнал» (American Journal of Psychiatry) – ежемесячная научная публикация Американской психиатрической ассоциации.

48

…два и четыре десятых ребенка. – Имеется в виду комедийный сериал «2point4 Children», буквально «Два и четыре десятых ребенка», шедший на телеканале Би-би-си с 1991 по 1999 г.; в названии обыгрывается размер среднестатистической британской семьи.

49

…в свою Кирисиму слиняла… – Кирисима – вулканическая система в Японии, по преданиям – место схождения на землю сонма богов и героев.

50

…назвал свой мирок «Молоко и мед». – Аллюзия на Исх. 3: 8 («… вывести его из земли сей в землю хорошую и пространную, где течет молоко и мед…»).

51

Поедем на гору Сирануи. – Вымышленное место, названо в честь уникального атмосферного явления на острове Кюсю: в определенное время года над водой в заливах Ариаке и Яцусиро, в 8–10 километрах от берега, возникают движущиеся скопления призрачных огней.

52

…на высокую и превознесенную гору… – Ис. 57: 7.

53

…он ведь мертвый груз, балласт… У него даже имечко подходящее – Иона. – Имя библейского пророка Ионы в английском языке используется как нарицательное обозначение человека-неудачника, приносящего несчастье себе и окружающим.

54

Вам же знакома пословица, мисс Грэйер: «Кто с мечом к нам придет…» – Присловье известно с древнейших времен, см. «Да, он пал от меча, но наказан мечом по заслугам…» (Эсхил. Агамемнон. Перев. С. Апта) и «Тогда говорит ему Иисус: возврати меч твой в его место, ибо все, взявшие меч, мечом погибнут» (Мф. 26: 52).